

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОЗАЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

Прага 1968



Как говорится, родина велела...



Российский независимый исторический и правозащитный журнал

Адрес: 390000, Россия,
г.Рязань,
пл.Костюшко, 3.

Для писем: 390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.

Телефон: (0912)77-51-17.

E-mail: karta@glasnet.ru
http://www.glasnet.ru/~karta

Учредитель:

Редакция независимой газеты "Рязанский вестник".
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации
№ 01949.

Главный редактор
Андрей Блинушов

Редакция:
Юлия Середа
Сергей Романов
Вадим Шубин
Петр Митцнер
Виктор Лозинский

Мнения авторов не
обязательно совпадают с
точкой зрения редакции.
Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.
По вопросам подписки на
"Карту" обращаться
в редакцию.

Над номером работали:
А. Блинушов, С. Романов,
Ю. Середа, И. Сивцова,
В. Шубин.

Компьютерная верстка:
Ю. Середа

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"
Рязань,
ул. Интернациональная,
д. 1 "Г".

Заказ № 21.
Печать офсетная.
Тираж
2000 экз.
Подписано
в печать 30.06.1998.

Российская "КАРТА" основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала "KARTA", выходящего с января 1982 года, и рязанского общества "МЕМОРИАЛ", учрежденного в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

С. КОВАЛЕВ Права человека как национальная идея "Национальный интерес", власть и права человека	3
"Эрика" берет четыре копии..." Л. АЛЕКСЕЕВА о "Хронике текущих событий"	8
В. КАПЛУН 30 лет "Хронике текущих событий" Из истории инакомыслия	9
Л. БОГОРАЗ Свобода. Равенство. Права человека. Анонс книги	12
Правозащитная радиопрограмма Еженедельная радиопрограмма по правам человека	13
Литература по правам человека в Internet Обзор	13
С. СМИРНОВ Будут ли правозащитники сотрудничать с новым омбудсменом? Прогноз	15
Владимир Буковский свидетельствует Фрагмент пресс-конференции В. БУКОВСКОГО	17
"Я нигде не на своем месте..." Интервью с В. БУКОВСКИМ	20
Г. ДАВИДЕНКО "Это было бы немного смешно, если не было бы так горько" Из истории инакомыслия ("Революционная партия интеллектуалов")	25
В. СПИНЕНКО Введение в режим Из истории инакомыслия. Воспоминания лидера "Революционной партии интеллектуалов"	26
В. НОВОДВОРСКАЯ По ту сторону отчаяния Воспоминания диссидентка (окончание)	28
Р. МОСКВИНА Функции репрессий в тоталитарном политическом режиме Исследование	35
Танки против надежды К тридцатилетию ввода войск Варшавского договора в Чехословакию	37
Н. ГОРБАНЕВСКАЯ Что помню я о демонстрации Фрагмент книги "Полдень. Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади"	39
Н. ПЕТРОВ Почему они сегодня празднуют? О проблеме открытости государственных архивов	47
История в документах Архивные материалы	48
Н. МОРОЗОВ Литовский француз Ионас Бруксялис — солдат Армии Крайовой Почта "Карты"	53
В. КИРИЛЛОВ, О. ПОРШНЕВА История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. Заметки с научной конференции Почта "Карты"	53
М. РОГАЧЕВ Мартиrolog "Покаяние" в республике Коми Почта "Карты"	54
В. АБАНЬКИН Памяти Юрия Галанкова Почта "Карты"	54

На первой стр. обложки фото с выставки "Идите домой!" Прага 1968



Сергей КОВАЛЕВ

Права человека как национальная идея

Был ли сэр Исаак Ньютон западником?

Чаще всего концепцию прав человека попрекают ее происхождением. Обычно говорится следующее: эта идея — порождение западной культуры, насквозь пронизанной индивидуалистическим мировоззрением. А у нас в России (Китае, Заире, Сандвичевых островах) индивидуализм никогда не был основой национального бытия. Западный европеец или американец руководствуется в жизни исключительно материальным интересом, а материальный интерес разъединяет людей. Для русского же (китайского, заирского и т.д.) человека на первом месте стоят духовные, а не материальные ценности. Соответственно, естественной основой нашей общественной и государственной жизни является не «общественный договор», не «система сдержек и противовесов», а — соборность. Или, сказать по-русски, консенсус. Поэтому мысль о том, что граждане имеют какие-то индивидуальные права, которые могут вступать в противоречие с общественными (читай: государственными) интересами, несовместима с русской (зайской и пр.) национальной идеей.

Мне не хотелось бы вступать в рассуждения относительно таких деликатных предметов, как органическая чуждость моих соотечественников низменным материальным интересам. Любой, кто участвовал когда-либо в спорах, возникающих, например, внутри гаражного кооператива, может составить по этому поводу самостоятельное суждение. Но мои оппоненты имеют в виду, конечно, более возвышенные предметы: культуру, мировоззрение, исторический путь страны. Что ж, позволю себе лишь два замечания. Во-первых, уверены ли они, что правовые, договорные отношения, разработанная система процедур, направленных на достижение компромисса, разъединяют, а не соединяют людей? И, во-вторых, по части духовности и соборности мы, возможно, и уникальный народ, но вот по части рассуждений на эту тему мы отнюдь не уникальны. Немецкие философы разглагольствовали об особых свойствах германского национального мировоззрения, несовместимого ни с «французским рационализмом», ни с «англосаксонским торгашеским духом», еще в начале XIX века. Кстати, именно у Гердера, Фихте, Гегеля позаимствовали идею «целостного национального мировоззрения» наши ранние славянофилы. Правда, в самой Германии такого рода философия вышла из моды после 1945 года.

Есть ли зерно истины в утверждениях современных почвенников? Да, есть. Действительно, основы системы прав человека, как и основы современного демократического государственного устройства, были разработаны в XVII—XVIII вв. в Западной Европе (прежде всего в Англии и Франции) и Северной Америке, там же новая теория была впервые применена в политической практике. Тогда же и там же были разработаны основы современной физики. Но можно ли считать современную физику «западнической» на том основании, что сэр Исаак Ньютон жил в Англии?

Конечно, философские концепции и общественные институты заимствуются не так легко, как естественнонаучные открытия. Любой народ в своем политическом развитии выбирает пути и формы, сообразуясь с собственной культурой, с собственными национальными традициями. Вот о культуре и о традициях я хотел бы поразмышлять.

Слуги отечества у алтаря отечества

Некоторые специфические черты русской национальной традиции в самом деле не способствуют укоренению в России уважения к правам человека. Это прежде всего склонность к сакрализации государственной власти и патерналистские ожидания. Мы привыкли относиться к государству как к некоей



внешней силе, которую мы можем по-детски обожать или по-детски ненавидеть, но за действия которой мы не несем никакой ответственности. А вот оно, государство, отвечает за все, включая погоду. Ясно, что при таком раскладе нам действительно не нужны никакие права, как не нужны они трехлетнему ребенку.

Социальные истоки этой психологии понятны. Она была порождена исторически сложившейся особой ролью государственного аппарата в русском обществе. В течение веков государственная власть воспринимала себя как единственную общественную реальность в России, а все остальное — культуру, экономику, науку, религию, собственных граждан, наконец, — в лучшем случае как объект деятельности. В худшем же случае любая общественная активность, претендующая на независимость от государства, воспринималась как досадная и злоказненная помеха, подлежащая немедленному устраниению. Так, например, обстояло дело в течение семидесяти пяти лет существования коммунистического режима.

Эта установка на тотальность государства не могла, разумеется, пройти бесследно. Она и не прошла: обратите внимание, что и по сей день в газетных публикациях и даже в устной речи слово «государство» употребляется почти как синоним слов «Россия», «общество», «народ». Так, рассуждая о необходимости поддержать отечественную науку или образование, редкий журналист удержится от оборота типа «этого требуют интересы государства». Конечно же, он имеет в виду, что этого требуют интересы страны, но язык — великий разоблачитель — ясно указывает, что он плохо различает или совсем не различает общество и государственную власть. В его сознании они едины, как еще недавно были едины народ и партия.

Но язык — это еще и великий мистификатор, и языковые подмены не всегда происходят стихийно. Бывают и небескорыстные мистификации. Кто же заинтересован в том, чтобы национальные интересы устойчиво отождествлялись с интересами государственной власти? Разумеется, сама власть.

Однако «власть» — слишком абстрактное понятие, и, когда мы наделяем эту абстракцию атрибутами живого существа, мы лишь усугубляем путаницу в умах. Очевидно, корыстные интересы свойственны только людям, и интересы эти могут быть личны-



Сергей Ковалев в Московском университете, 1954 год.

ми или корпоративными. В данном случае мы, несомненно, имеем дело с корпоративными интересами той социальной группы, которая призвана осуществлять власть. — с многочисленным и могущественным миром российских чиновников.

Социальной базой российского варианта власти всегда был и остается гигантский управленческий аппарат. Он поддерживает этот тип государства, и в свою очередь поддерживается им. Ни российское чиновничество, ни его советскую ипостась номенклатуру не следует понимать как своекорыстный слой взяточников и самодуров, управляющих от имени despoticского правительства. Это понимание было бы слишком примитивным. Русская бюрократия веками функционировала в качестве властной элиты. И за это время ей удалось выработать собственную идеологию и собственную концепцию государства. Российский чиновник (как социальный и культурный тип) — не просто нечистый на руку управляющий. Он еще и жрец Власти, единой и неделимой, тотальной и несменяемой. Он представляет всемогущее Государство, и сам наделен частичкой этого всемогущества.

Конечно, самосознание нашего чиновника предельно цинично, потому что раздвоено. Ведь, помимо ритуальных функций, он все-таки должен решать конкретные управленческие вопросы. Он не только священнослужитель, он еще и менеджер. И как менеджер чиновник не может не видеть неэффективности эдакизма (от фр. *étau* государство — подавляющее участие государства в жизни общества — прим. ред.), доведенного до абсурда. Но как жрец Левиафана он не может

допустить и мысли о релятивизации (относительности — прим. ред.) идеи государства.

Революция 1917 года многократно усугубила эту традиционную болезнь российской государственности. Обожествление государства — разумеется, нового, пролетарского государства — достигло размеров, невиданных даже при царском режиме. После экспроприации частной собственности, ликвидации политических партий и подавления гражданских свобод, после разгрома организованного рабочего движения в стране не осталось места, где можно было бы укрыться от всепроникающего присутствия власти. Общество как сложная совокупность самоорганизующихся личных и колективных прав и интересов перестало существовать, личность осталась один на один с концентрированной мощью госаппарата.

Государство стало единственным работодателем не только для служащих управленческого аппарата, но и для рабочих, крестьян, ученых, литераторов, артистов и т.д. Возник и на протяжении жизни нескольких поколений существовал не виданный в новейшей европейской истории строй — государство-корпорация, охватывающая все население. При этом строе каждый человек, кто бы он ни был, оказывался в определенном смысле сопричастен власти, но не как гражданин, контролирующий ее и заставляющий правительство работать для общественной пользы, а как винтик гигантской машины, лишенный возможности влиять на работу механизма в целом.

Это сформировало парадоксальную и двойственную психологию. Нигде так не ненавидели власть, как в советской России. И нигде на нее не возлагали так много надежд, ибо власть стала всеобъемлющей категорией. Можно сказать, что это — психология чиновника, доведенная до абсурда: естественное человеческое стремление к независимости от вышестоящих сочетается в ней с бессознательным отторжением идеи личной ответственности за свою судьбу.

Внутри партийно-правительственной номенклатуры, кроме того, одновременно нарастало раздражение от необходимости пользоваться непонятной, как санскрит или древнееврейский язык, марксистской фразеологией. Конечно, гегелевские основы марксистской философии позволяли приспособить ее к любому абсурду и оправдать любую несправедливость. Но это годилось для первого поколения советской элиты. Тем, кто пришел на смену уничтожившей саму себя в 30-е годы партии большевиков, не хватало на это ни образования, ни изоценностей, ни желания. Наверху зрело подспудное убеждение в том, что все беды страны происходят от марксистского умничанья и что хорошо бы отаться от него совсем. Или хотя бы дополнить его старым добрым русским национализмом, прямо сказать народу, что величие государства — это и есть его, народа, величие, что Советский Союз — прямой наследник Российской империи, в свою очередь унаследовавшей мировые права империи Византийской. Все коммунистические лидеры, начиная со Сталина, заставляли людей поклоняться идолам Державы. Нации, Власти, лишь слегка задрапированным марксистской фразеологией. Короче говоря, в среде госаппарата подспудно выревала новая идеология — идеология державности. Сегодня тайное стало явным.

За державу — не обидно!

Державность — это вовсе не стремление к сильному и эффективно-



Сергей Ковалев незадолго до ареста. 1974 год.

му государству. Это — нечто прямо противоположное: языческое обожествление самодержащей силы государственной власти, поставленной вне общества и над ним. Державному сознанию чуждо само понятие эффективности, которое предполагает, что государство должно служить людям. Ничего подобного: это люди должны рабски преданно служить идолу государства, возведенному в ранг «национальной святыни».

Это совершенно извращенное азиатское представление о роли и месте государства в жизни страны унаследовано нами не только от советского режима — оно насилием прививалось национальному сознанию в течение всех десяти веков российской истории. В иерархии официальных общественных ценностей державная мощь (по легенде, направленная против многочисленных внешних врагов, а на самом деле занятая, в основном, подавлением собственных подданных) всегда стояла на первом месте. Власть полагалось обожать или ниспровергать, но ни в коем случае не относиться к ней рационально, как к полезному и важнейшему (но и крайне опасному, если не держать его под жестким контролем) институту самоорганизации общества.

Словом «держава» первоначально называли здоровенный металлический шар, который держали в руке во время торжественных церемоний сначала византийские автократоры, сиречь самодержцы, а потом и русские цари, считавшие свою державу наследием Византийской империи. Годился этот предмет разве что на то, чтобы лупить им приближенных по головам, но наши державники именно эту византийскую древность сочли подходящей эмблемой своего мировоззрения. Правильно, в общем, сочли.

Совершенно ясно, что державная идеология в корне противоречит основному принципу современного государства — приоритету права. Между тем современное сильное государство может быть только правовым. Всякая попытка всякой власти встать над законом именуется в таком государстве произволом и является антигосударственным деянием. Никаких изъятий, никаких ссылок на высшие интересы государства (страны, народа) это правило не допускает.

Власть — необходимый, но опасный ме-хан-



В рабочем общежитии в ссылке. Сергей Ковалев — справа. Колыма, 1982–84 гг.

низм. В отсутствие жесткого общественного контроля любая власть в любой стране начинает тяготеть к этатизму, к авторитаризму, к подавлению прав и свобод личности. Подобный контроль невозможен, если базовой ценностью становится «государственные интересы». Мы и пикнуть не успеем, как они тут же превратятся в «национальные интересы», а государство соответственно — в национальную святыню. И тут самое время начинать размахивать шаром-державой.

Именно такую систему управления под аккомпанемент разговоров о державном патриотизме блистательно

демонстрируют нам в течение последних нескольких лет. Особенно ярко державная идея проявила свою «эффективность» и «умение» решать реальные проблемы в период чеченской войны как в деле развязывания конфликта, так и в ходе боевых действий. Вам понравилось?

Понятно, что пока наше национальное сознание, наша внутренняя и внешняя политика не избавились от комплекса державности, ни о каком соблюдении прав человека в нашей стране нечего и мечтать. А в глазах просвещенного человечества мы так и останемся нелепым соплеменным пугалом, годным лишь на то, чтобы на собственном опыте учить других, как не надо жить.

Российская альтернатива

С другой стороны, в нашем национальном характере, и особенно в нашей культуре, заложена и противоположная социально-психологическая модель. При благоприятных обстоятельствах и определенных усилиях со стороны интеллигенции именно на основе этой модели можно будет сформулировать и реализовать «русскую идею». Не ту, о которой уже второй век невнятно толкуют нам националисты, а настоящую русскую идею, достойную великого народа с великой культурой. Вооружившись ею, мы будем в состоянии превратить нашу страну в действительно великую державу XXI века.

Эта идея — право, основанное на неотъемлемых правах личности. Право, как единственный путь к извечной российской мечте — общественной справедливости. Я утверждаю, что эта идея укоренена в русской культуре уж во всяком случае не меньше, чем державный миф.

Отсутствие или неразвитость



Слева направо: Сергей Ковалев, Татьяна Ходорович, Татьяна Великанова, Григорий Подьяпольский, Анатолий Краснов-Левитин.

правовых норм, гарантирующих свободу и достоинство личности, были несчастьем России в течение всей ее истории. В русской литературе, в российском национальном сознании это несчастье обернулось высоким статусом такой категории, как справедливость, острым ощущением неразрывной связи ее с нравственностью. Русский менталитет отвергает возможность безнравственной справедливоści или несправедливой нравственности.

Однако пафос человеческого достоинства и личной свободы в нашей национальной традиции сосуществовал с откровенным пренебрежением к процедурному праву, которое так важно для западноевропейского сознания. Достаточно вспомнить, как классическая русская литература — Достоевский или Толстой — описывала судебную процедуру: иронически, уничтожительно, враждебно. Стремление к абсолютной божественной справедливости заставляло их отвергать саму идею справедливости земной, человеческой, секулярной (светской — прим. ред.).

Это стремление в сочетании с пренебрежением к кодифицированной процедуре привело к тому, что в качестве средства для установления справедливости в обществе часть русской интеллигенции ухватилась за социологические теории двух немецких профессоров. Теории оказались в основном неверными, а научная база, на которую они опирались, устарела уже в самый момент их возникновения. Но русским революционерам показалось, что с помощью этих теорий можно будет установить в стране — что там в стране, во всем мире! — справедливое общество, в котором человек будет по-настоящему свободен.

Попытка установить справедливость и свободу вне права и против права обернулась кровавым кошмаром и семидесятилетним господством одного из самых несправедливых и тиранических режимов в истории России и человечества.

Конечно, когда диктатура пребывала в террористической фазе своего развития, ни о какой ненасильственной борьбе за права человека не могло быть и речи. Единственной формой сопротивления людоедскому режиму могло стать подполье, и во второй половине 40-х гг. в стране действительно возникло множество подпольных кружков, в основном — среди учащейся молодежи. Казалось бы, после смерти Сталина, когда за оппозиционные настроения перестали немедленно убивать, политическое подполье обрело определенную перспективу. В этом случае дальнейший ход исторического развития был бы предопределен: антиправительственная



Сергей Kovalev с друзьями. На поселении в Калинине, 1985 г.

агитация, рост народного недовольства, революционные вспышки и — новая революция, скорее всего, кровавая (разве революции в России когда-нибудь были бескровными?). А после революции, как водится, — становление нового государственного монстра, сопровождаемое новыми репрессиями.

Однако мы «пошли другим путем», и это доказывает, что, вопреки распространенному мнению, уроки истории все же иногда чему-то учат. В последние десятилетия существования советского режима общественная мысль обратилась не к подполью,

не к насилиственному сопротивлению, а к праву.

Так называемое диссидентское движение, возникшее в СССР к середине 60-х годов, было очень неоднородным и не очень массовым явлением. И нет ничего удивительного в том, что большинство зарубежных советологов попросту не обратило на него внимания. Они вообще были убеждены в том, что все события в России, достойные внимания, происходят на нескольких гектарах земли, ограниченных Кремлевской стеной.

Я, между прочим, тоже не склонен переоценивать непосредственное влияние диссидентов на политическое развитие в СССР, хотя не склонен и преуменьшать косвенной их роли в падении старого режима. Диссидентская активность была прежде всего индикатором, показывающим эволюцию общественных настроений, направлением, в котором развивалась независимая мысль. Но это — отдельный разговор.

Сама эта активность проявлялась в разных формах, чаще всего далеких от политики, но ее общим знаменателем было, несомненно, ощущение нравственной несовместимости с несправедливым и жестоким к человеку общественным строем. Стержнем же ее стала борьба за права человека в СССР.

Правозащитное движение родилось в ответ на политические преследования диссидентов самых разных толков и убеждений. Этим преследованиям необходимо было противопоставить

гражданскую позицию, свободную от политики и идеологии, апелляцию к закону казалась единственной возможной и приемлемой для всех формулой. Но очень скоро правозащитники привлекли к сознанию самостоятельной ценности права. Они открыли для себя и, в какой-то степени, для других фундаментальное значение права человека в современной общественной жизни.

Я хотел бы обратить внимание читателя на одно чрезвычайно важное обстоятельство. Вопреки расхожим стереотипам роль западных идей в зарождении и становлении правового сознания была — во вся-



Назрань, март 1985 года. Чеченка просит Сергея Адамовича помочь разыскать ее сына, арестованного российским ОМОНом.

ком случае, поначалу — минимальной. Мы были отделены от Европы довольно-таки прочным железным занавесом, и наши представления о Западе были весьма туманными. Подавляющее большинство диссидентов было чудовищно невежественно в области современных правовых концепций, и мало кто имел представление об их роли и месте в западном обществе. На что мы опирались? На статью 125 советской Конституции, гарантирующую основные политические и гражданские права «в соответствии с интересами трудящихся». Я помню бесконечные дискуссии со следователями и судьями о том, как следует понимать эту клузулу: то ли гражданские права соответствуют интересам трудящихся и потому гарантируются Конституцией, то ли они гарантируются лишь постольку, поскольку этим интересам соответствуют. Естественно, наши оппоненты в погоне отстаивали последнюю трактовку — ведь трудящихся представляли они, и в таком случае окончательное решение о соответствии или несоответствии наших действий Конституции оставалось за ними.

Позднее в самиздате стала распространяться Всеобщая Декларация Прав Человека ООН. Разумеется, при обысках этот подрывной документ неукоснительно изымался. А уж про Пакт о гражданских и политических правах или про Европейскую конвенцию по правам человека в конце 60-х знали только самые-самые «продвинутые» правозащитники.

Говорят, что роковой ошибкой ЦК КПСС была публикация в «Известиях» в 1975 году полного текста Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, включавшего и так называемую «третью корзину» — договоренности о соблюдении основных прав человека всеми участниками соглашения. Разумеется, политические преследования после этого не прекратились, но миллионы советских граждан узнали о том, что некоторые из их прав защищены Международным договором, подписанным и Советским правительством. В результате правозащитное движение получило новый импульс.

Вероятно, так оно и было (я в это время уже сидел), но становление движения произошло раньше и в плане идейном было типичным «изобретением велосипеда».

Мысль о верховенстве права не была заимствована Россией с Запада — она непосредственно вытекала из нашего жизненного опыта и из наших понятий о нравственности, сформировавшихся под влиянием прежде всего русской культурной традиции.

Что это доказывает? На мой взгляд, что правовая идея имеет глубокие корни в нашей культуре и сознании. По крайней мере, столь же глубокие, как и российский правовой нигилизм. Если горстке диссидентов удалось самостоятельно «изобрести» эту идею, а затем, опираясь только на нее, выстоять против самого мощного в мире и крайне неразборчивого в средствах репрессивного аппарата, то, значит, ее перспективы в нашем обществе небезнадежны. А по своему ценностному потенциалу она вполне способна консолидировать нацию.

Мне могут возразить: высокий статус права в системе общественных ценностей — особенность психологии и мировоззрения русской интеллигенции, да и то не всей. Народу в целом это несвойственно.

Думаю, это возражение несостоятельно. Мы ведь говорим о целеполагании, а это работа именно национальной интелигенции. Что же касается так называемых широких масс, то я уверен, что в сознании большинства моих сограждан главными общественно значимыми проблемами были и остаются именно проблемы, связанные с несправедливостью и произволом. И если бы наши реформаторы не были столь сбредоточены на экономических преобразованиях, а занялись в первую очередь созданием в России эффективной и гуманной правовой системы, то и к социально-экономическим тяготам переходного периода сложилось бы иное, много более терпимое отношение. И об опасно-



На трибуне Государственной Думы. Март 1995 г.

сти коммунистической реставрации можно было бы забыть.

Выбор, стоящий перед Россией, предельно ясен: или мы выкарабкиваемся на дорогу права — магистральную дорогу развития человечества, или вновь застреваем в византийско-ордынском державном болоте.

И этот выбор зависит только от нас с вами.

Впервые опубликовано в «Известиях»
N 69 от 15 апреля 1998 года.
Internet: <http://www.glasnet.ru/~hronline/ngo/kovalev>

Современные фотографии, а также обработка архивных снимков (из личного архива С. Ковалева): Томаш КИЗНЫ (Tomasz Kizny).

Фотографии впервые опубликованы в книге «Миссия Ковалева» («Misja Kowalewa»), изданной польским Центром «Карта» (Ośrodek «Karta») и в польском Независимом историческом журнале «Карта» («Karta»). Варшава, 1995, 1996 гг.



“ЭРИКА” БЕРЕТ ЧЕТЫРЕ КОПИИ...

Правозащитники — люди законопослушные по своей природе. Мы старались все делать открыто, потому что гласность — наше главное оружие. Но что касается “Хроники”, приходилось, все-таки, скрывать, кто ее делает, потому что, как объясняла в пятом номере “Хроники” ее первый редактор Наталья Горбаевская, увы! у правоохранительных органов были своеобразные понятия о свободе слова. Мы не любили говорить, что “Хроника” — издание подпольное, тем более, никогда не говорили, что это издание незаконное, потому что мы оставили за собой право на свободу печати и осуществляли его явочным порядком. Мы называли наше издание анонимным в том смысле, что на обложках этих выпусков не было указано ни кто их выпускает, ни где находится редакция. Это была элементарная предосторожность. Несмотря на это, примерно раз в два года происходили аресты редакторов “Хроники”, приходилось их менять. Если бы писали фамилии, наверное, это происходило бы чаще.

Опасности подвергались не только те, кто писали и редактировали “Хронику”, но и те, кто ее распространяли и давали читать, а в провинции — даже те, кто читали. В приговорах встречались такие обвинения. Тем не менее, “Хроника” распространялась поразительно быстро. Это особенно удивительно, если вспомнить, как несовершенна была ее техническая база. Это даже технической базой назвать невозможно — просто пишущая машинка. Как пел Галич: “Эрика” берет четыре копии. Вот и все, и этого достаточно...” Ну, достаточно или нет, не знаю, наверное, лучше было бы шире ее распространять. Поскольку я делала первые закладки, я знаю, что эта закладка состояла из восьми копий. Печатали на очень толстой папироносной бумаге и были как следует по клавишам машинки. Один из восьми экземпляров оставляли в архиве “Хроники”, несколько отдавали иностранным корреспондентам, а остальные отдавали знакомым, друзьям, и дальше судьба “Хроники” для нас терялась из виду. Конечно, по стране ходили не только эти первые восемь экземпляров, наверное, каждый из них, попадая в руки людей, размножался (опять же, на пишущей машинке), а те снова размножались. Когда в 1972 году органы начали дело №24 — дело “Хроники текущих событий” — экземпляры “Хроники” находили и в Вильнюсе, и во Владивостоке — всюду.

Невозможно назвать всех людей, причастных к “Хронике” по двум причинам: во-первых, выявлялись имена только тех, кто так или иначе обвинялся по делам, связанным с “Хроникой”, а остальные предпочитали замалчивать свою принадлежность к “Хронике”. Например, я на допросах (уж пустяк Бог простит эту ложь!) по понятной причине отрицала, что имею отношение к “Хронике”. И так поступали все остальные. Поэтому, если какой-нибудь историк будет читать мое дело, он скажет: “Нет, Алексеева

отношения к “Хронике” не имела, она сама так сказала”. Это первое. Во-вторых, причастность к “Хронике” — очень зыбкое понятие. Как считать: только редакторов, или авторов тоже? Но дело в том, что те, кто поставлял материал, часто даже не знали, или могли только предполагать, что делают это для “Хроники”. Люди не знали тех, кто входит в состав редакции. Материал передавался по цепочке. Люди, стоявшие в этой цепочке, тоже, в сущности, участники “Хроники”, а многие из них, наверное, и не помнят этих фактов своей биографии. Вот, например, однажды я получила материал с закрытого совещания в ЦК по поводу ситуации с религией в Советском Союзе. Там назывались цифры: сколько в СССР действующих церквей, сколько синагог, мечетей, какие меры принимаются для того, чтобы они не распространялись, и т.д. Ко мне подошли мои сослуживцы по институту и сказали, что со мной хотел повидаться человек, чтобы передать сведения, которые, возможно, мне будут интересны. Обе эти женщины были верующими. Этот человек им что-то рассказал, а они предполагали, что я знаю выход на “Хронику”. Мы встретились с этим человеком. При этом мы соблюдали такие смешные правила конспирации, потому что он боялся... Он мне рассказал об этом совещании, не называв ни своей фамилии, ни где он работает. Я спросила: “Вы сами там были на этом совещании, или Вам кто-то рассказал?” Спросила, чтобы указать, получена информация из первых рук или нет. Он сказал: “Я сам там был”. Я спросила: “Вы записывали эти данные?”

— Нет, — ответил он, — там не разрешалось записывать, я запоминал.

— А на сколько Вы ручаетесь за то, что Вы точно запомнили?

— Ручаюсь. Я несколько раз повторил эти цифры в уме, чтобы запомнить, потому что я уже там решил, что постараюсь передать это в “Хронику”.

Кто этот человек? Почему он был на закрытом заседании ЦК? Случайно попал, или он там работал? Я не знаю. Можно считать его участником “Хроники”? Я видела его первый и последний раз. Помню только, что молодой человек, интеллигентный. И сколько было таких людей...

**Людмила
АЛЕКСЕЕВА**



Владимир КАПЛУН,
член Харьковской
правозащитной группы

30 лет «ХРОНИКЕ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ»

30 апреля 1968 года вышел первый выпуск информационного бюллетеня правозащитного движения «Хроника текущих событий». 10 лет спустя академик Андрей Дмитриевич Сахаров назвал «Хронику» самым большим достижением правозащитников. «Ничего так не боятся репрессивные органы, — писал он в своих «Воспоминаниях», — как этих скромных тетрадочек из листков папросной бумаги. В этом доказательство значимости, неотразимости ХТС. Я действительно считаю, что «Хроника» — наиболее ясное и значительное выражение духа борьбы за права человека, ее единственного метода — гласности, ее нравственной силы. 10 лет издания «Хроники» — это чудо!»

Генерал Петро Григорьевич Григоренко в своей автобиографической книге «действительным чудом» называет само «содружество правозащитников». Он писал: «...А ведь никто никого на «освободившиеся» или вновь «открывшиеся вакансии» не назначал, никто «кадры» не подбирал. Всегда находился тот, кто брал на себя соответствующую обязанность — тихо и незаметно. Так было, например, с «Хроникой текущих событий»... Надо было учесть и предать гласности ту борьбу, которая развернулась после обращения Богораз и Литвинова. Надо было создать орган, который помог бы возрождавшейся общественности осознать самое себя и пригвоздить к позорному столбу творящийся произвол... И находятся инициаторы — рождается «Хроника текущих событий»... Идея «Хроники» оказалась столь жизненной, что никакие меры КГБ проигрив нее не были действенны... Сколько выбыло людей, стоявших у колыбели этого бессмертного издания: Наталья Горбаневская, Илья Габай, Анатолий Якобсон... они выбывали, а «Хроника» продолжала жить».

В 38-м выпуске «Хроники» (декабрь 1975 г.) под заглавием «ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ — О СВОЕМ ОСНОВАТЕЛЕ» опубликовано следующее сообщение:

«18 декабря 1975 г. выехала в эмиграцию Наталья Евгеньевна Горбаневская.

Н.Е. Горбаневская родилась в Москве в 1936 г. Окончила филологический факультет Ленинградского университета.

В 1961 г. участвовала в машинописном поэтическом сборнике «Синтаксис» (издатель А. Гинзбург).

25 августа 1968 г. Н. Горбаневская вышла на демонстрацию протеста на Красной площади (Хр. №3). Позднее, в 1969 г., она написала книгу об этой демонстрации и о суде над остальными ее участниками — «Подень».

Наталья Горбаневская — инициатор создания весной 1968 г. «Хроники текущих событий». Она организовала издание «Хроники», ее деятельность во многом определила стиль, структуру и принципы «Хроники».

25 декабря 1969 г. Горбаневская была арестована. Основными пунктами обвинения были: написание книги «Подень» и систематическое редактирование выпусков «Хроники». Ее признали невменяемой и отправили в Казанскую специальную психиатрическую больницу. Освобождена в феврале 1972 г.

Наталья Горбаневская — поэт, автор многих поэтических сборников, распространявшихся в самиздате в 60-е — 70-е годы. В 1972 г. в США вышел сборник избранных стихов Горбаневской «Побережье». В советской печати иногда публиковались ее переводы из польской, чешской, испанской поэзии. Оригинальное творчество Горбаневской почти не печаталось».

Много интересных и важных сведений о «Хронике» можно получить — из первых рук, — читая «Историю инакомыслия в СССР». Автор этого фундаментального труда, незаменимого при обращении к нашей истории 60-70-х годов, — Людмила Михайловна Алексеева — историк, активная участница правозащитного движения с периода его становления и до сего дня, одна из основателей Московской Хельсинкской группы. В 70-е годы Л. Алексеева участвовала в сборе материалов для «Хроники». В начале 80-х, когда создавалась «История инакомыслия», «Хроника» стала для нее, как сказано в предисловии, «неисчерпаемым кладезем». Таким неисчерпаемым кладезем для нашего исторического и нравственного сознания они и останутся — и «Хроника», и «История инакомыслия». Вот отрывок из книги, специально посвященный «Хронике»:

«Хроника текущих событий» появилась в том же насыщенном важными для правозащитного движения начинаниями 1968 г. Ее первый выпуск вышел 30 апреля, в разгар репрессий против «подписантов».

Прообразом «Хроники» были информационные бюллетени крымских татар, ставшие известными московским правозащитникам. С тех пор «Хроника» выходит более или менее регулярно. К концу 1983 г. на Западе были опубликованы 64 выпуска.

...Название отвечает назначению издания: оно констатирует нарушения прав человека в СССР, правозащитные выступления и факты осуществления гражданских прав «явочным порядком». Фактологичность определила принцип подачи материала: «Хроника» принципиально воздерживается от оценок.

Но ХТС — не только регистратор нарушения прав человека в СССР, не только летопись правоохранительного движения, но и его самоценная часть, поскольку «Хроника» создала постоянную связь между разделенными расстояниями островками нарождавшегося правоохранительного движения, а также между правоохранителями и участниками других диссидентских направлений, помогла распространению идей и влияния правоохранительного движения.

Редакция «Хроники» анонимна, в выпусках нет ее адреса. Это объясняется, как писала ХТС, «своебразными понятиями о легальности и свободе информации, выработавшимися за долгие годы в некоторых советских органах».

Первым редактором «Хроники» была Наталья Горбаневская. После ее ареста в декабре 1969 г. до 1972 г. — Анатолий Якобсон. В дальнейшем редакция через каждые два-три года менялась, главным образом, из-за арестов. Однако замена редакторов «Хроники» незаметна для ее читателей, так как личности издателей совершенно не отражаются в ней: не только внешнее оформление и стиль изложения, но и подход к отбору материала и принципы его подачи не изменились за 15 лет существования «Хроники».

Механизм поступления информации в редакцию и распространения «Хроники» был предложен в пятом ее выпуске: «Каждый... легко может передать известную ему информацию в распоряжение «Хроники». Расскажите ее тому, у кого вы взяли «Хронику», а он расскажет ее тому, у кого он взял «Хронику», и т.д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача».

Уже первый выпуск дает представление о том, какие стороны жизни советского общества освещает «Хроника»: как и почти все последующие выпуски, он начинается с отчета о политическом процессе...

Контакты «Хроники» с инакомыслящими разных толков начинались с обоюдного желания поместить в ХТС полуию и достоверную информацию об этих движениях: активисты религиозных и национальных движений учили ХТС благодаря передачам зарубежного радио и искали пути к ией. Их личные контакты с правоохранителями помогли взаимоузнаванию — взаимопониманию — взаимопомощи...

Постоянная тема «Хроники» — положение политзаключенных... Благодаря «Хронике» советские политзаключенные обрели впервые возможность апелляции к внешнему миру. Прорыв немоты, на которую они долго были обречены, оказался необратим. Вопреки всем стараниям пре-

кратить утечку информации из мест заключения и несмотря на наказания за передачу вестей на волю поток самиздата пошел из мест заключения.

...Основным обвинением против Ковалева была «Хроника текущих событий». ...Отношение к правоохранительному движению участников национальных и религиозных движений проявилось при сборе подписей под письмом в защиту Сергея Ковалева после его осуждения: «...Мы требуем прекратить расправы за обмен идеями и информацией. Мы требуем прекратить преследование тех, кто защищает людей, ставших жертвами политических репрессий.» — значилось в письме. Его подписали 179 человек... Особенно интересно, что среди подписавших почти половина были не москвичами, было много «иностранцев» и значительную часть составляли не правоохранители, а активисты других движений: литовского, грузинского, украинского, армянского, еврейского, крымских татар. Это был первый случай такого совместного выступления в защиту члена Инициативной группы и сотрудника «Хроники», т.е. ассоциаций, олицетворяющих правоохранительное движение».

Сохранилась возможность услышать живую речь некоторых из главных героев драматической истории «Хроники текущих событий». В 1978 г. был записан на магнитофонную ленту непринужденный рассказ находящегося уже в эмиграции А. Якобсона. Его сокращенный текст опубликован в посвященном памяти А. Якобсона сборнике «Почва и судьба». Вот фрагмент его рассказа:

«Про «Хронику» я расскажу только то, что, как рубашка, ближе к телу. Тут связаны всякие моменты: образование Инициативной группы, предшествующий этому событию арест Петра Григорьевича Григоренко и Ильи Габая. А «Хроника» уже выходила, с 1968 года. Ее делала Наталья Горбаневская. Она сделала 10 номеров, и делала их хорошо. Она вообще человек литературный, умеет писать, владеет материалом. Главное свидетельство этому, наряду с 10-ю первыми номерами «Хроники», это, конечно, составленная ею замечательная книга «Полдень». Вместе с тем, «Хронику» Горбаневская делала самоубийственно. Делала ее дома, очень медленно... Ее уже отдали на поруки матери. не хотели создавать лишнюю мученицу, временно отпустили, не посадили, и она стала у себя дома делать «Хронику». К ней приходили дважды, находили явные следы «Хроники», улики. Ну, ее и посадили. И посадили в Казанскую психушку. Я после ареста Натальи был вне себя. Мне не хотелось оставаться на



Первый редактор «Хроники текущих событий» Наталья Горбаневская. Фото из архива «Мемориала», Москва. (Впервые опубликовано в журнале «Karta», Варшава).

свободе... В ту пору, когда «Хронику» делала Наталья, материалов было относительно немного. Когда ее посадили, то случилось так, что «Хронику» стал делать я. И первые два номера после нее сделали целиком и полностью, написал от первой буквы до последней... Секретарша мне нужна была в том смысле, что с грудой бумажек необходима была предварительная работа; только самая часть была обработана заранее... Я не думал, что мы сможем целые годы играть в эту игру. Я рассчитывал выпустить еще несколько номеров и обскакать, так сказать. Галину Борисовну (госбезопасность — прим. ред.) на какой-то короткой дистанции. И понял, что для этого нужно, во-первых, делать «Хронику» не дома и не в каком-то известном КГБ месте, а искать более подходящие места и делать быстро... Что такое, собственно, создание «Хроники»? Это, условно говоря, три звена. Первое — сортирование, накопление материала, его предварительная обработка. Этим я никогда не занимался. Существовало стихийное разделение труда. Второе звено — это как бы рабочая часть. Вот этой рабочей частью, собственно, написанием или, говоря языком советской власти, «изготовлением» «Хроники» я и занимался. А третье звено — распространение, которое вело за собой отзвуки, отголоски и новую информацию. Я вначале еще приносил домой свеженькие, напечатанные на папирской бумаге номера, а потом стал бояться и этого не делал. После 11-го и 12-го номеров возникли трудности. Случилось так, что следующий выпуск почти весь написал Гарик Суперфин. В своей области, в биографии, он — гений. Но когда он попытался стать автором, то это оказалось чем-то совершенно невразумительным. Дело в том, что благодаря Горбаневской, создавшей в первых 10-ти номерах определенную традицию, «Хроника» выходила на хорошем литературном уровне. Произошел скандал... А «Хроника» должна была выйти вовремя. Потом уже начались всякие финты и пассажи, а в то время она выходила с точностью газеты «Известия». Нужно было спасать дело, и я привлек других людей. С тех пор уже образовался некий коллектив, как я в шутку называл, «бригада антикоммунистического труда». Мы меняли места, меняли дома. В дальнейшем я до 27-го номера включительно оставался литературным редактором «Хроники» и автором многих материалов... «Бригада» могла состоять из одного, двух, четырех человек — неважно. Важно, что я не был один. Но я за это дело отвечал. Итак, с весны или с лета 1969 года, это легко уточнить, по осень 1972 года, с 11-го по 27-й, кроме одного, 15-го, когда меня не было в Москве, — то есть 16 номеров «Хроники» — это была моя работа».

В примечаниях к опубликованному тексту рассказа А. Якобсона приводится отклик на него Н. Горбаневской (отрывок из ее частного письма):

«Всю историю с моим редактированием «Хроники» в 1969 г. он освещает, просто не зная, да он и действительно не знал: во-первых, я много месяцев искала, кто

бы снял с моих плеч этот труд... потому что было ясно, что меня рано или поздно ждет арест за ту же демонстрацию, а уж за остальное — по совокупности: во-вторых, и с ИГ (Инициативной группой за выполнение Хельсинских соглашений — прим. ред.) мои хроникальные отношения были таковы, что после выхода номера народ являлся и начинал критиковать, а я только умоляла: «Да делайте вы это до выхода номера...»

В этом же сборнике в статье, посвященной А. Якобсону, Людмила Алексеева писала о нем: «...Редкое сочетание бессстрашия, таланта и профессионализма не дополнялись у Толя еще одним необходимым для работы над «Хроникой» качеством — способностью к конспирации. Я помню... его ко мне звонок (вероятно, оба телефона прослушивались) и вымученный разговор о «столике», который он вот сейчас мастерит, и поэтаму ему нужна как можно скорее «полочка», которую, как он надеется, я уже сделала. Все мы были хороши на этот счет. Никто из нас, в недалеком своем прошлом благополучных московских интеллигентов, не был профессионалом в умении конспирировать. Кагебисты очень скоро выявили, что именно Толя взял на себя работу по составлению «Хроники текущих событий» после ареста Натальи Горбаневской. Толе пришлось эмигрировать. Это оказалось непосильным для него. Он погиб. Мы его никогда не забудем...»

Формы зла преходящи и сами по себе не заслуживают внимания. Великие примеры нравственного сопротивления неподвластны времени и для тех, кто помнит о них, являются духовной опорой и источником вдохновения.

Харьков

ГОД ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

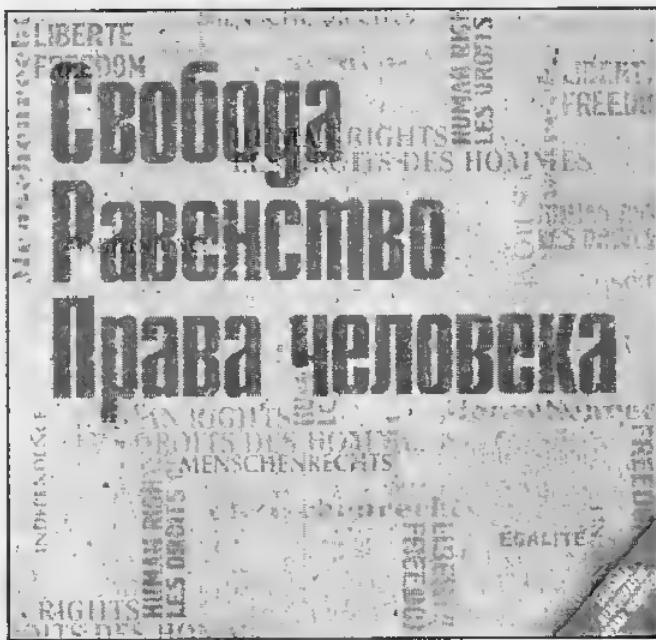
Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспредоставленно придерживаться своих убеждений и свободу исказять, получать и распространять информацию в иных любых средстах и независимо от государственных границ.
ВСЕОБЩАЯ Декларация прав человека, статья 19

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

30 апреля 1968 г.

СОДЕРЖАНИЕ: 1. Процесс ГАЛАНСКОВА, ГЛУЗЕУРГА, СОБРОВОЛЬСКОГО и ЛАШКОВОЙ. — 2. Протесты и взаимоотношения с процессы. — 3. Репрессии в связи с протестами. — 4. Обращение к Будапештскому заявлению коммунистических в рабочих партий. — 5. Политзаключенные. — 6. Демократический процесс. — 7. Арест ВАЛЕНТИНА ПРУССАКОВА.

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ



Les droits des hommes

Human rights

Права человека

Уже около трехсот лет человечество на разных языках повторяет эти два слова.

Нам показалось полезным издать брошюру, в которой права человека обсуждаются в первую очередь не как перечень юридических норм, зафиксированных в законодательстве, Конституции, международно-правовых документах, а как категории культурные, моральные, религиозные, философские, политические. Мы задали себе простые, на первый взгляд, вопросы:

— Когда в связи с чем люди впервые открыли для себя идею прав человека?

— Какова природа этой идеи? Имеет ли она естественное или искусственное происхождение? Что это: одна из попыток усовершенствовать общество, предпринятая человеческим разумом? Или же потребность в наличии определенных прав коренится в самой природе человека (или, что то же самое, заложена в нас Богом)?

— Можно ли «обосновать» права человека такими категориями, как свобода, справедливость, достоинство?

— Как соотносятся права человека с политической демократией в традиционном понимании этого слова?

— Являются ли права человека частью права, т.е. законодательства в юридическом смысле этого слова?

— Универсальны ли права человека? Однаково ли содержание этого понятия внутри европейской (христианской) культуры, в мире Ислама, в странах Дальнего Востока, в сообществах, где признается лишь «обычное право»?

Существует ли какая-либо иерархия прав человека, т.е. бывают ли права человека более или менее значимыми? Чем политические и гражданские права и свободы отличаются от социально-экономических? Вообще, перечень прав человека сформулирован раз и навсегда или он может эволюционировать: расширяться и дополняться?

Мы постарались выяснить, как отвечали на эти вопросы мыслители прошедших эпох и каково мнение современных авторов, пишущих на данную тему.

Результат был неожиданным. Оказалось, что практически ни по одному из этих вопросов не существует единого, признанного всеми авторитетами мнения (хотя сами вопросы отнюдь не новы).

В конце концов, мы решили представить каждую проблему в виде дискуссии, репликами которой служат цитаты из произведений авторов, писавших в разное время на интересующую нас тему. Изредка мы использовали тексты, написанные специально для данной брошюры. Таким образом, мы предлагаем вам не учебник, а скорее нечто вроде хрестоматии.

Мы старались особенно подробно представить концепции, враждебные либеральной, демократической и гуманистической традиции. Да не заподозрят составителя в приверженности антилиберальным, антигуманистическим, тоталитарным идеям; просто я полагаю, что нет большего врага либеральных ценностей, чем привычка к автоматическому и бездумному их восприятию. На то и щука в море, чтобы карась не дремал.

Нас интересовали не только концепции, сложившиеся к сегодняшнему дню, но, в первую очередь, сам процесс их возникновения и развития в ходе человеческой истории. А поскольку более или менее четкая терминология, непосредственно относящаяся к правам человека, была выработана сравнительно недавно — всего 200-300 лет назад, в то время как проблема насчитывает по крайней мере два с половиной тысячелетия, то в собранных нами фрагментах речь зачастую идет не непосредственно о правах человека, а о смежных категориях, философских и этических аналогах этого понятия — свободе, справедливости, гражданском равенстве и т.п. Таким образом, тематика сборника оказалась существенно шире, чем предполагалось изначально.

Еще одна оговорка. Наша работа построена, по преимуществу, на материалах, связанных с развитием европейской — античной и христианской — общественной мысли. Вероятно, можно было привлечь к обсуждению и другой материал, связанный с иными великими религиозно-культурными традициями человечества, — например, с исламской, буддийской или конфуцианской, но объем нашей брошюры, увы, ограничен.

И последнее. Возможно, кому-то покажется, что мы занимаемся «изобретением велосипеда», ибо все эти споры давным-давно описаны в специальной литературе, издававшейся за рубежом. Ничего удивительного: ведь мы сегодня осваиваем концепции, которые Европа уже освоила двести лет назад, в которых сто лет назад всерьез усомнилась и к которым пятьдесят лет назад вернулась снова, — на этот раз, кажется, на долго и всерьез.

Лариса БОГОРАЗ





ПРАВОЗАЩИТНАЯ РАДИОПРОГРАММА

Руководитель программы — исполнительный директор Правозащитного центра Татьяна КАСАТКИНА.

“Демократия, свобода, права человека” — так называется еженедельная программа, которая выходит по воскресеньям (с 20 час. 30 мин. до 21 час.) на “Радио-Россия” (ДВ - 261 кгц, 1149 м; СВ - 873 кгц, 343,6 м; УКВ - 66,44 мгц). Эту программу готовят Московский правозащитный центр “Мемориал”.

Цель программы — просвещение широкого круга слушателей, часто совершенно далеких от понимания целей и задач правозащитного движения, в сфере теории и практики прав человека и гуманитарного права. Авторы программы ставят перед собой задачу распространения конкретной практической информации о новых правовых актах, издаваемых властными органами России, касающихся прав человека, и надеются способствовать принятию и исполнению властными структурами России правовых актов, обеспечивающих соблюдение прав человека.

В рамках поставленной задачи предполагаются следующие темы передач:

1. Анализ действующего законодательства в аспекте защиты прав человека. Специалисты в конкретных областях права будут давать по этой тематике конкретные рекомендации гражданам о том, как им воспользоваться нормативными актами для защиты своих прав.

2. Анализ проектов новых законов, затрагивающих вопросы соблюдения прав человека. Анализ будут прово-

дить юристы, народные депутаты, правозащитники, члены Федерального Собрания.

3. Информация о нормах международного права в области соблюдения прав человека. В передачах будут участвовать представители международных правозащитных организаций и специалисты в области международного права.

4. В отдельных, наиболее важных случаях информация о судебных процессах в российских судах, в ходе которых рассматривался вопрос о защите прав гражданина.

5. Информация о деятельности международных и российских правозащитных организаций.

6. В контексте соблюдения законодательства России — информация о конкретных случаях нарушений прав человека и возможных путях исправления ситуации. В передачах будут участвовать члены Комиссии по правам человека при Президенте России, депутаты, правозащитники, пострадавшие граждане.

7. Информация о положении в области прав человека в странах ближнего зарубежья. Особое внимание при этом будет уделяться положению русскоязычного населения. В передаче будут принимать участие сотрудники МИД РФ, депутаты, члены Комиссии по правам человека, члены международных, российских и местных правозащитных организаций, граждане стран ближнего зарубежья, проживающие там российские граждане.

ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В INTERNET

Обзор изданий по правам человека, размещенных на сервере

Human Rights Online

<http://www.glasnet.ru/~hronline>

ИЗДАНИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

«Словарь по правам человека». Русскоязычная электронная версия уникального издания Алберта Джонгмана и Алекса Шмита. Книга, по сути, является кратким энциклопедическим словарем в области прав человека. Наряду с русскими терминами в книге даются их английские эквиваленты — это не только перевод термина, но и определение понятия.

«Памятка призывнику». Эта популярная среди призывников и их родителей книга была издана Комитетом солдатских матерей Владимирской области (ВКСМ). В первой части рассказывается о всех правах, которые имеет призывник. Во второй части — методические рекомендации, как эти права защищать.

«Горячие точки». Памятка активисту неправительственной организации. Книга, подготовленная рязанским правозащитным обществом «Мемориал», рассказывает о техниках работы активистов общественных организаций в зонах вооруженных конфликтов.

«Памятка бездомному». В действительности может с успехом применяться не только бездомными. В частности, здесь вы найдете большое количество квалифицированных советов по отстаиванию своих прав в административных органах, в суде и прокуратуре; ответы на жилищные вопросы.

«Как осужденный может защитить свои права». Одно из лучших на сегодняшний день руководств, составленное серпуховским Обществом попечителей пенитенциарных учреждений и Группой защиты прав заключенных. Книга содержит подробные образцы жалоб и заявлений.

«За спинами мирных жителей». Захват заложников и использование гражданского населения в качестве «живого щита» федеральными войсками России в ходе вооруженного конфликта в Чечне. Доклад Правозащитного центра «Мемориал» (Москва, 1996 г.). Основой для доклада послужила информация, собранная членами Правозащитного центра во время поездок в Чечню. Приведены свидетельства мирных жителей Чечни, которые подвергались захвату в заложники или были использованы в качестве «живого щита» при штурме населенных пунктов, а также — оценка действий российских федеральных сил с точки зрения международного права и российского законодательства.

«Итак, стойте в свободе...». В издании, подготовленном редакцией Российского независимого исторического и правозащитного журнала «Карта», опубликованы материалы, написанные в 70-е годы советскими диссидентами, в 80-е — активистами польского антикоммунистического подполья, в 90-е — бывшими узниками лагерей и членами неправительственных организаций. Разные по значимости и стилистике тексты объединяют одна мысль: даже в самых тяжелых условиях (сплекка, аресты, обыски, следствие, тюрьма, подполье) человек должен и может защищать свои права, свою свободу. О том, как это делать, и рассказывает книжка.

«Условия содержания задержанных в зоне вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Обращение с задержанными». Доклад Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне.

«Всеми имеющимися средствами...». Операция МВД РФ в селе Самашки 7-8 апреля 1995 г. Результаты независимого расследования Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне.

«Права человека и социально-политические процессы в посткоммунистической России». Издание Российско-Американской Проектной группы по правам человека. Фундаментальный анализ социологических исследований, посвященных состоянию и динамике массового сознания в пост тоталитарной России.

«Права человека в России». Опрос Московского центра гендерных исследований. Цель опроса — проанализировать состояние и уровень правовой культуры населения, в частности, ее срез, связанный с концепцией прав человека и прав женщин в современной России.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

«Экспресс-хроника». Правозащитный еженедельник. Выходит в Москве с 1987 года. Крупнейшее периодическое издание по правам человека в России. Освещает многие аспекты правозащитной деятельности в РФ и республиках бывшего СССР, имеет собственную корреспондентскую сеть в вышеперечисленных государствах. При еженедельнике работает одноименное агентство, ежесуточно распространяющее правозащитную сводку новостей.

«Права человека в России. Информационная Сеть». Ежемесячный Бюллетень дирекции Московского исследовательского Центра по правам человека. Бюллетень публикует материалы о работе российских правозащитников, прежде всего — региональных активистов; о программах благотворительных фондов, методические разработки и юридические консультации.

«Право матери». Газета московского благотворительного Фонда «Право матери». Тематика издания: права человека в армии, освещение бедственного положения военнослужащих срочной службы в российской армии, консультативная и методическая помощь родственникам погибших солдат.

«Карта». Российский независимый исторический и правозащитный журнал. Издание рязанского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал», выходит в Рязани с 1992 года. Печатает публицистические и исследовательские материалы о репрессивной политике бывшего СССР и государств Восточной Европы; мемуары, интервью с диссидентами и бывшими заключенными; картографию ГУЛАГа; рассказывает о деятельности правозащитных и миротворческих организаций; просветительские материалы крупнейших европейских и отечественных экспертов по правам человека.

«Правозащита». Газета Нижегородского общества прав человека (НОПЧ). Освещает деятельность НОПЧ в регионе, анализирует местное законодательство, освещает проблемы нарушения прав человека в Нижегородской области.

«К праву». Бюллетень издается Общественным Центром содействия реформе уголовного правосудия. Он выходит раз в месяц и рассыпается бесплатно неправительственным организациям, экспертам, федеральным и региональным органам власти и т.п. В бюллетење найдут отражение различные проблемы уголовного правосудия и исполнения уголовных наказаний, уголовной политики, судебной реформы. Мы также будем информировать наших читателей о ходе реализации программы «К ПРАВУ» и других проектах Центра, деятельности российских и зарубежных НПО, событиях в России и за рубежом. В приложениях к бюллетењу отдельные темы и проблемы получат более широкое освещение.

Информационный Бюллетењ Пермского областного отделения Международного общества «Мемориал». Материалы о работе Пермского «Мемориала»: акции, кампании, заявления, планы. Материалы Пермской Ассоциации жертв политических репрессий. Проблемы Международного «Мемориала». Юридические консультации по вопросам реабилитации жертв политических репрессий.

Правозащитник-дайджест — электронная версия журнала «Правозащитник». Содержит обзор статей бумажных номеров журнала. Создание и размещение в компьютерной сети Интернет журнала «Правозащитник» — специальный проект редакции, который осуществляется в сотрудничестве с «Правозащитной сетью».

Информационный Бюллетењ. Рабочая коллегия «Международного Мемориала» вновь делает попытку выпускать периодическое издание. Общение с представителями региональных «Мемориалов» выявило настоятельную необходимость в информационном обмене. И не только между Москвой и провинцией, но и между регионами. В отличие от газеты «Мемориал-спектр», новое издание является именно информационным, чем и продиктовано выбор названия. Предполагаемая периодичность — один раз в месяц.



Будут ли правозащитники сотрудничать с новым омбудсменом?



В Интернете, на Web-сайте «Русского журнала», активно работает Форум «Наши права» (интерактивная конференция, учрежденная Межрегиональной Группой Правозащитная Сеть: <http://www.russ.ru/journal/forum/index.html>)
Предлагаем вашему вниманию материал ведущего Форума «Наши права», члена совета Межрегиональной Группы Правозащитная Сеть Сергея СМИРНОВА

Правозащитники, как и все люди, бывают разные. Есть среди них и радикалы, «непримиримые», которые всегда находятся в оппозиции к власти, какой бы та ни была и что бы ни предпринимала. Есть наоборот — лояльные, которые тесно с этой властью сотрудничают и даже пользуются от нее некоторыми благами. Вопрос «можно ли?» обсуждается на каждой встрече, но никогда еще правозащитники не приходили к единому мнению. Придут ли?

Самыми лояльными были и остаются «государственные правозащитники», то есть комиссии по правам человека при Президенте и главах региональных администраций. В большинстве своем укомплектованные чиновниками (в том числе и руководящими работниками администраций), эти структуры, как формально, так и по сути своей не могут (и не будут) составлять оппозицию новому Уполномоченному.

То, что новый Уполномоченный — профессор права, станет главным аргументом «в плюс», ведь и в комиссиях есть видные юристы (и то чтобы они в большинстве — но они есть), как и нынешний руководитель Комиссии по правам человека при Президенте РФ В. Карташкин. Иными словами, у комиссий по правам человека есть общие черты с новым Уполномоченным.

Можно исключить из прогноза правозащитные организации, которые иногда называют «карманными». Это структуры, созданные и работающие на средства местных администраций. Поскольку они лишены финансовой независимости, их собственное мнение будет так или иначе отражать точку зрения самой администрации. Впрочем, число таких организаций не столь велико, чтобы радикально изменить общую картину.

Иное дело — независимые правозащитные организации. Их много, они разнородны и часто амбициозны. По отношению к новому Уполномоченному их можно разделить на несколько типов.

Первые — это известные столичные организации. Не то чтобы они по своей сути должны больше и чаще контактировать с омбудсменом, чем их региональные коллеги. Но на этих

группах сконцентрировано внимание СМИ и тех же регионалов, а также зарубежных наблюдателей (в том числе — спонсоров, действующих и потенциальных). Таким образом, отношение к омбудсмену является важным фактором, образующим имидж этих правозащитных НПО. Здесь идет речь, прежде всего, о «Мемориале», Московской Хельсинской группе, Московском центре по правам человека, Комитете помощи беженцам и вынужденным переселенцам, Фонде «Гласность», Фонде защиты гласности, Центре содействия реформе уголовного правосудия и др. Не исключено, что еще до конца этого года кто-то из них выступит с рассуждениями на тему перспектив сотрудничества с омбудсменом в центральной прессе и вызовет серию противоречивых публикаций, что даст повод СМИ сделать вывод об очередном расколе в правозащитном движении. Я думаю, что одна из причин такой дискуссии — натянутые взаимоотношения между «видными правозащитниками», а омбудсмен может стать катализатором очередного всплеска взаимной критики. Вспомним хотя бы недавнюю (весьма радикальную) позицию Московской Хельсинской группы по отношению к Комиссии по правам человека при Президенте (одним из аргументов было отсутствие в составе Комиссии людей с опытом правозащитной деятельности). Если «Экспресс-Хроника» выйдет из депрессии, то, вероятно, мы сможем прочесть на страницах этой газеты ее собственные (традиционно бескомпромиссные) оценки происходящего.

Собственно говоря, у правозащитников этого типа есть два проверенных способа выражения своего мнения — обзорно-аналитические статьи в прессе и открытые письма. На первое больший спрос в СМИ, но требуется время и подготовка. Открытые письма можно составлять когда угодно без особой подготовки и публиковать в собственных изданиях или через наиболее близких по духу региональных активистов — в местной прессе. Вполне возможно, что местом публикации станет та же «Общая газета», так как материалы для ее «правозащитной» полосы во многом черпаются из информации, предоставляемой Московской Хельсинской группой.

Почему же крупные московские правозащитные организации не выступают уже сейчас, предоставив обозревателям из «Итогов» делать собственные выводы о своих намерениях? Может быть, одной из главных причин остается тот факт, что со своей оценкой не выступил Сергей Ковалев, бывший Уполномоченный, человек широко известный как в России, так и за рубежом и весьма уважаемый в интеллигентско-правозащитной среде? Да, конечно, было выступление в Думе. В словах Ковалева тогда мне послышалось и возмущение, и разочарование. Но одно дело — эмоциональное выступление, показанное мельком в новостях, другое — принципиальная позиция, опубликованная в печати. Пока такой публикации нет, правозащитники не торопятся с собственными заявлениями.



Большинство правозащитников, однако, работает не в Москве, а в регионах России. Здесь московские проблемы не столь острЫ — своих, местных хватает. Но и региональные НПО бывают разные. Есть те, кто известен, имеет опыт практической деятельности и все, что является атрибутами "сильной организации". Они умны и понимают, что, дав себя втянуть в "московские разборки", они в конечном счете будут служить только пешками и фигурами в чьей-то шахматной партии, но сами себе никаких "плюсов" не заработают. Такие организации (их не более двух-трех десятков), как правило, предпочитают роль сторонних наблюдателей. Они вряд ли станут выступать с какими-либо резкими оценками перспектив сотрудничества с российским омбудсменом и будут присматриваться, что к чему.

Целый ряд региональных правозащитников, вероятно, примет участие в дискуссии о том, надо ли сотрудничать с омбудсменом, и если да, то как это делать. В Москве их позиция не будет слышна — они будут высказываться в местных СМИ. Среди этой категории много бывших и нынешних политиков, привыкших остро реагировать на наболевшие проблемы и таким образом привлекать к себе дополнительное внимание. Как я уже говорил абзацем выше, "плюсов" на российском и международном уровнях им это не прибавит, а вот известности на местах — может быть. Зависит от качества дискуссий.

Остается большинство российских правозащитников, которые на вопрос об Уполномоченном скажут: "Да-да, мы что-

то слышали об этом". Например, солдатские матери. "Правозащитная сеть" с именем тесно работает (см. хотя бы страничку Комитета солдатских матерей России — <http://www.glasnet.ru/~hronline/ngo/ustm>), а некоторые другие организации вообще не считают организации КСМ правозащитными "в полном смысле этого слова". Солдатские матери часто отсутствуют на собраниях правозащитников, им не рассыпают информацию и не включают в разные опросы. Получается, что КСМ оказываются отрезанными от той информации, к которой имеют доступ другие правозащитники. Между тем, именно КСМ являются самыми распространенными правозащитными организациями в России и представляют собой значительную силу и вес в правозащитном сообществе. — правда, эти сила и вес пока не оценены по достоинству. Организации, подобные КСМ, не будут участвовать в дискуссии об Уполномоченном вовсе — у них для этого слишком мало информации, а "политический имидж" эти организации интересует куда меньше, чем "видных" московских правозащитников.

Вывод такой: что бы ни говорили СМИ, какие бы открытые письма ни публиковались в печати, — российские правозащитники в ближайшее время не придут к единому выводу по вопросу сотрудничества с новым Уполномоченным по правам человека. Более того, их позиции будут, говоря математическим языком, расходиться, а не сходиться.

Москва

Чтобы выстоять...

Методики защиты ваших прав

Вниманию читателей предлагается вторая книга методических материалов по защите прав и свобод из серии "Человек имеет право". Она подготовлена сотрудниками Рязанского правозащитного общества "Мемориал" и редакцией Российского независимого исторического и правозащитного журнала "Карта". Материалы первой книги серии были переведены на белорусский, азербайджанский, грузинский языки.

Новая книга расскажет вам о технике обращения в Европейскую Комиссию (Суд) по правам человека; подскажет оптимальную модель поведения в камере предварительного заключения и следственном изоляторе; поможет противостоять возможным антиконституционным действиям сотрудников специальных служб тоталитарных государств.

Книга рассчитана на активистов-правозащитников, юристов общественных приемных, а также всех, кому дороги идеалы свободы и демократии.

Поддержка данного издания осуществлена
Институтом Демократии в Восточной Европе (IDEE)



Книгу можно заказать по адресу: 390000,
Россия, Рязань-центр, а/я 20 "Мемориал"
Телефон: (0912) 77-51-17
E-mail: karta@glasnet.ru



Владимир Буковский свидетельствует

**Фрагмент пресс-конференции В. Буковского в Варшаве.
Презентация книги «Московский процесс» (март 1998 г.)**

...Так случилось, что у меня была виза в Россию на 25-е августа 91-го года. Я получил ее еще в мае, и тогда, конечно, никто не мог знать о готовящемся путче. И получилось так, что я прибыл в Москву, когда путч только что кончился. Первым делом я пошел к новому российскому руководству и попытался уговорить их открыть архивы. Я, конечно, постарался подать им эту идею в таком виде, в каком они смогли бы ее принять. Должен сказать, что те чиновники, с кем я разговаривал, были, в общем-то, и людьми второстепенными, и отнюдь не философами, поэтому если бы я стал им объяснять про мировое коммунистическое зло и про необходимость с ним бороться, то они бы просто меня не поняли. Поэтому я им сказал очень простую и очень практическую вещь о том, что коммунизм сегодня как раненый зверь и что подранка нужна добить. «Если вы его не добьете сейчас, через несколько месяцев он оправится и бросится вам на горло». Надо сказать, что этого они боялись. И поэтому я довольно легко их уговорил, что нужно устроить процесс над лидерами путча. В это время были арестованы, если не ошибаюсь, 14 главных его руководителей. Я сказал, что персонально этих людей можно даже отпустить, но суд над ними надо устроить сейчас, открыто, публично и превратить этот процесс в суд над КПСС. Для этого нужно открыть документы, архивы, вскрыть преступления режима. И эти 14 человек будут, формально, ответчиками за все деяния партии: «Мы должны их осудить. А после этого вы можете их отпустить. Это уже неважно», — так я их убеждал.

И, в общем, — убедил всех. Даже главу тогдашнего КГБ Бакатина. Единственный, кто был против, это Ельцин. Он категорически сказал, что этого делать нельзя. Он не объяснял почему, но было ясно. Он понимал, что такой процесс, однажды начавшись, обязательно заденет и таких людей, как он. Во всяком случае, такие люди не смогут остаться лидерами после этого процесса. Было на него также сильное давление со стороны западных стран, в частности, США. Госдепартамент очень требовал, чтобы Ельцин не раскрывал архивы.

И ничего тогда не вышло. Помню, уезжая в конце сентября, я думал: «Все... ничего не получилось... больше я в Москву не поеду...». К сожалению, я оказался более прав, чем хотелось бы. Уже к весне следующего года коммунисты ожили, воспрянули и подали на Ельцина в Конституционный суд РФ, оспоривая его решение о запрете КПСС. И вот тут-то Ельцин испугался. Он понял, что может проиграть это дело, потому что большинство судей симпатизировало коммунистам. Проигрыш означал, что пришлось бы возвращать всю собственность КПСС, все эти бесчисленные здания, дачи, санатории и т.д., а равно и архивы. А это для него было уже серьезно. Ельцин никак не хотел всего этого отдавать.

Именно в этот момент его ближайший помощник позвонил в Кембридж и пригласил меня приехать и помочь. Я поставил такое условие: «Если откроете архивы — приеду». Было принято решение о создании президентской комиссии, которая временно, для нужд суда, откроет архивы. И я приехал в Москву и получил первый за всю мою жизнь государственный чин — я стал официальным экспертом Конституционного суда Российской Федерации.

Конечно, я знал, с кем буду иметь дело. Показать-то они покажут, уж копи пообещали, а вот скопировать не дадут, это точно. Ксероксы у них вечно будут сломаны, бумага — отсутствовать и т.д. и т.п. И потому я купил себе портативный компьютер и

ручной сканнер. Я был уверен, что таких вещей в России пока никто не видел. Я сидел посреди зала Конституционного суда, передо мной лежали 48 томов документов, и спокойно сканировал их на глазах у всех. Никто из присутствовавших не понимал, что я делаю.

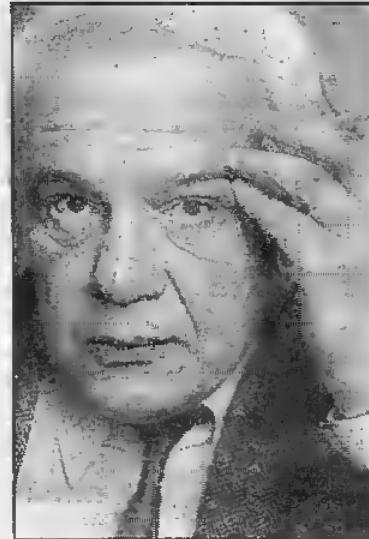
Надо сказать, что это был суд очень высокого уровня. В качестве свидетелей проходили члены Политбюро, естественно, бывшие, секретари ЦК. С президентской стороны были вице-премьеры правительства, официальным представителем в начале был госсекретарь Бурбулис. И никто не понимал, что я делаю, но всех интересовал мой компьютер. В перерыве вокруг меня собирались толпа. Члены Политбюро заглядывали через плечо и спрашивали: «Дорогая, наверное, машина?» Я коротко отвечал: «Дорогая».

Только под самый конец. — ну как в кино! — когда мне оставалось всего несколько страниц, один из них вдруг сообразил и буквально завопил на все здание суда: «Он же все копирует!» Я сделал вид, что этот вопль ко мне не относится и продолжал работать. Он завопил опять: «Он же там все опубликует!» Была зловещая тишина. Все были будто парализованы. Я сложил свой компьютер и тихо пошел к выходу, отчтливо понимая, что в этой ситуации главное — не бежать. Никто из присутствовавших не двинулся. Это было как в «Ревизоре», в последней сцене. Я вышел, поехал в Шереметьево, сел в самолет и улетел...

Ведущий пресс-конференции: Старый принцип: один ксерокс предстает большую угрозу коммунизму, чем одна бомба.

Вопрос, который я задам, будет наиболее интересным для польских читателей. Он касается генерала Ярузельского. Что говорят документы, с которыми Вы познакомились в кремлевских архивах, о роли генерала Ярузельского в событиях 1981 года и последующих? И главный для поляков вопрос: в какой мере Ярузельский добровольно хотел подавления «Солидарности», введение военного положения и т.д. и в какой мере он был вынужден сделать это под давлением Москвы и угрозой интервенции?

Владимир Буковский: Документов по польскому кризису у меня довольно много. Во-первых, все документы так называемой комиссии Суслова. Во-вторых, я еще дополнительно находил документы в архиве ЦК, главным образом, документы секретаря ЦК. В общем, у меня страниц 250. Это, в основном, протоколы заседаний Политбюро, где они обсуждают кризис в Польше. С самого начала и до самого конца вопрос о военной интервенции



в Польше никогда не обсуждался. То есть даже как запасной план никогда не предлагался. В самом начале, когда еще было непонятно, как пойдет развитие событий, некоторые в Политбюро прямо говорили: «Польша — это не Чехословакия». Не развивая эту тему. Но нам понятно, что они имели в виду. В процессе развития кризиса единственное, что Политбюро требовало от польских коллег, это введение военного положения. С самого начала до самого конца.

В апреле 1981 г. планы такого введения военного положения были разработаны в Политбюро. И переданы были на тайной встрече между Андроповым и Устиновым с одной стороны, и Канем и Ярузельским, с другой — в Бресте. Там же было объяснено польским коллегам, что вот это полная разработка того, как проводить военное положение. Более того, от них потребовали расписаться, а когда Ярузельский сказал, что не может и что он должен посоветоваться с коллегами, ему сказали: «А вы подпишитесь, что вы ознакомились. К тому же, когда вам придется вводить военное положение, будет поздно подписываться».

За три дня до введения военного положения, 10 декабря 81 года, на заседании Политбюро Андропов, обращаясь к своим коллегам, сказал: «Ярузельский опять поднимает вопрос о нашем военном вмешательстве. Мы уже говорили ему, что мы не можем вмешиваться в польские дела, мы не будем этого делать, но он, видимо, не очень надеется на свою армию. И поэтому, в качестве гарантиной меры, хотел бы иметь нашу гарантию о нашем вмешательстве. Однако мы должны еще раз ему разъяснить, что мы вмешиваться в польские дела не будем. Он должен рассчитывать только на свои силы». После него говорил Громыко и сказал тоже самое. Он сказал: «Никакого вторжения в Польшу быть не может. Мы уже передавали об этом Ярузельскому. И я еще раз передам через посла Аристова, что Ярузельский должен рассчитывать только на себя». После него говорил Суслов и тоже сказал: «Мы никак не можем себепозволить вторгаться в Польшу. Помимо всего прочего, это бы полностью уничтожило все то, что мы делаем во внешней политике. В частности, нашу политику за разоружение». Андропов добавил этому фразу, которая действительно интересна: «Одно дело, если в Польше даже победит «Солидарность», и совсем другое, если мы туда вторгнемся и на нас обрушится весь западный мир с санкциями и т.д.».

Что касается самой идеи вторжения, то она всегда разрабатывалась в Политбюро как дезинформация. Я нашел решение Политбюро, где, в частности, сказано: «Поскольку контрреволюция в Польше и империалистические круги Запада боятся нашей интервенции и этот страх сдерживает их, эту идею нам нужно развивать в пропагандистской кампании». И потому и Брежнев, и многие другие в своих выступлениях повторяли одну и ту же фразу, которая была согласована на Политбюро: «Мы Польшу в обиду не дадим». Это очень двусмысленная фраза. Вот такую неопределенность они всегда оставляли. Более того, как вы помните, для того чтобы создать впечатление о своей готовности вторгнуться, они проводили военные маневры, создавали концентрацию войск на границе с Польшей. То есть они натягивали напряженность специально. Создавали впечатление готовности вторгнуться в Польшу. Но готовили только введение военного положения. Они понимали, что при такой подготовке этого вопроса военное положение будет воспринято в мире как меньшее зло. Так оно и произошло. Я очень хорошо помню, что введение военного положения в Польше вызвало на Западе впадах облегчения, ибо все ждали советского вторжения.

Вот так они готовили и проводили эту операцию. И довольно успешно, должен сказать.

Вопрос: В какой степени русские располагали агентурой КГБ в руководящих органах партии и в правительстве? Есть ли в архивах какие-то следы этой информации? И еще: позволили ли документы составить психологический портрет Ярузельского? Какое он?

В.Б.: Что касается агентуры, то она увеличивалась, в основном, в городах. Речь идет не о высших эшелонах власти, а о разных местах. Например, чтобы увеличить оперативные возможности КГБ, они открыли два дополнительных пункта АПН в Гданьске. Причем, в постановлении ЦК сказано прямо, что работники КГБ займут места журналистов в этих пунктах. Но там же в



Встреча В. Буковского с журналистами польского журнала «Karta». Варшава, февраль 1998 г.

Фото: Ośrodek «Karta»

штате предполагалось определенное количество поляков. Надо полагать, что эти поляки наверняка знали, чем они занимаются.

Что же касается высших эшелонов власти, то не было никакой нужды иметь каких-то специальных агентов КГБ среди них по той причине, что руководство ПОРП направляло все доклады в Кремль. То есть, в каком-то смысле, они все были агентами. Информацию Москва имела исчерпывающую на всех уровнях польской власти. В разгар кризиса даже экономические программы ПОРП разрабатывались сначала в Москве, а потом передавались полякам. На всех уровнях управления сидели группы советских советников. Любое, даже малейшее решение согласовывалось с послом Аристовым.

Ну, что вам сказать про Ярузельского? Я приведу вам телефонный разговор между Ярузельским и Брежневым, запись которого лежит в документах Политбюро.

Итак, Ярузельского только что сделали первым секретарем ПОРП. Брежнев ему звонит, чтобы поздравить и говорит: «Здравствуй, Войцех!» Ярузельский отвечает: «Здравствуйте, дорогой и горячо любимый Леонид Ильич! Я Вам благодарен за Ваше доверие!» То есть он отлично понимает, что его назначили в Москве. Дальше Ярузельский говорит так: «Я согласился с трудом. Только когда я узнал, что Вы хотите, чтобы я занял этот пост, только тогда я дал согласие». Дальше идет речь о том, что нужно подобрать новых помощников. Брежнев ему говорит: «Смотри, подбери хороших помощников». — «Да, да, конечно, я сразу же этим займусь и об обоих назначениях буду советоваться с послом Аристовым». И так на протяжении всего разговора. В том, что Ярузельский был слугой, нет ни малейшего сомнения.

Вопрос: Что, на Ваш взгляд, послужило толчком к началу реформ в Советском Союзе?

В.Б.: Прежде всего, катастрофическое состояние собственной экономики. В какой-то момент они поняли, что потеряли контроль над экономикой своей страны. Я раскопал очень забав-

ную историю. Брежнев стал получать письма от ветеранов войны с жалобами на то, что в магазинах нет соли. Обыкновенной поваренной соли. Писем было до странности много, и Брежнев поручил Горбачеву, который тогда курировал сельское хозяйство, разобраться с этой солью. В самом деле, что такое? Огромная территория, множество соляных озер, даже не надо эту соль добывать из-под земли, понастроена куча комбинатов, а соли не хватает. Ветераны обижаются. Горбачев получил задание, стал разбираться. Связался с регионами, получил от всех рапорты, что столько-то миллионов тонн поваренной соли произведено, расфасовано и т.д., но куда она делась потом, так и не смог понять. Доложил Брежневу: так и так, не знаю, где соль. Тот поручил Андропову разобраться. Несколько месяцев Комитет Государственной Безопасности проводил расследование: куда девается соль? Не нашел. Вот тогда они начали понимать, что дело швах. Во внешней политике они были орлы! Они могли подавить революцию. Они могли сделать так, чтобы миллионы полезных идиотов на Западе маршировали по улицам и требовали разоружения своих стран. Это им было легко. Но снабдить свою собственную страну поваренной солью они не могли.

Вопрос: Как Вы знаете, где-то за неделю до введения военного положения офицер Генерального штаба полковник Куклинский убежал на Запад и передал американцам информацию о военном положении. Вопрос такой: встречали ли Вы в архивах какие-то материалы, которые говорили бы что-то о полковнике Куклинском и этом деле?

В.Б.: Прямого упоминания о полковнике Куклинском не нашел, но есть интересная фраза. В какой-то момент Политбюро ожидает приезда Яруэльского и Кани, чтобы побеседовать с ними, проинструктировать, что делать. И как и всегда в таких случаях обсуждаются тезисы, материалы к приему польской делегации. И кто-то говорит: «Хорошие материалы подготовили. Может быть, их просто отдать полякам? Пускай будут у них в руках». А Брежнев говорит: «Нет, не надо отдавать, а то они могут в Америке оказаться».

Вопрос: В восемидесятые годы убежал на Запад полковник Голицын, который уже тогда говорил о возможности реализации плана, близкого к тому, что на самом деле произошло в 1989-м. Вопрос в следующем: может быть, падение коммунизма было спланировано сверху, руководством ПОРП-КГБ? Не было ли какого-то центра, который должен был обеспечить «мягкую посадку» коммунизма, который запланировал бы приватизацию государственной собственности коммунистической номенклатурой?

В.Б.: Первоначальные разработки того, что потом стало называться гласностью и перестройкой, начались где-то к концу 70-х годов. И вначале касалось это, в основном, внешней политики. Первые разработки возникли по внешнеполитическим причинам. И поэтому занимался ими международный отдел ЦК. Но участвовал во всем этом и Андропов со своим ведомством, поскольку они тоже занимались внешней политикой. Изначально задача была гораздо более узкой. Вот только что у них был период политики детанта с Западом. У нас это называлось разрядкой международной напряженности. Но она не дала им в тех результатах, на которые они рассчитывали. Да, она была для них очень выгодной, удобной, но до конца не сработала.

И вот задача международного отдела: как спланировать эту политику детанта, чтобы она сработала? Эта политика строится на взаимодействии с западноевропейской социал-демократией. Это использование социал-демократии в своих целях. И потому международный отдел ЦК разрабатывает то, что позднее Горбачев назвал «новым мышлением». Другими словами, была задача так изложить свою фразеологию, чтобы она звучала как социал-демократическая. Грубо говоря, как еще больше, еще удобнее и лучше обмануть социал-демократов. Этим занимался международный отдел ЦК с Андроповым.

Тем временем начинаются кризисы: афганский, польский. Тут они начинают понимать, что им нужно менять не только внешний политический образ, но что-то нужно делать с экономикой. Не хватает на мировую революцию. И тогда эти два проекта объединяются и начинается разработка общего плана пере-

стройки. Голицын не прав в одном. Никогда не было запланировано исчезновение коммунизма. Была запланирована кампания массовой дезинформации, которая обманула бы западное общественное мнение. Но в их планы вовсе не входило, чтобы все распалось.

Уже к середине 80-х годов эти планы стали оформляться. Еще до прихода к власти Горбачева основные планы уже были разработаны. Он, между прочим, сам этого не отрицает. Это только на Западе его считают автором перестройки. А он сам признается, что был только исполнителем. В 88-89 годах, когда все пошло не совсем так, на одном собрании в Москве ему кто-то бросил упрек: «Что же вы так плохо все продумали!» На что он ответил: «А причем здесь я? Это было продумано до того, как я пришел к власти. Наши исследовательские институты представили в ЦК более ста разработанных реформ». Это слова Горбачева.

Но давайте все-таки не путать разные вещи. Одно дело реформы готовить, а другое — что из этого вышло. Совершенно верно, они собирались и с 88-го года начали приватизацию определенной части собственности в руки партийных активистов. Особенно комсомольских активистов и людей из КГБ. Идея состояла в том, что они будут продолжать это контролировать, потому что все эти люди — члены партии. То есть партийный контроль останется. Чего они, конечно, не учли, — что это была уже совершенная другая партия. Нетакая, как при Ленине. Это уже не была партия профессиональных революционеров, а это была партия профессиональных жуликов. И как только каждый из них получал кусок собственности, как он тут же прощался с партией. Стремительный распад партии в 90-м году — это бегство из партии людей с деньгами.

Вопрос: Предусматривали ли проекты Горбачева объединение Германии, или, иначе говоря, возвращение Германии восточных земель?

В.Б.: Это одна из наиболее интересных страниц современной истории. Да, они хотели объединить Германию, но — нет — они не хотели ее отдавать. Они хотели объединить Германию, нейтралитаризованную, демилитаризованную, под руководством своих друзей социал-демократов. Вот в чем была их задача. Это, между прочим, не новая задача. Ею занимался еще Сталин. Потому что Сталину половина Германии была не нужна. Он хотел всю Германию. Этим занимался Берия. Но его быстро расстреляли. Этим занимался Хрущев. Но народ стал бежать из Восточного Берлина в Западный, и ему пришлось строить стену. Но все советские лидеры думали: как им избавиться от ГДР. Таким образом, чтобы получить всю Германию.

Вопрос: А какова в этом роль Фаллина и кто из социал-демократов был сознательным орудием Советов?

В.Б.: Что касается сознательных орудий, то здесь надо иметь в виду, что западные социал-демократы тоже имели свои цели. Они не были простыми агентами Москвы. Они считали, что они таким образом придут к власти. Идея состояла в том, что в Советском Союзе помягчает режим, а в Западной Европе к власти придут социалисты и социал-демократы. И вот тогда наступит конвергенция. Весь детант 60-70-х годов есть идея конвергенции. Во исполнение этих целей социал-демократам нужно было усиливать советское влияние в Европе. И тогда они оказывались единственными посредниками между Западом и Советским Союзом.

Они не понимали, что Советскому Союзу они нужны только как инструмент. И как только Советский Союз достигнет своей цели, так социал-демократы исчезнут. Так же, как у них было с Керенским. Это извечная история отношений между большевиками и меньшевиками. В этих отношениях меньшевики всегда предполагают, а большевики — располагают.

Кто был наиболее эффективным и энергичным при продвижении этой идеи? Немецкие социал-демократы. А среди них — Эгон Барр был наиболее близок к Москве. Я, например, нашел документы о его секретных контактах с КГБ еще в 69-ом году. Но он не был один. Социал-демократы Германии были настолько пронизаны КГБ, что трудно сказать, где кончается социал-демократы, а где начинается КГБ.

Насчет Фалина. Фалин был послом СССР в Западной Германии. И он был одним из первых, кто стал говорить о необходимости перестройки. Например, я нашел его доклад в ЦК еще в 77-ом году! Доклад о том, что мы ведем неправильную политику по правам человека, в информационном и культурном плане. Что гораздо выгоднее нам было бы попытаться создать «хорошо контролируемую гласность». Судя по подписям на полях, этот документ прочли и Громыко, и Андропов, и еще ряд членов Политбюро. Очень скоро Фалин был вызван в Москву и стал работать в международном отделе ЦК. И он как раз занимался этой будущей политикой перестройки и гласности. И когда она стала воплощаться в 89-ом году, его и назначили главой международного отдела.

После того как советский режим рухнул, Фалин уехал из России и никогда больше туда не ездил. Он живет в Германии. Его хозяева там — немецкие социал-демократы. То есть, конечно, кто из них кому хозяин, я сказать не могу, но...

Вопрос: Верно ли, что на капитал Фалина сегодня, главным образом, и опирается немецкая социал-демократия?

В.Б.: Да, конечно. Но, я думаю, у него больше капитала. Через него пошли партийные деньги и многие деньги советского государства, которые исчезли бесследно.

Как мы теперь догадываемся, хотя вроде бы Горбачев распорядился эти деньги украдь, он, по-видимому, потерял над ними контроль. Я так додумываюсь, что, видимо, Фалин и забрал все это. Горбачев теперь, чтобы жить на широкую ногу, вынужден рекламировать пиццу. А Фалин пиццу не рекламирует.

Ведущий пресс-конференции: Ни пиццу, ни немецкое пиво. Один из участников нашей встречи спрашивает: правда ли, что Ваш предок был выслан из Польши в Сибирь после ноябрьского восстания 1831 года?

В.Б.: У нас есть только семейное предание на эту тему, а документов нет. По нашему семейному преданию предок был выслан из Польши за участие в восстании Костюшко. Сначала был сослан в Сибирь, а потом ему разрешили поселиться в центральной полосе России, и он поселился в Тамбовской губернии. Когда я родился, половина села уже были Буковские.

Два вопроса от Варшавского Центра «Karta»: Принимали Вы участие в экспертизе, которую для Конституционного суда по делу КПСС проводил московский «Мемориал»? Второй вопрос: есть ли подтверждение, что решение стран Варшавского договора о вводе войск в Польшу 8-го декабря 1980 года было блефом?

В.Б.: Отвечу сначала на второй вопрос. Никаких решений Политбюро о вводе войск в декабре 80-го я не нашел. И, более того, — я думаю, их нет. Решения этого времени мы просмотрели. А без решения Политбюро такие вещи не могли готовиться. Я полагаю, что такого решения не было.

Что же касается первого вопроса, то представители «Мемориала» были в Конституционном суде. От «Мемориала» было два человека: Никита Охотин и Никита Петров. Их экспертиза не была заслушана. У суда просто не хватило времени на это. Они очень кратко доложили и все. Но мы работали параллельно. Они работали сами, я — сам.

Ведущий пресс-конференции: Один из участников нашей встречи утверждает, что суд над КПСС состоялся, и на него был приглашен из Гарварда в качестве свидетеля профессор Ричард Пайпс. Это было в конце 1991 начале 1992 года.

Потом этот процесс был прерван. Вы знаете что-нибудь об этом?

В.Б.: По-моему, это искаженная информация. Пайпс был приглашен в качестве эксперта Конституционного суда. И мы с ним встречались. Но потом было решение, что он, как иностранец, не может быть допущен. В результате, как эксперт он не участвовал. Он был приглашен, а потом уехал. (По-видимому, автор вопроса имел в виду одну из попыток проведения общественного трибунала над КПСС — прим. ред.)

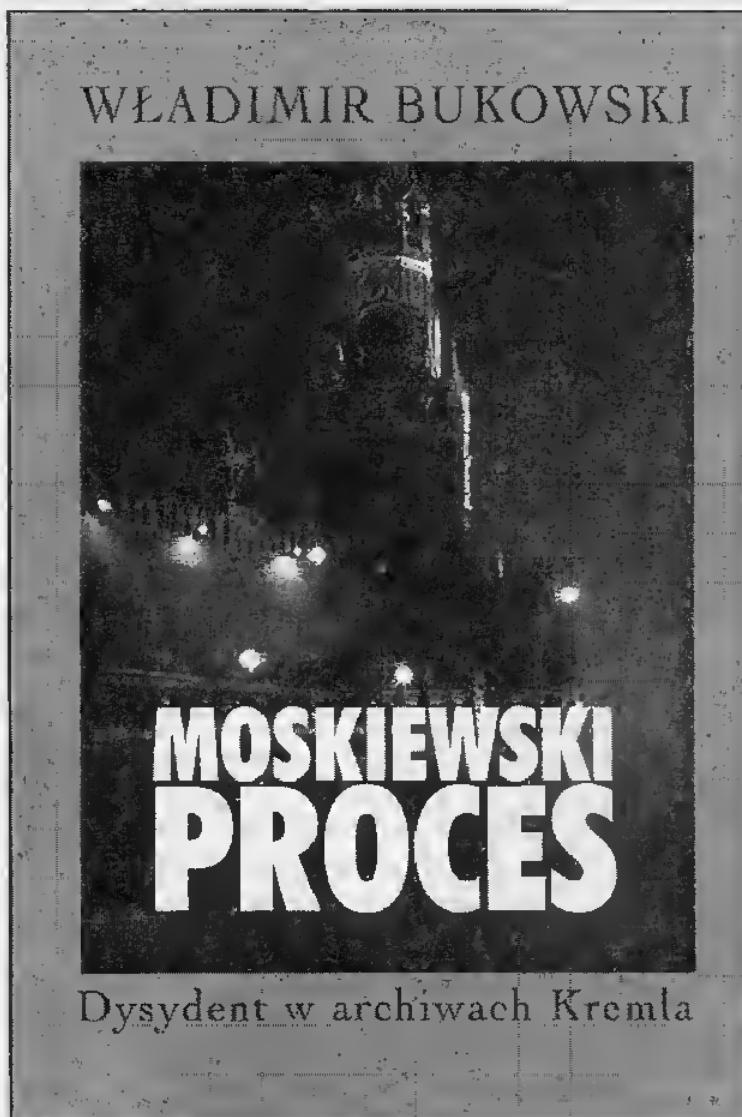
Вопрос: Нашли ли Вы в архивах какие-либо документы, касающиеся покушения на Папу Римского 13 мая 1981 года?

В.Б.: К сожалению, нет. Очень хотел найти и старался. Но дело в том, что такие решения принимались только Политбюро. А архивы Политбюро содержались отдельно от архивов ЦК. В 90-м году архив Политбюро был изъят из ЦК и присоединен к президентскому архиву Горбачева. Поэтому искать что-либо в этих архивах было безумно трудно. Если в архив ЦК, по крайней мере, мы могли прийти и просмотреть опиши решений, то в архив Политбюро мы даже войти не могли. Тем более, что такие решения у них лежали в так называемых особых лапках. Например,

все катынские документы лежали в такой папке. А это у них была самая высшая категория секретности. Такие документы мог просмотреть только работник ЦК или член Политбюро. Причем, он должен был смотреть там. Он не мог их взять, вынести, не мог их скопировать...

Варшава, март 1998 г.

Материал подготовили к публикации
Сергей РОМАНОВ и Юлия СЕРЕДА





"Я нигде не на своем месте..."



«Обменяли хулигана на Луиса Корвалана. Где б найти такую б-ль, чтоб на Брежнева сменять?»

Так московская улица двадцать лет тому назад откомментировала обмен заключенного Владимира Буковского, одного из самых известных российских диссидентов, на вождя чилийских коммунистов Луиса Корвалана, арестованного полицией генерала Пиночета.

Буковский отсидел, в общей сложности, около 12 лет — в тюрьмах, лагерях, «психушках». Когда в декабре 1976 г. в аэропорту Цюриха состоялся обмен и присутствовавшие там журналисты спросили Буковского, что он сейчас чувствует, он ответил: «Радуюсь, что двое заключенных одновременно обрели свободу». Корвалан в ответ на этот вопрос не сказал ни слова.

— Что для Вас Россия теперь, спустя 22 года?

— Россия? Пять лет я был в России. Там нет для меня работы. Все вернулось на свои старые места. Снова у власти старая партийно-бюрократическая номенклатура.

— Снова? А может быть, была всегда?

— Вы правы, но были такие минуты, когда Россия отдалась от коммунизма. Теперь все поворачивается назад. Возьмем, например, вопрос доступности архивов. Все архивы снова закрыты. Даже те документы, которые я

«Когда последний раз был в России, поразил меня язык — претенциозная мешанина воровского жаргона и английских слов, употребляемых совершенно бессмысленно. И беспрестанная ложь. Коммунизма, вроде бы, уже нет, а перманентное вранье осталось. Какая могла бы там быть для меня работа?» — говорит **Владимир БУКОВСКИЙ** в беседе с Иреной ЛЕВАНДОВСКОЙ.

несколько лет назад скопировал и опубликовал, теперь объявлены строго секретными. Забавно, правда?

— Вы никогда не думали вернуться в Россию?

— Я привык к тому, что моя жизнь подчинена какому-то делу. И если появится какое-либо конкретное дело, такое, что мне нужно будет поехать в Россию, — поеду. Но сейчас ничего такого нет.

— А Россия — это не Ваше дело?

— Сегодня с уверенностью могу сказать, что не мое. Я думаю, что до конца моей жизни ничего не изменится. Все развивается по очевидному сценарию. Я убежден, что в нем нет места для меня. Распад, политические деже-жи, пустота, апатия, всем все обрыдло... Что бы я там делал? Новое поколение еще только подрастает. Конечно, оно дозреет, конечно, придут другие люди и сделают то, что надо, только меня к тому времени уже не будет.

— А тогда, в 1976 году, когда Вы летели в самолете и не знали, где этот самолет сядет. Вы думали о том, что врсмя изменится и Вы сможете вернуться?

— Я всегда знал, что этот режим кончится, но думал, что это может произойти не раньше конца нашего столетия, когда уже буду стариком. И всю жизнь, хочу я этого или нет, мне придется провести за границей. Поэтому я никогда не строил никаких личных планов, связанных с Россией.

— Вам тяжело жить в чужой стране?

— Я к этому привык. Я ведь всегда жил не в своей стране. В СССР я все время чувствовал себя иностранцем, даже тогда, когда мне было 15 лет. Поэтому я привык к тому, что я нигде не на своем месте.

— Россия и Советский Союз — одно и то же?

— Конечно, нет. Хотя сейчас они не сильно отличаются, во всяком случае, не до такой степени, чтобы я в России почувствовал себя как дома.

— Вы там не чувствуете себя дома?

— Нет.

— Какая страна для Вас самая близкая?

— Пожалуй, я не сумею назвать такой страны.

— А где Ваш дом?

— В Кембридже, там я живу уже 20 лет. Впрочем,



Издание 1990 года, Москва.

это вообще для меня не проблема — земля, дом... Когда Набокова спросили, где бы он хотел жить, тот ответил: «Если можно, в большом комфорtabельном отеле». А для меня это не важно — я очень быстро привыкаю к новому окружению, обычаям, языку.

— Не очень верится в это... Ведь Вы постоянно занимаетесь именно Россией.

— Как раз больше всего времени я трачу на занятие нейрофизиологией мозга. А книги о России?... Это зависит не от меня, а от издателя — рынка, спроса и т.д. А я издателя слушаю. Например, сейчас буду писать книгу о Западе.

— Я так упорно расспрашиваю Вас об этом, потому что многие русские писатели говорят, что не могли бы жить вне своей страны. И я хочу понять, почему они не могли бы там писать, а Вы — можете?

— Во-первых, большинство русских писателей не знают иностранных языков, а литература и язык для них неразделимы. Сказать правду, из русских писателей, вынужденных эмигрировать, только Виктор Некрасов немного говорил по-французски, а вот Андрей Синявский ие знал ни слова, так же, как и Владимир Максимов. У меня было такое впечатление, что Максимов интуитивно боится, что французский язык «разбавит» его русский, а вместе с ним и творческие возможности.

А я — как Бродский или Набоков — пишу на английском и даже предпочитаю его русскому. (Впрочем, возможно, дело в том, что я не пишу ни стихов, ни повестей, только эссе, а их можно писать на любом языке). Русский

язык очень эластичный, романтичный и очень неточный. По-русски невозможно писать кратко. Когда американские или английские газеты заказывают мне статью, обычно говорят: 1200-1800 слов. По-русски это абсолютно невозможно, человек даже не успеет начать!

— Вы говорите, что в СССР чувствовали себя иностранцем. Почему же там Вы делали вещи, за которые приходилось платить такую страшную цену?

— Я это делал не для России. Мы, диссиденты, друг другу говорили прямо: мы делаем это для себя. Бывает так, что человек не может повести себя по-другому, потому что тогда он перестанет быть самим собой. Это была, если хотите, защита собственной человеческой суверенности. Это было, между прочим, характерно для диссидентского движения в России. В Польше или Чехословакии было немного иначе. Там в деятельности оппозиции было больше политики и ощущения национальной несвободы. Российские диссиденты были свободны от национализма. Когда сейчас я вижу боевиков со свастиками на улицах Петербурга, я не понимаю, что происходит.

И еще одно. И в России, и, позже, на Западе, я понимал нашу борьбу с коммунизмом как дело глобальное, международное, ибо коммунизм был злом общемировым. Хотя историю было угодно, чтобы сначала уткнулся он именно в России, но потом была Восточная Европа, Китай, Куба, половина Африки. С коммунизмом можно бороться в любой точке мира. Это как зеркальное отражение — коммунисты тоже везде боролись за коммунизм: Троцкий в Мексике, другие в Испании. Так мы могли бороться с коммунизмом где угодно, даже в каком-нибудь "красном уголке", под портретом Ленина.

— Значит, Россия для Вас всего лишь страна, в которой Вы родились?

— Да... Нет, все-таки не совсем. Какую-то часть российской культуры я забрал с собой. Но я не связан ни с одной точкой на земном шаре. Я связан с идеями, концепциями, принципами. Поехал в Россию в 1991 году, еще при коммунизме. Спрашивал тогда сам себя: должна же быть какая-то сентиментальная реакция...

— И что?

— И ничего. Телевизионщики отвезли меня в школу, в которой я учился...

— И что?

— И ничего. Она только показалась мне гораздо меньшей, чем я ее помнил. Дома моего уже не было. Не удалась моя сентиментальная дорога. И если я что-то почувствовал, то только грусть. Жаль было людей, которые так много ожидали, а теперь сидят над руинами своих иллюзий.

— А Вы?

— Ну что, я спокойно работаю. У меня большой сад, по которому ходят здоровенный котище. Он думает, что он хозяин этого сада. Выгнал даже свою мать — не терпит никакой конкуренции. У меня с ним весьма сложные отношения — это абсолютно аморальная личность. Расхаживает в полевой пятнистой форме, всех кругом тер-

оризирует. И вообще это, может быть, булгаковский Бегемот. Встречаю его как-то на улице, далеко от дома: «А ты что тут делаешь?» Посмотрел на меня: «Тебе-то что? У тебя свои дела, у меня — свои». И пошел себе дальше. Иногда приходит ко мне, чтобы пожаловаться на женщин: «Вчера все было нормально, а сегодня она не хочет на меня смотреть». «Такие уж они есть», — объясняю. Потом идет спать под кипарис, который растет в саду.

— Что Вас поразило, когда Вы последний раз были в России?

— Язык. Претенциозная мещанина воровского жаргона и английских слов, употребляемых, к тому же, совершенно без смысла. Что меня раздражает в России, так это неустанное вранье. Вроде бы уже коммунизма нет, а перманентная ложь осталась. Многолетняя привычка.

— А документы, над которыми Вы работаете? Вы уверены, что они не лгут?

— Документы подделать нельзя. Хотя бы потому, что в России слишком много архивов — 162. Тот, кто работает в одном из них, понятия не имеет, что находится в другом. И неизвестно, нет ли где-нибудь копия конкретного документа. Пришлось бы подделывать документы во всех архивах. Коммунисты фальсифицировали историю, но фальсифицировать документы они были не в состоянии.

Конечно, сама идеология была ложью. Из документов не следовало, например, что человек, сидевший в тюрьме, боролся с системой. Как докладывал член Политбюро Андропов — «под влиянием буржуазно-империалистической пропаганды, империалистических диверсионно-шпионских центров...». Живой была сама эта фразеология, но таков был язык коммунистов, они просто не умели говорить иначе.

Если говорить о фактах, то они их не фальсифицировали, хотя и старались как можно больше скрыть. Например, в решении о вторжении в Афганистан, написанном от руки членом Политбюро Черненко, не названа страна, в которую в скорости войдет советская армия. Написано только «государство А.» Но зато все члены Политбюро расписались на этом документе, даже те, которых не было на том заседании, чтобы никто не мог потом сказать, что не хотел или не знал. Все должны были быть замазаны.

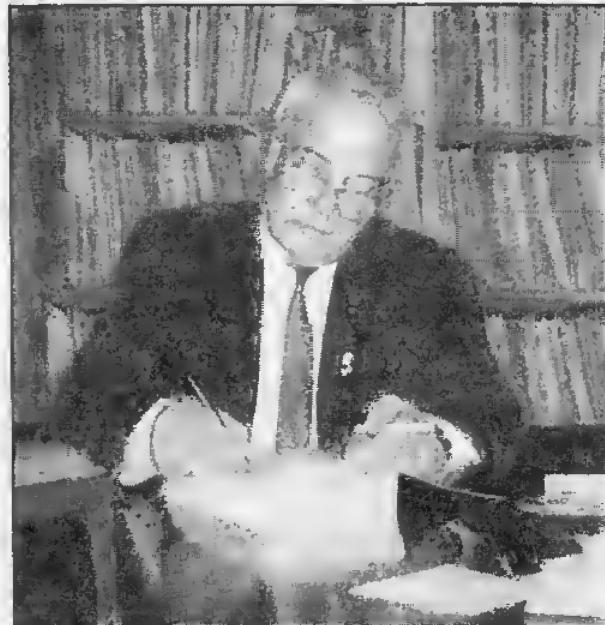
Документы не пропадают. Были уничтожены только те, которые касались августовского путча 1991 года. Когда хотели их забрать, оказалось, что все погибли в специальных машинах для измельчения бумаги.

— Сейчас Вы возвращаетесь в Кембридж писать книгу о Западе. Но Вы собираетесь время от времени навещать Россию?

— Да, как и любую другую страну. Между прочим, последний раз я не смог получить визу в Россию. В 1996 году.

— Вы шутите.

— Вовсе нет. Меня пригласил Инкомбанк, пятый по величине в России, на празднование своей восьмой годовщины. Через неделю звонят: «МИД не дает вам визу». Не знаю, почему. Может быть, потому, что как раз вышел мой «Московский процесс», который кому-то в



России не понравился. А еще тогда сидел в тюрьме Александр Никитин, обвиненный в шпионаже (на самом же деле он передал норвежской экологической организации опубликованную раньше информацию об опасных для окружающей среды радиоактивных отходах, захороненных на Кольском полуострове), и я предложил тогда своим друзьям в Петербурге организовать что-нибудь, когда приеду, — небольшую демонстрацию или пресс-конференцию в защиту Никитина. А может, кто-то хотел погрозить пальцем Инкомбанку, с которым власть имела тогда какие-то проблемы.

Объяснение было такое: «Буковский — гражданин России, зачем ему виза?» Обычное вранье, я давно отказался от российского гражданства, чуть ли не сразу, когда мне его вернули, в 1992 году. А самое смешное, что благодаря всему этому я не сходил с российских телевизоров. Постоянно шла дискуссия на тему моей визы — дать или не дать? Сумасшедший дом. При коммунизме эта страна была паранодально-шизофренической, но тогда в этом была какая-то цель. Сегодня же эта шизофrenия абсолютно непонятна. Вещь в себе.

— А что стало с Корваланом, на которого Вас обменяли?

— А ничего. Живет себе легально в Чили с 1989 года. Шестью годами раньше он просил советское Политбюро, чтобы ему дали возможность сделать пластическую операцию и изготовили фальшивые документы. Ходил поехать в Чили, чтобы бороться с Пиночетом. Так и сделали. До 1989 сидел в Чили нелегально, возглавляя подпольную борьбу чилийского народа.

— А чилийский народ об этом знал?

— Нет. Более того, народ понятия не имел, что его кто-то возглавляет и борется. Правда, несколько автомобилей взлетело на воздух, но это мало кто заметил. Наступает 1989 год, выборы, и Пиночет уходит. А Корвалан ло-

прежнему бегает по лесам и что-то там взрывает. Наконец, и он замечает, что ситуация изменилась. Пишет в Москву, дескать, нельзя ли мне приехать сделать новую пластическую операцию? Хотел бы опять выглядеть, как раньше, получить свои настоящие документы и поехать в Чили легально. Так и сделали. Правда, полностью вернуть ему прежний внешний вид не удалось, но живет себе в Чили и никто им не интересуется.

— А Вы когда-нибудь с ним встречались?

— Нет, никогда. Он всегда принципиально отказывался от таких встреч. Когда-то итальянское телевидение предлагало нам выступить в одной программе. Он категорически отказался. А недавно сказал какой-то западной газете: ну что ж, мы, коммунисты, всегда были правы. И мы поступали совершенно правильно. Подождите, мы еще вернемся. Это только такой короткий перерыв.

— А может, он прав? Может быть, что-то вроде коммунизма и вправду возвращается?

— Это исключено. Если бы даже Сталина оживить, что он мог бы сделать? Самое большое, стал бы подпольным мафиози. Все изменилось, совершенно другая динамика общественного развития, изменились общественные структуры. А сам по себе Сталин — это уже не Сталин. Но и без него мой сценарий для России довольно пессимистичен.

Я думаю, возможны экологические катастрофы; я не уверен, что ядерные арсеналы достаточно хорошо охраняются; разрастается коррупция. И все это не может не отразиться

на ближайших соседях России. Впрочем, вы, поляки, уже это чувствуете. Но уже никогда не вернется старая модель взаимоотношений, когда смена правительства в России вызывает кризис в Польше, — в Москве кашлянут, а вы пьете лекарство. Этого уже не будет никогда.

— А в самой России будет лучше?

— Там плохо, и если что изменится, то только в худшую сторону. В России кризис, и конца ему пока не видно.

* * *

Владимир Буковский (1942 г.р.) — русский писатель и публицист, ученый, во времена СССР — известный диссидент, неоднократно был в заключении. В 1976 году в результате обмена на чилийского коммуниста Аугусто Корвалана оказался на Западе. Годом позже издал напиравшую автобиографию «И возвращается ветер...», а в 1983 эссе «Пацифисты против мира» — полемику с западным патрицизмом. Автор многочисленных статей о СССР и России. Интервью дал во время пребывания в Польше, куда приехал для представления своей новой книги «Московский процесс. Диссидент в архивах Кремля», являющейся основательной критикой коммунизма.

Интервью впервые опубликовано в "Газете выборчей" ("Gazeta wyborcza"). Март 1998 г.

Варшава
Перевод с польского: Юлия СЕРЕДА

[...] Летом 1958 года открыли памятник Маяковскому. На официальной церемонии открытия памятника официальные советские поэты читали свои стихи, а по окончании церемонии стали читать свои стихи желающие из публики. Такой неожиданный, незапланированный поворот событий всем понравился, и договорились встречаться здесь регулярно [...] Стали собираться чуть не каждый вечер, в основном — студенты. Читали стихи забытых и ре-прессированных поэтов, свои собственные, иногда возникали дискуссии об искусстве, о литературе. Создавалось что-то наподобие клуба под открытым небом, вроде Гайд-парка [...]

Одним из наиболее часто читаемых произведений на Маяке был "Человеческий манифест" Галанского [...]

Выйду на площадь

и городу в ухо

втисну отчаянья крик... —

зазвучало над площадью Маяковского словно здесь и сейчас найденное слово. В Юркиных стихах было то, что мы ощущали, чем мы жили:

Это — я,

призывающий к праеде и бунту,

не желающий больше служить,

рву ваши черные путы, сокращенные из лжи.

Как и он, мы чувствовали, как из этого отчаяния, бунта прорастает, возрождается свободная и независимая личность:

[...] И падаю, и взлетаю

в полубреду,

в полуспне...

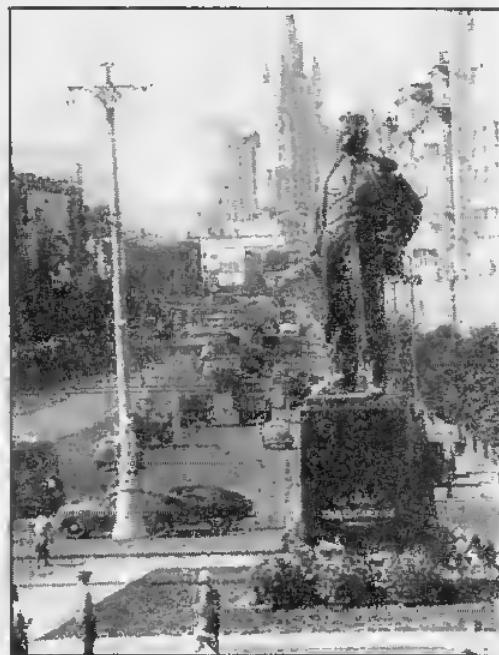
И чувствую, как расцветает

человеческое

во мне.

[...] И вообразите себе, что все это произносится в центре Москвы, под открытым небом, в той самой Москве, где еще семь-восемь лет назад за такие слова, сказанные шепотом, влепили бы десять лет без всяких разговоров.

И не имея уже той свободы действий и от этого еще больше стервянея, власти не собирались терпеть такую вольность: чуть не с первого чтения они устраивали провокации, задерживали чтецов [...]



Владимир БУКОВСКИЙ
"И возвращается ветер..."



Георгий ДАВИДЕНКО

Это было бы немногого смешно, если не было бы так горько

Редакция «Карты» получила письмо-отклик из Нижнего Тагила на материал «Это было немножко смешно...» («Карта» N 19-20, стр. 22-31). Пояснения автора по делу группы из города Донецка «Легион интеллектуалов» (упомянутой в материале как «социал-дарвинисты»), нам кажется, будут интересны всем, кто изучает историю инакомыслия в Советском Союзе. Мы публикуем полностью письмо Георгия Давиденко, а также фрагмент воспоминаний Василия Спиненко, теоретика и лидера этой подпольной группы.

Диссидентское движение в бывшем Союзе изучено плохо и поверхностно. Слушая и читая исследователей и участников событий, приходишь к выводу, что кроме полюбившейся темы (обычно политического дела) другие темы им не интересны, так как на их взгляд они малоизначительны, «неправильны», а то и «немножко смешны». Лишь я представляю именно то течение и ту организацию, которая показалась смешной автору из Рязани. (Александр Ефимович Учитель, в 1969-1973 гг. — политзаключенный, ныне — профессор истории Иерусалимского университета, — прим. ред.) Я не прочитал еще ни одной публикации, где правильно бы освещалось наше дело. Даже в «Истории инакомыслия СССР» Л. М. Алексеевой (на стр. 227) все напутано, так как она пользовалась непроверенной, случайной информацией.

А теперь я хочу ответить на вопросы, которые возникли у читателей статьи. Смолин — псевдоним студента Донецкого политехнического института Василия Николаевича Спиненко, 1947 года рождения. Обладая аналитическими способностями, он сумел доказать в своих статьях, что у власти в социалистической стране стоит партийно-хозяйственная бюрократия. Этот «новый класс» (по терминологии М. Джиласа) Спиненко назвал классом «трамполистов» (обманщиков). Сегодня этот класс или слой носит название номенклатуры. Но Спиненко, параллельно Джиласу, описал этот класс, и в этом его заслуга.

Далее Спиненко доказал, что этот класс не справляется с возложенной на него исторической задачей — управлением сопоставимыми странами, а значит, будет уничтожен ходом истории. В этом и заключается естественный отбор в истории: не справился — уходи. Именно поэтому это течение в философии называется социал-дарвинизмом. Спиненко также доказывал, что стремительно растет во всем мире еще один слой или класс — это люди интеллектуального труда (белые воротнички) — ученые, инженеры, консультанты, программисты и т. д. Им он дал имя «интел-лектуалы».

Спиненко указывает, что «интеллектуалы» не могут жить в условиях духовного рабства. Стремление к гражданской свободе является доминирующей идеей этого второго «нового класса». Он указывал и лидеров этого класса — А. И. Солженицына и А. Д. Сахарова. Спиненко предсказал еще в 1971 году, что через двадцать лет будет

смена режима — новая революция, которая пройдет в новой форме.

По делу «Легиона интеллектуалов», так называлась организация, созданная Спиненко (по другой версии — «Революционная партия интеллектуалов»), прошло шесть молодых рабочих, в основном, с Донбасса и Урала. Всего по делу прошло восемь человек, покаявшихся студентов не посадили. К сожалению, «молодые рабочие ребята» не сильны были в теории и не смогли, кроме общих положений, рассказать о теории Спиненко своим солагерникам, но, как я понимаю, теоретический уровень автора был соответствующим. Много позже, когда я знакомился с книгой М. Джиласа «Новый класс», я удивлялся не столько схожести теорий, сколько более глубокой проработке идей (у Спиненко? — вопрос ред.), вытекающих из наличия этого класса.

Для того чтобы свергнуть режим, а эту цель ставили все подпольные партии того периода, надо было знать своего врага, номенклатуратцательно пряталась за спины рядовых членов компартии. Бороться со всей компартией, где 60 процентов были простые рабочие, крестьяне и интеллигенты, в условиях «победившего социализма» было бесперспективно. А вот бороться с номенклатурой (по Спиненко — «трамполистами») было реально, так как был шанс внести раскол в ряды компартии путем пропаганды, к чему и призывал В. Спиненко. В то время начало появляться недовольство режимом. Ветры свободы проникли к нам вместе с вернувшимися из Чехословакии танками. Все искали, кто виноват в низком уровне жизни даже по сравнению со странами Восточной Европы. Когда рядовым коммунистам и простым гражданам показывали виновника — зажравшуюся номенклатуру, — эффект был потрясающий. Я сам был неоднократным очевидцем этого, так как для многих было откровением, что страной правит партийно-хозяйственная номенклатура, что компартия,



Георгий Давиденко (слева) и Василий Спиненко. Август 1970 г., Макеевка. Фото из архива Г. Давиденко



совместно с КГБ, — орудие для удержания власти и контроля за обществом, что идеология коммунизма — лженаука, обеспечивающая оболванивание народа.

Намек на то, что Смолина (В. Спиненко) правильно признали психическим больным, — настоящее кощунство. Трагедия этого человека вызывает уважение. Он 17 лет провел в психических лечебницах разного режима. Ему были введены тысячи уколов психотропных препаратов. Издевательства гэбешников в белых халатах не прекращались все годы его заключения. В настоящее время Спиненко живет в г. Макеевке и в одной из макеевских русскоязычных газет публикуются его заметки-воспоминания о пребывании в одной из психических больниц, написанные неглохим литературным языком (ксерокопию высыпаю).

Во время нахождения Василия Спиненко в печально известном институте им. Сербского он встретился и беседовал с В. Буковским, и В. Спиненко произвел на В. Буковского хорошее впечатление, о чем он мне говорил лично. (Рекомендую спросить у самого В. Буковского). Да и могли ли десятки людей пойти за В. Спиненко, если бы хоть на минутку усомнились в его психической состоятельности?

В заключение хочу заметить, что не правозащитное движение дало идеи, необходимые для обоснования демократического движения 1988-1991 гг., а именно политические группы донесли и передали неформалам через сам- и тамиздат весь багаж своих знаний и опыта. Поэтому преуменьшать значение политического демократического движения в стране, на мой взгляд, преступно.

Нижний Тагил

Василий СПИНЕНКО

Введение в режим

фрагмент воспоминаний

Я был арестован органами КГБ 12 марта 1971 г. за антисоветскую агитацию и пропаганду. По решению закрытого суда, на который меня не вызывали, я был направлен в спецпсихбольницу на излечение. Пребывал в различных психбольницах Советского Союза непрерывно 17,5 лет, пока, наконец, в августе 1988 г. не оказался на свободе.

Я предлагаю читателям несколько фрагментов моего непрерывного «лечения». Описанные события имели место в моей жизни, главным образом, в спецпсихбольнице г. Днепропетровска, в первой половине 80-х годов. Имена и фамилии упоминаемых лиц изменены.

Данный экскурс в недавнюю историю не претендует на всеобъемлющий охват этой грандиозной темы.

Раннее утро. Сквозь сон слышу голос старшего санитара смены: «Подъем! Генеральная уборка!» В нашем отделении всегда все утренние уборки — генеральные, и начинаются они примерно в 3 часа 30 минут. Такой порядок ввел старший санитар Саша, молодой, энергичный человек 24-х лет, высокого роста, на свободе работал шофером на бензовозе. Жизнь его круто изменилась после того, как однажды он, врезавшись своим автомобилем в трамвай, скжег вагон и еще 15 человек. Ему дали большой срок.

Обычно санитарами в психушке работали ээки по первой судимости. Со своей работы они уходили на «гражданку» по «половинке» — день у нас шел за два. Особо усердным удавалось идти по варианту: 1/3. День работы шел за три зачетных. Саше нужна была свобода. А кому она не нужна? Однако, в отличие от большинства других людей, он хорошо знал, чего именно он хочет и как этого можно достичь. Своей цели он добивался всегда. Саше говорил: «Мне не нужно, чтобы меня любили или уважали. Мне нужно, чтобы меня понимали». «Старший» из

кожи вон лез, чтобы отделение в больнице было образцовым. Выглядеть рачительным хозяином в глазах начальства что-нибудь значит! К тому же и стимул хороший был: на одном из свиданий с ним расписалась невеста. Так Саша за два года, в мою бытность, и ушел на волю-вольную.

Итак, уборка. Делать нечего, «пациенты» без энтузиазма, но с необходимой проворностью принимаются за уборку. Отмечу, что в обиходе никто из больных не говорил «палата», все говорили «камера». Врачи, наедине со мной, еще говорили «клетка», что подразумевало как «палату», так и вообще пребывание в самой спецбольнице. Да и как же иначе? Дверь «палаты» запирается на ключ, и в ней смотровой глазок для «ментов» — сотрудников ВВ (внутренних войск — ред.) или санитаров. Свободно из «палаты» не выйдешь — только по вызову. Когда открывается дверь, все ждут чего-то недоброго, — может, поведут на процедуры, а может, намнут бока санитары. Против двери — зарешеченное окно, в больших камерах по два. За ним видны высокий забор с сигнальной системой, вышки и автоматчики на них. Дважды в сутки люди из ВВ пересчитывают контингент.

Но вернемся к работе. Каждое утро мы всей камерой — 9-12 человек — драим полы и стены водой с хлоркой, выносим в коридор двухъярусные кровати и их протираем. Наконец «генералка» подходит к концу. Теперь ждем «оправку», ведь чистоту навели еще задолго до официальной побудки. У меня сразу после подъема портится настроение. За долгие годы я так и не смог привыкнуть к сверххранной побудке. Да и многие другие пассивно выражали свое недовольство режимом, бросая злые косые взгляды на мучителей-санитаров.

Подходит время идти в туалет на «оправку». В течение суток на решение этой естественной проблемы организма

отводится шесть посещений, в строго определенное время, строем. Психбольных с заболеваниями органов пищеварения, с урологическими нарушениями, конечно, такой режим не устраивает. Природе больного организма не навяжешь режим! Поэтому у кого иногда случался понос, «дудили» сокамерников. Другиеправляли малую нужду в полиэтиленовые пакеты и швыряли в окно «ментам» на голову, что иногда и происходило в натуре, поскольку маршрут наружного обхода людьми из ВВ пролегал как раз вдоль стен больницы.

На такой неприятный факт «менты» мгновенно реагировали следующим «ритуальным» действием. Они врывались наугад в любую палату (спецбольница — высокое здание старой постройки, несколько этажей, поди разберись, с какого этажа был выброшен «подарок») с матерным криком: «Это сделали вы,!!!». Затем начинали вместе с санитарами наводить «шмон» в «палате», предварительно выведя всех в коридор. Для «ментов» этот спектакль был спасением от безделья. Но у нас разного рода унизительные, почти ежедневные обыски вызывали тяжелые душевные потрясения и держали нас в постоянном напряжении. Ведь всегда кто-нибудь прятал какие-то немудреные, но дорогие ему вещи: зубную щетку (хотя запретов на них не было), импортное душистое мыло (на мыло запрета не было тоже), фотографии, письма, книги и т.д. Конечно, было там и курево. Но таких серьезных вещей, как спиртное, наркотики или хотя бы чай — не бывало никогда.

Умывались мы в закрытом санитарами туалете. Здесь стояла большая бочка, а над ней кран с надетым шлангом. Если кто хотел умываться, то, навьювшись над клозетом, лил на себя воду. При любой температуре в помещении горячей воды не было. Затем санитар отмыкал туалет и мы строем, в сопровождении других санитаров спешили в «палату». И так — «палата» за «палатой». Правда, к концу моего пребывания в Днепропетровске в туалете наконец появились умывальники. Что касается такой мелочи, как чистка зубов, то этот процесс возможен был только чисто теоретически. Щетки и принадлежности негде было сохранять. Больные пытались время от времени их держать под подушкой. Но во время обысков санитары все, как правило, «выметали». По моим наблюдениям, многим личная гигиена не была знакома вовсе. Они годами, обитая в камерах, не только не чистили зубы, но и не умывались и не мыли ноги.

Тему гигиены закончу описанием банного представления, которое санитары давали нам два раза в месяц. Собственно, для них это были дни сущего и притом легального развлечения. Когда очередную партию больных запускали в душевую, то как-то помыться могло не более четверти из всех присутствующих, а остальные едва успевали намочить тело водой. Душевые не были оборудованы необходимым количеством стояков, да и людей было набито как в бочке. Однако и самые ленивые, несмотря на тесноту, пытались как-то намочиться. Сухие ребра будут обязательно биты санитарами, — мол, не ценишь заботу родину о тебе. Ноте, какого сейчас льется вода, тоже пребывают в постоянном напряжении, потому как они находятся в эпицентре других событий: на них в любую секунду может хлынуть кипяток либо ледяная

вода. Все зависело от прихоти санитаров. Толком вымыться почти никому не удается, впрочем, как и расслабиться душой, как это было в бане на гражданке. Скорее, наоборот.

Наконец подходит время завтрака, когда мы строем по 3-4 камеры в смену (всего смен столько же: три-четыре) бежим в столовую. Больными часто поднимается вопрос: «Куда девается мясо?» Дело в том, что, бывая на прогулочном дворике, мы все через решетку видели такую картину: два раза в неделю, во вторник и пятницу, рефрижераторы регулярно привозят мясо. Потные грузчики — кухонные рабочие из больных — изрядно устают, пока носят туши мяса в пищеблок...

Вбегая в столовую, больные бросаются к столам и лавкам и начинают хватать миски с едой. Сразу возникают мелкие стычки за право выхватить ту миску, где на предвзятый взгляд больного больше пищи. И вот теперь, когда садимся за стол, мы твердо знаем, что ни у кого в миске не будет и ниточки мяса. Хотя, нет, почему же? Мясо иногда бывает — тухлая курятина (ух и воняет!). Но за нее дрались. Бывала и рыба с «душком» — и тоже в драку! Но то мясо, с рефрижераторов, иногда «всплывает». Санитары, свободные от смены, на кухне отваривают куски мяса и отваривают тех больных, у кого есть деньги, курево или какие-либо продукты. Хлеб ели черный, спецвыпечки — возьмешь в ладонь, сожмешь рукой — течет водица. Иногда давали серый хлеб. На первое вобед — капуста, отваренная в воде. На второе бывали каши. Например, такой диетический продукт, как овсянка, но сколько в ней было мусора! На третье положено было масло, — но мы его почти не видели, — а также компот из чернослива. Поскольку, в отличие от молока, которое было всего лишь подкрашенной белой водичкой, компот имел настоящий сладкий вкус, я, так и не привыкший есть ничего, кроме десерта, менял свою биомассу на сладкий напиток других едоков.

В столовой санитары более или менее поддерживали общий порядок. На моей памяти в соседнем отделении они забили до смерти психбольного за то, что он сел не на то место, которое ему было указано. Хотя, скажем, мелкие стычки у «амбразуры» (окна выдачи пойла) за добавку, конечно, за спиной санитаров, были довольно часто...

Макеевка



Днепропетровская спецпсихбольница.
Фотоархив К. Любарского



Валерия НОВОДВОРСКАЯ

По ту сторону отчаяния

Окончание. Начало см. в № 19-20.

... «НАШ ПОЕЗД ОТХОДИТ В ОСВЕНЦИМ»

В этапе до перманентной «газовой камеры» есть своя прелест — последняя, оставшаяся тебе до прибытия в пункт конечного назначения, где «времени больше не будет». Нормальный столыпинский вагон (70-я статья обеспечивает отдельное «купе» с голыми полками, без окна, но через решетчатую дверь видно окно в коридоре, и можно в последний раз посмотреть на реки, леса, поля, «вальных» людей). 70-я статья дает еще одну привилегию: лефортовский сухой павк — это не селедка, а огромный кусок холодного вареного мяса.

Политические «котирируются»: вор в законе, выяснив, за что я сижу, немедленно передал повагону приказ: не ругаться матом, не сквернословить, не ерничать, не отпускать скромные шутки, пока я не «сайду», иначе он потом будет «разбираться». Мелкие уголовники (бытовики) вели себя, как в Английском клубе, а вор рассказал, как он три года назад схватил 5 лет по политической статье (плюс 6 за грабеж). Взяли они сберкассу в провинции и приехали в Москву покутить.

После ресторана, сильно навеселе, стал наш вор кричать в троллейбусе: «Надо кидать коммунистов в Байкал!» Дали ему 15 суток за хулиганство. А когда срок кончился, у ворот его уже ждали... Привезли на Лубянку и спрашивают: «Ну почему в Байкал? Почему не в Волгу — она же ближе?» А он взахли и ответил: «А я слышал по радио, что Байкал — самое глубокое озеро в мире». Прибавили 70-ю.

Конвой очень учтив: не избивает, не насиливает, просто вежливо приглашает на чай в свое купе («у нас там постель, белье, удобно»). Может быть, они и не имели в виду ничего дурного (я же на Софи Лорен), а просто хотели поговорить о политике и дать мне хоть сутки поспать в человеческих условиях, но проверять было нес何处. Конвой, овчарки (я с тех пор их видеть не могу), решетки обнадеживали: в таких условиях больных никто не возит — автомобилей много, — государство не считает тебя больной, оно тебя просто карает. Просто такая пытка. Просто такая казнь.

Этап до Казани на скромном поезде длится сутки с небольшим, без остановок в этапных тюрьмах других городов. Идет июль. 17 мая мне исполнилось 20 лет. В одиночке Лефортовской тюрьмы. Вот когда поймешь «Штрафные батальоны» Высоцкого. Когда останутся одни сутки до конца. «Всего лишь час дают на артобстрел...» Но ни ордена, ни «квышки» не будет. Нет у Высоцкого такого варианта: комната 101. Я надеялась, что, когда меня будут выводить в туалет, я сумею открыть дверь в тамбур и выпрыгнуть на полном ходу. Или сразу попасть под колеса, или разбиться (если повезет).

Если не повезет, успеть добраться до реки и утопиться. Или броситься под машину. Бежать мне даже не приходило в голову. На этом диагнозе кончается жизнь — это было ясно. Выбраться из поезда — самое главное. А дальше успеешь умереть, пока не настигли. Но двери были заперты. Все предусматривалось. Надеяться было больше не на что. Поезд доехал до Казани...

... ОСТРОВ ДОКТОРА МОРО

У каждой СПБ — спецпсихбольницы или спецтюрьмы — была своя специализация. В Днепропетровске пытали нейролептиками (Леонида Плюща замучили до полусмерти; когда его выслали в Париж, то из самолета мученика вынесли на носилках; и французских коммунистов это проняло: «Юманите» напечатала заметочку, что даже с врагами социализма так жестоко обращаться нельзя!).

В СПБ под Калининградом, где был заключен Петр Григорьевич Григоренко, было то же самое. В Казани применяли и физические пытки, однако и нейролептиками не пренебрегали. Самый сносный вариант был в Ленинградской СПБ: и Буковский,

и Володя Борисов, и Виктор Файнберг вышли оттуда живыми и невредимыми; Витя даже сагитировал своего врача, женился на ней и увез во Францию.

С одной стороны, Казань — это здоровый тюремный элемент. Эта даже не зона. Это «крытка», последний градус наказания — тюрьма. Овчарки, заборы с колючкой, вышки, охрана. Бытовики-уголовники из хзобсплуки, они и тоже твое начальство. В «клапатах» кровати, но на окнах решетки, и эти «клапаты» заперты, а в дверях — глазок. Двери открываются на умывание, на оправку, для того чтобы раздать еду, перед работой и прогулкой. Работа несложная. 3-4 часа в день: переплетная мастерская, швейная, стегание одеял, шитье медицинских перчаток. Кормят тоже лучше, чем в тюрьме: утром дают кусок масла, два раза в неделю — немного творогу, к обеду в супе будет плавать маленький кусочек (граммов 30-40) очень жирной свинины. Все остальное, кроме сахара и утреннего серого хлеба, — насыщено. Есть и развлечения: три раза в месяц — кино (это, как в зоне). Фильмы, которые я смотрела там, потом вызывали неизменное чувство ужаса, даже если это были комедии. Просыпки можно получать любые, сидение — раз в два месяца на час присутствии охраны и медицинского персонала, через стол. При этом можно передать любые продукты в любом количестве. Для уголовников — рай, для политзаключенных — геена огненная.

Есть, кроме обычных тюремных стандартов, еще кое-что «какое». Военные медсестры. Военные врачи. Других нет. У них одна задача — заставить тебя полюбить Большого Брата. Есть «контингент» — патологические убийцы, маньяки. Обычные уголовники сюда не попадают, разве что «закосяют» со взяткой в придачу (СПБ вместо «вышки» — для убийцы просто находка). В моей камере сидели пятеро. Галя убила топором мужа, Вера отравила золовку, Оксана застрелила из ружья мужа и шестилетнего сына. Одна милая особа за стеной посадила в ванну двух своих маленьких детей и пустила ток... У меня еще отличная камера, а у Наташи Горбаневской соседка — 11 человек.

Верхний коридор — рабочий. Здесь членораздельно разговаривают, здесь тупые, примитивные люди, но эти звери все-таки ходят на двух ногах. Они, как в «Острове доктора Моро», чтут Закон и делают вид, что живут, как люди. А в нижнем коридоре в собственных нечистотах лежат изаживо разлагаются полуторы, утратившие человеческий облик, окончательно потерявшие рассудок. И ты знаешь, что за малейшую провинность ты попадешь к ним, туда. Одежда вполне тюремная, свое платье здесь отбирают. Унизительно ходить в каторжном халате, в тюремном платье, в уродливых башмаках. И здесь нет срока: три года, тридцать лет — это как захочется КГБ. Не сломав, не уничтожив личность, не выпустят.

Какие же политзаключенные сидят в СПБ? Приедет и сразу уедет Оля Иоффе, но ее успеют поистязать аминазином. Мы с ней не увидимся, разве что из-за забора — другое отделение. (Общая прогулка в общем дворе весной и летом длится 2-3 часа, но умалишенные гуляют тут же, и в бане с ними моешься.) Нина Ж. пробудет в Казани год. Она из Грузинского Хельсинского Союза, из Сухуми, хотя сама русская. У нее отняли семилетнего сына, оторвали и увели в спецприемник (потом его забрала сестра). Инквизиторам она говорит, что будет впредь думать только о сыне, и они ей верят, это правдоподобно.



Она филолог, русист. Преподавала в университете. Замкнута, осторожна (здесь нельзя верить никому), очень истощена. Она уже была в Казани в начале 50-х годов. Тогда здесь просто гуляли, не было никаких пыток, спасались от сталинских лагерей. Шурочка Лакшина со своим другом подожгли дымовые шашки на трибуне 7 ноября у себя в Сыктывкаре. Оба учились в Питере. Шашки погасили, акция протеста на этом кончилась, и началась расплата. По газете с номером квартиры и дома, в которую завернули шашки, их нашли. Мальчик попал в Ленинградскую СПБ и выжил, а Шурочку в Казани уничтожали инсулиновым шоком. Доведя до слабоумия, выпустили. Это случилось за полгода до меня. Инсулин ей назначил сам Лунц.

У Лизы Морохиной стаж борьбы был еще больше. Ее отец был расстрелян в 1937 году. Еще в 16 лет она подожгла сельсовет. Попала на три года в лагерь, окончила школу. Стала распространять антикоммунистические листовки. В Казани ее пытали электрошоком, снизили интеллект, лишили возможности учиться. Сохраняется душа, но гаснет ум. Это самое страшное. Ее продержали два года и выпустили. Родиной Лизы был тот же Сыктывкар.

Политзаки из провинции, неизвестные Западу и Москве, за которых некому было заступиться, подвергались самым страшным пыткам и были обречены на стирание личности. Сейчас, когда я пишу эти строки, в глухих углах страны в ПБ и СПБ досиживают свойдвадцатилетние сроки несчастные узники, давно сvedенные с ума, вроде Игоря Антилова. За одну забастовку или демонстрацию в Благовещенской СПБ сидели по 20 лет.

Здесь в Казани есть памятник произволу «застоя» и равнодушию перестройки — учительница Ольга Н. Она еще помнит кое-что из французского языка. Сидит она с 1962 года. У нее чистенькое платьице, но ее сослали в нижний страшный коридор. Она наполовину лишилась рассудка, поет длинные баллады о «палацах в белых халатах», всюду ищет агентов НКВД.

И сюда привезут маленькую худенькую Наталью Горбаковскую, которой Анна Ахматова оставила лиру. «Воробышек» — называли ее друзья. В ней 1 м 50 см, а килограммов и вовсе нет. Ей было 34 года, мне — 20 лет. Ее стихи казались мне гениальными (и сейчас кажутся). На воле остались двое ее детей, Осик (трудной) и Ясик (9 лет). Она тоже будет обещать впредь заботиться только о детях, но ей не поверят и начнут пытать галоперидолом. Наташа много рассказывала мне о диссидентах, и я сначала была в восторге, но потом услышала ее мнение о моих листовках: «Это глупость. Незачем обращаться к народу. Он не поймет, а власти рассвирепеют и начнут репрессии. Пострадают и все диссиденты». Становилось ясно, что товарищей по борьбе мне не найти и в среде Наташиних друзей.

Слава Богу, за Наташу было кому заступиться. Через 4 месяца ее увезли обратно в Москву: скандал по поводу ее участия был хороший, громкий, международный. Хотя бы одного поэта спасли, против всех российских обычав. Наташа вскоре уехала, но ее я не виню. Сидевший в СПБ неподсуден. После этого ужаса и позора человек не может оставаться в подвергнувшей его такому стране. Он имеет право уехать туда, где его хотя бы не будут считать сумасшедшими.

Были в Казани и чистенькие старушки-балтистки. Они проповедовали Слово Божье по деревням. В СПБ они сидели пожизненно, но не роптали.

Уж не знаю, о каком способе мгновенной смерти пишет Буковский, но я его не знала, и никто даже впоследствии мне не смог его назвать. Мне ни разу не посчастливилось найти на прогулке кусок стекла. Покончить с собой в Казани так же невозможно, как и в Лефортово. О свободе в Казани не мечтают: будущего нет. В него перестаешь верить через 3-4 месяца. Перестаешь даже надеяться и мечтать. Ничего нет и не будет, кроме этого острова, этой Преисподней. Как там у Булгакова? «И обвиснешь на цепях, и ноги логорушишь в костер... И так будет всегда... Слово «всегда» понимаешь ли?» Мечтаешь попасть в Лефортово хотя бы на месяц, вдруг КГБ понадобится опять тщетно задать какой-нибудь вопрос. Но это тоже несбыточно: я одиничка, группы нет, невменяемого даже гипотетически не могут привлечь как свидетеля. И зачем возить взад-вперед того, кто не дает никаких показаний?

Весь год, ложась спать, я мечтала об одном: чтобы утром не проснуться (инфаркт, инсульт, тромб). Человек, который после

этой вечерней молитвы целый год неизменно просыпался в казанской камере, не должен, не может дальше жить. Это нехорошо и для него, и для человечества.

Какими же средствами располагают современные о'брайены? Да теми же, что были у оруэлловского, плюс химические препараты, уничтожающие личность, чего, согласитесь, у О'Брайена не было. Итак, казанский арсенал «средств устрашения».

I. То, что было у О'Брайена (по нарастающей):

1. Избиение (уголовников охраны может забить сапогами до смерти, я такие случаи помню; политических — нет, их надо сломать, но представить живыми).

2. Привязывание жесткое (до онемения конечностей, до пролежней; в особенных случаях привязывают так, чтобы веревки впивались в тело до крови. В таком состоянии могут продержать неделю).

3. Сульфазин, или «серы» (везде был запрещен, кроме СССР). Однажды инъекция, или сразу две — в разные точки, или даже четыре (в руку, ногу и под лопатки). Дикая боль в течение 2-3 дней, рука или нога просто отнимаются, жар до 40, жажда (и еще могут воды не дать). Проводится как «лечебное» от алкоголизма или наркомании.

4. Бормашина. Привязывают к креслу и сверлят здоровый зуб, пока сверло не вонзается в челюсть. Потом зуб пломбируют, чтобы не оставалось следов. Любят удалять неубитый нерв. Все это делается профессиональным дентистом в зубоврачебном кабинете. «Санация полости рта». СПБ не имеют надзорной инстанции — жалобы не перешлют, а если переслать тайно — их все равно не примут ни в прокуратуре, ни в Верховном суде. Узник СПБ бесправен даже больше, чем зэк. С ним можно сделать все. Насколько мне удалось узнать, бормашина применяется редко и только в Казани (использовано лично).

5. Газообразный кислород под кожно. Вводят его толстой иглой под кожу ноги или под лопатку. Ощущение такое, как будто сдирают кожу (газ отделяет ее от мышечной ткани). Возникает огромная опухоль, боль ослабевает в течение 2-3 дней. Потом опухоль рассасывается, и начинают сызнова. Применяют как лечение от «депрессии». Сейчас применяется к наркоманам как средство устрашения (чтобы боялись попасть в клинику). Вводят кислород 2-3 минуты. Больше не выдерживают обе стороны (палачи глохнут от криков, жертва падает в обморок). Политзаключенным вводят кислород по 10-15 минут. (Использовано лично, 10 сеансов.)

II. То, чего у О'Брайена не было:

1. Аминазин (очень болезненные инъекции, при этом вызывают цирроз печени, непреодолимое желание заснуть — а спать не дают, — и губят память вплоть до амнезии).

2. Галопериод (аналоги трифтазин и стелазин, но они слабее). Создают дикое внутреннее напряжение, вызывают депрессию (черное излучение у Стругацких), человек не может заснуть, но постоянно хочет спать, не может ни сидеть, ни лежать, ни ходить, ни писать (судороги рук изменяют почерк до неузнаваемости, не дают вывести букву), ни читать, ни думать. Неделя ударных доз — и нейролептический шок. Несколько месяцев — и потеря рассудка гарантирована.

3. Инсулиновый шок с потерей сознания (уничтожает целевые участки мозга, снижает интеллект, память тоже пропадает).

4. Электрошок. Убивает сразу двух зайцев: во-первых, это пытка током, а во-вторых, разрушается неправимо мозг.

Одного пребывания в этих стенах — без книг, без научных занятий (библиотеки фактически нет), без нормальных собеседников (политические сидят в разных камерах) — хватило бы на скорую потерю рассудка. Я провела там год, и была уже на пределе: еще бы полгода — и все. Могу только позавидовать стойкости Владимира Гершуни, который в два приема провел в таких застенках по 3-5 лет. Мои запасы прочности хватило бы на лагерь. Но на это я не была рассчитана (в этом как раз эффективность комнаты 101). Я знаю, что многие переносили это легче, но ведь комната 101 каждому подбирают индивидуально. Боюсь, что меня подвела здесь гордня згиста-интеллигента (разум превыше всего! Моя личность не может быть принесена в жертву). Готовность к смерти и повышенная адаптация к любой физической боли не сочетались у меня с готовностью к отказу от разума при жизни.

Тем более, знакомство с Наташей Горбаневской показало, что диссиденты считают не обязательным сопротивление в таких условиях. Здешние отречения нельзя использовать для газет и ТВ: сумасшествие не дает должного назидания; чего стоит рассказ о сумасшедшем? Потом, в 1978 году, я убедилась, что попытка держаться достойно в психиатрических застенках рассматривается диссидентами (да и инквизиторами тоже) как величайшая глупость чуть ли не на уровне инкриминируемого заболевания.

Я не пытаюсь оправдаться. В свете моих личных вкусов и убеждений оправданий отречению нет — даже в СПБ. Со второй попытки, уже зная, что меня ждет, я смогу взять эту высоту. Но в 20 лет я сбила планку. Интересно, что казанские врачи не требовали даже признания болезни. Они вели беседы, как в институте марксизма-ленинизма, требуя от патентованного умалишенного признания ошибочности его теоретических взглядов, как на партийных чистках 20-х годов (разоружиться перед партией). Однако раскрыть обман в моем случае не представлялось затруднительным, да я и не очень старалась, даже хуже Галилея, в силу юношеского легкомыслия. Одни наши беседы с Ниной Ж. и Наташой Горбаневской на прогулках чего стоили! А письма домой?

А моя манера с утра до вечера заниматься по навезенным книгам и учебникам французским (там я его доучила), латынью, греческим (научилась неплохо переводить), лингвистикой, английским; переводить Камю, Овидия и читать Томаса Манна! Получала я полтаблетки галоперидола на ночь, да еще с большим количеством корректора. Может быть, я понравилась врачам? Ведь они же, эти же нелюди, стерли в порошок и Лизу, и Шуру, хотя те тоже заверяли их в своем «исправлении». Может быть, КГБ желал сохранить на будущее антисоветчика с организаторской жилкой и стремлением свергать строй — для оправдания существования V отдела? Может быть, казанских провинциальных инквизиторов впечатляли мои богатые московские передачи (рябчиков не было, но ананасы попадались, торты, икра, шоколадные наборы) и импозантные родители (сравнительно с другими визитерами)? Может быть, сыграли роль московские гостицы, мясо, масло, щедро ими привозимые (этого в Казани в начале 70-х уже не было)?

Не могли же они меня просто пожалеть... Других же (кроме Натальи Горбаневской — отчасти) не жалели... Но самой криминальной была моя манера делить роскошные передачи и посыпки на всех политических заключенных отделения. Там это совсем не было принято, Нина Ж. даже вначале отказывалась брать. Я вносила в Казань этику политических! Все остальное вранье летело к чертам. В рассказы после этого поверить было невозможно. А дальше начинается крупное взвешение. Были применены не химические, а физические пытки. Это просто милость судьбы: два сеанса с бормашиной и десять сеансов с кислородом под кожу.

Не знаю почему, но у меня сложилось впечатление, что пытки без нейролептиков в Казани — это блат. Здесь легко отбиться: надо уметь молча терять сознание, желательно с улыбкой (конечно, с бормашиной это не проходит, здесь улыбка не получается — с открытым-тортом! Но можно хотя бы не кричать и не стонать, а кислород улыбаться не мешает). Такое поведение ошеломляет, и на тебя рано или поздно махнут рукой. Я даже думаю, что поседела я в 20 лет не из-за этого, а из-за отречения и обстановки.

Делается все это без ненависти к объекту воздействия: просто нудная, советская работа. Отпуская вентиль на баллоне с кислородом, обсуждают вопрос о том, кому дадут следующее звание и прибавку к жалованью и за что, где достать карпов и т.д.

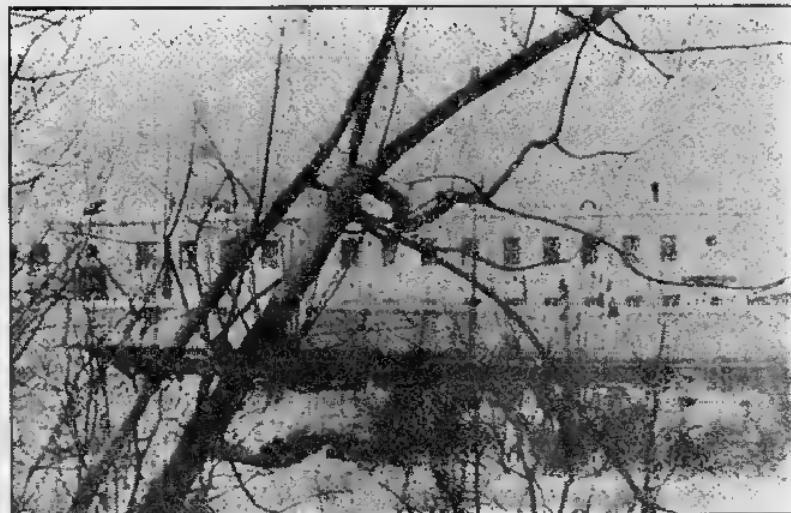
Непосредственные исполнители — рядовые палачи — не любят криков и проклятий, это осложняет работу и не дает обсуждать свои дела. Поэтому ко мне они питали самые теплые чувства. К тому же простых людей ученость интригует. Даже главврач-полковник любил поговорить

со мной о Таците и Гиппократе. Я в рубашке родилась: передачи делить я продолжала, а пытки они прекратили. Видимо, сработал советский стереотип: для статистики применено достаточно, а там чего надрываться-то? Пусть у ГБ голова болит. Без совка в «Совке» совсем можно было бы пропасть.

Из передач доставалось мне совсем немного, казанскую еду я не употребляла. Скоро я вообще уже не могла есть: не осталось желудочного сока. Дикие приступы боли отбивали охоту что-то пробовать. Моим куратором тоже было ясно, что конец не за горами. Может быть, при международной огласке (Юлий Ким, много сделавший для моего спасения Владимир Буковский), при том, что французы — преподаватели ИНЯЗа подняли шум там у себя, при передачах по «Свободе» каждую неделю моя смерть в казанских стенах в 21 год не была рентабельной? Диссиденты, безусловно, меня спасли, хотя я и не принадлежала к их корпорации. Может быть, они и не могли спасать всех, всеми Запад не интересовался? Даже наверное так. Мои нестандартные листовки (это не был типичный уровень постижения ситуации 60-х годов) попали в первые «Хроники текущих событий». Та же Наташа Горбаневская их и делала. Мою фотографию я потом нашла в диссидентской квартире Иры Каплун за стеклом книжного шкафа... Диссиденты были единственными людьми, кто с 1959 до 1986 года что-то делал для страны. Мало что хорошего вышло? Это не их вина, а страны. У меня вышло не больше...

Комиссия, приезжающая в СПБ два раза в год, для политических не имеет значения. Без санкции КГБ не «выписывают». Но если и выписывают, то радости, как говорится, мало. Освобождение здесь ни при чем. Снимается принудительное лечение (судом) в СПБ, меняется на такое же в ПБ по месту жительства (для московских диссидентов — на Столбовой). Тем же этапом, под тем же конваем везут в тюрьму по месту жительства, а там — в ПБ, где могут продержать до полугода (что и проделали с Олей Иоффе, да еще и продолжали пытать). Потом, опять-таки с санкции КГБ, суд снимает принудительное лечение. То, что от вас осталось, может идти домой. Местные живодеры подчас более свирепы, чем лощеные палачи из СПБ; у последних, как правило, выше уровень развития, они и помиловать могут. На мою комиссию приехал лично Лунц — посмотреть на результаты. Я была похожа на тень из Аида, ходила уже с трудом. Впечатляли и полуседые волосы (в 21 год).

Поэтому Лунц довольно скоро отпустил меня с миром, задав только два вопроса: «Изменились ли ваши убеждения?» и «Изменились ли они сами по себе или в результате печения?» Ненавидя себя и понимая, что простить себе это я не смогу никогда, я ответила на первый вопрос «да» и на второй — «в результате



Казанская спецпсихбольница.
Фотоархив К. Любарского

лечения». Умиротворенный Лунц благожелательно сказал: «Вы должны из всего случившегося сделать для себя выводы», — сообщая тем самым решение комиссии и разоблачая всю эту мурку с шизофренией: какие выводы может сделать для себя псих? Он же за себя не отвечает!

Я глубоко убеждена, что из СПБ своего противника нельзя выпускать живым: он делается вервольфом, и его никакая пуля, кроме серебряной, не возьмет. Он обречен на мщение обществу, и он не успокоится, пока не разрушит то государство, которое пропустило его через эту мясорубку. Я не хотела жить. Я не хотела свободы. Как бороться, имея в перспективе Казань? Как не бороться, зная, что ЭТО существует? Я не мечтала даже дойти до реки и утопиться: смерть не смыла бы мой позор, поражение не стало бы победой. Я должна была сразиться с ними на их поле — и их же оружием. Я должна была выиграть именно в этой игре. Но пока я просто умирала, и физически, и морально. Решения суда обычно ждут 2-3 месяца. Потом ждут этап. Из этапа запомнился жуткий холод. В Бутырской тюрьме я пробыла одну ночь и оказалась в санаторном отделении привилегированной Соловьевской больницы. Здесь моя мать, не последний человек в медицинском мире, могла мне помочь. Столбовая меня миновала. Вывез советский блат. Видимо, КГБ предпочитал, чтобы я умерла дома, а Столбовая была верная смерть в моем состоянии. Поэтому московским психиатрам, не участвовавшим в психиатрическом терроре, предложили меня спасать, как им вздумается. Мне еще раз повезло. Те, кому не повезло, уже ничего не скажут и не напишут. Если бы я прошла полный, полнометражный конвейер карательной медицины, меня бы не было. Я бы не сохранила рассудок. Соловьевские врачи все понимали. Они делали вид, что не знают о том, что меня поместили к ним суд, дабы санаторные пациенты ни о чем не догадались. Лечить они пытались мое физическое состояние и даже предложили инсулин в терапевтических дозах. Со мной, конечно, случилась истерика. Послушав про инсулиновый шок и другие прелести СПБ, они уже не предлагали ничего. Был один бесконтактный профессор, который все стремился показывать меня студентам, но здесь я уже могла огрызаться и доказывать, что здорова как стеклышко. Соловьевские врачи пытались даже снять диагноз, но это зависело от КГБ, и никакие академики здесь помочь не могли.

Человек, прошедший через СПБ и ПБ, никогда не будет прежним. Он не сможет создать семью, иметь детей. Он никогда не будет посещать даже обычные ПБ, носить туда гостины и входить в комиссии, курирующие соблюдение прав человека в этих «благородных» заведениях: душевнобольные навсегда останутся для него орудием пыток, и он не сможет увидеть в них страдающих людей. Он до конца своих дней будет бледнеть, видя машину с красным крестом, и не будет сближаться с психиатрами. Он никогда не обратится к невропатологу и не примет даже таблетку снотворного. Он не сможет смотреть фильмы типа «Френсис» или «Полета над гнездом кукушки». То, что с ним сделали, непоправимо. Он или возненавидит людей, или не сможет никогда причинять им зло — даже последним подонкам. (Слава Богу, со мной произошло именно последнее. Отсюда, наверное, пункт о всеобщей амнистии в программе ДС.) И держать его будут на коротком поводке. Есть такая штука — психоневрологический диспансер. Политический после СПБ обязан посещать его каждый месяц. Возьмется за прежнее — без суда и следствия попадет в ПБ (достаточно одного звонка из КГБ), а там и в СПБ. «Тот, кто нарушит Закон, возвращается в Дом Страдания». Все по Узлус.

Я не ходила в диспансер. Доктор Житловская все поняла и автоматически записывала, годы подряд, меня не видя, в журнал про мое «хорошее состояние», обманывая свое начальство и КГБ. Если 50 процентов психиатров участвовали в пытках, то 50 процентов сочувствующих спасали от 50 процентов первых и ГБ. Без них ни один диссидент, брошенный в комнату 101, не выжил бы. В Империи зла тихой сапой саботировало и подрывало устои Добра. Система не работала безупречно, винтики иногда отказывались выполнять команды даже в карательных структурах. России не дано было стать тысячелетним рейхом, в действительности она слишком противоречива и слишком сложна для идеальной деспотии. Эмоции, первый порыв (самый благородный), милосердие и самоедство, проявляющиеся в перманентном дис-

сидентстве, опрокинут в очередной раз все планы национал-патриотов, все чаяния государственников. Третий Рим интересен тем, что постоянно разрушает сам себя силой рефлексии, без всяких варваров. Но вернемся к моим останкам.

Оказавшись дома, я должна была умереть: пища не усваивалась совершенно, не было желудочной флоры. Но достали югославские ферменты, и я выжила. Еще раз повезло..

... «ВОТ ЧЕТВЕРТЬ БЫЮТ ЧАСЫ ОПЯТЬ...»

На нашу беду, в это же примерно время (1986 год — прим. ред.) в Москве были ком-то распространены еще какие-то листовки (дело N190). Мы к ним не имели никакого отношения, но после их обнаружения все потенциальные «листовочники» столицы были взяты «на карандаш», то есть на постоянное телефонное и наружное наблюдение. С телефонным им, положим, утруждать себя не пришлось: мой телефон и так прослушивался непосредственно на Лубянке, а не на АТС, причем круглосуточно. Насчет квартиры не скажу, но на всякий случай все писалось на бумажках. У меня — но не у Игоря Царькова. По своей беспечности он всеми моими ЦУ пренебреж. Этим он подписывал себе приговор, и не только себе. Видя такую «неряшливую» работу, лолагалось выводить из дела. Если бы я могла предположить, что машинка не спрятана вовремя, что она поехала к Косте в последний вечер и осталась там (по правилам за 20-30 дней до акции все чистится, убирается подальше и прекращаются все опасные для кого бы то ни было контакты), я бы отменила акцию и потом через две недели сделала бы все сама, без Игоря Царькова. Но по всем накладкам и проколам, про то, что в Москве есть еще нераскрытое «листовочники», я узнала там, где узнают про такие вещи «сэ-пожники» Сопротивления, его двоечники: на Лубянке. Наша акция была образцово-показательной на предмет «Как не надо распространять листовки». Впрочем, теперь я понимаю, что мой богатый опыт и знание всех тонкостей мне все равно бы не помогли. Не было ничего тайного (при моем-то досье), что тут же не стало бы явным. Подпольная работа для диссidenta была исключена. Он был известен КГБ, отслежен и, следовательно, полностью профнепригоден. А Игорь Царьков и опыта не имел, и советами пренебрегал. Итак, в 12 часов ночи я вышла от одного студента из сети, который жил с семьей в районе Пресни. Его квартира была почтена на славу, и он ничем не рисковал даже при обыске, а за знакомство со мной в 1986 году уже не могли посадить. Я села в трамвай, не замечая никакой слежки (когда КГБ хочет следить, а не впечатлять, он на ноги не наступает, а делает все дистанционно). Народ накануне выходного 7 октября празднично спал. Проехав 3-4 остановки, я вышла и, как тать в ночи, почти ничего не видя (-12 зрения, особенно ночью, — это почти слепота), стала искать домик побольше с почтовыми ящиками внизу и чтобы в них была широкая щель. Облюбовав себе восьмистяжный дом с наружными лифтами, я аккуратно засыпала листовки в ячейки на первом этаже первого подъезда и пошла опылять второй.

Больше всего я боялась, что загулявшие жильцы неожиданно войдут в подъезд и придется с ними объясняться. Про КГБ я как-то забыла, зато он обо мне не забыл. Едва я успела опылить второй подъезд, как дверь с шумом распахнулась, ворвались семь или восемь человек очень специфического вида (это была так называемая «группа захватат»), прижали меня к стене, схватили (но не грубо, а бережно, как рыболов хватает снятую с крючка драгоценную форель) и с торжеством заявили: «Добрый вечер». И тут же каким-то специальным аппаратом стали освещать почтовые ячейки. «Да, все они тут. Лежат. Надо забрать и из соседнего подъезда», — с глубоким удовлетворением констатировал самый противный на вид «захватчик». Гэбисты пошли звонить в квартиры, чьи номера были написаны на ячейках. Когда смертально испуганные жильцы в халатиках и пижамах спускались вниз, их заставляли открывать ящики своим ключом; потом им издалека показывали листовку и просили запомнить, что ее достали из ящика при них, а также записывали паспортные данные: имена, фамилии, адреса. Это означало полномасштабный арест, КГБ, Лефортово, суд. Волнение совершенно прошло. Мною овладело какое-то ледяное спокойствие. Бояться было больше нечего, на этом подъезде для меня кончались все земные проблемы. Оставалось достойно встретить конец. После

Казани и пыток сюрпризов у них для меня не оставалось (по крайней мере, я так считала). Испуганным жильцам я еще пыталась что-то объяснить, ведь это была моя последняя возможность говорить с людьми. Поэтому меня быстро увезли, посадили в машину и отвезли в ближайшее отделение милиции. Там мои рыболовы отобрали у меня сумку с листовками (добровольно я не отдавала) и стали звонить на Лубянку. В их тоне звучал нескрываемый восторг рыбаков, делящихся впечатлениями с истинными знатоками подледного лова: «Вот такая щука... Пять кило! И просто на блесну!» Мы ждали часа два-три. Ведь взяли меня оперативники, гэбистская черная кость. Когда мне понадобилось пройти в «дамскую комнату», меня не отпустили одни, а снабдили женщиной-дежурной (откуда-то выкопали). Это тоже означало арест. У меня отлегло от сердца. Я обрадовалась! Значит, они первигрывают пластинку, значит, не принудительная госпитализация, а срок, то есть смерть (я давно решила, что в неволе жить не буду, на катогру добровольно не пойду, а объявлю смертельную голодовку). Даже в случае искусственного кормления она кончится медленной мучительной смертью от механических травм). И вот приехали «спивки» гэбистского общества, офицеры следственного отдела и импозантный седовласый джентльмен, который представился мне как «Петр Александрович» и к которому все обращались как к старшему. Он был очень похож на Великого Инквизитора из «Жаворонка» Ануя. Он смотрел на меня ласково и сочувственно, мудро улыбался, горестно качал головой и поведал мне следующее: «Я, Валерия Ильинична, ваш куратор. Мне поручили вас еще с того первого вашего глупого поступка в 1969 году. Я всегда вас защищал. Мы вас щадили при всех обстоятельствах, надеялись, что вас можно будет сохранить для общества. Но вы упорствуете. Вас нельзя оставлять в живых. Поэтому это наша первая и последняя встреча». Что можно было ответить на столь прямые и откровенные комплименты? Только то, что я благодарна ему за слишком позднее, но все же состоявшееся признание моей неисправимости, хотя я и прежде не давала повода для подобных надежд на мое примирение с советской действительностью.

Петр Александрович полистал мои листовки, одобрительно хмыкнув, и заявил, что по тексту они тянут не на статью 70, а на 1901, но если я договорюсь со своим следователем о статье 70, то поеду в лагерь к своим, а он возражать не будет.

Я была на верху блаженства. Я знала, что в лагере не выживу, но это была возможность умереть достойно и пристойно, да еще среди товарищей. Это работать с диссидентами мне было трудно: сидеть с ними было одно удовольствие, потому что кодекс тюремной этики, этики политзаключенного, они соблюдали до тонкости, то есть «сидели красиво». В красивом же красном автомобиле мы приехали на Малую Лубянку, в следственный отдел Московского управления ГБ. Я там уже была в 1969 году. Первый допрос длился 15 часов.

Потом Лариса Богораз очень пеняла мне на то, что я не прервала этот «конвейер», который занял всю ночь и часть дня: это было нарушение советского законодательства и международных конвенций. Но я никогда бы не согласилась высказать завуалированную мольбу о пощаде («Прекратите допрос, я больше не могу, у меня нет сил»). К тому же гэбисты с 40-х и 50-х годов порядком дисквалифицировались и забыли, что надо менять следователей.

Так что утром мы с моим следователем Сергеем Сергеевичем Юрьевым заснули каждый в своем кресле по обе стороны его письменного стола. Не успели мы хорошошенько рассмотреть первый сон, как явился подполковник Валерий Мелехин и добродушно, но с укором нам сказал: «Вы что это, ребята, разлеглись? У вас еще в смысле работы и коня не валялся. Вот допишите протокол, тогда и поспите». Во время допроса я главным образом ругала всячески советскую власть и наводила в деле тень на плетень. Обычно я так все запутываю, беря на себя ответственность не только за свои, но и за чужие действия, что потом даже Малюта Скuratov не разберется, и новых обвиняе-

мых впутывать в мое вранье чрезвычайно сложно, потому что на них просто не остается криминала. Вот и сейчас я зафиксировала в протоколе, что все листовки я лично сама и напечатала (а я и печатать-то не умею, но это надо доказать!). Второй обыску меня дома дали такие же скудные результаты, как и первый, в 1969 году. Все ценные книги и бумаги были заблаговременно убраны. Сергей Сергеевич был сама любезность. Допрос можно было бы назвать журфиксом. Даже статью предложил выбрать себе по собственному желанию. «Я пишу: статья 70-я, — заметил он. — Ведь вы не возражаете? Ведь у вас же был умысел подрыва строя?» Что я могла возразить? Я сказала, что я «заяз», что семидесятка — вообще моя любимая статья в УК. А в это время происходило следующее. Игорь быстренько рассказал свои листовки. За ним шли два агента, он заметил их, но решил обмануть. Они слышали характерный стук листовок о дно ящиков. Когда они поднялись на четвертый этаж, Игорь сложил губки бантиком и сделал вид, что он ни при чем, в весьма своеобразной форме. Представляете себе человека, который в холодную осеннюю погоду в час ночи стоит на лестнице у почтовых ящиков и читает «Иностранные литературу»? Они хотели его взять, но их было мало, и Игорь «сделал ноги» и ушел. Мы договаривались, что, если я не позвоню до четырех часов ночи, это означает, что я арестована. Я не позвонила. Игорь спокойно лег спать, не попытавшись хоть как-то о себе позаботиться. О себе и о Косте! После обыска (ко мне домой пришли в три часа ночи) мама опять ему позвонила. Игорь поблагодарил и заснул. Разбудили его утром гэбисты. Они ухитрились найти завалившиеся за шкаф мои памфлеты, в том числе и программу Сопротивления. А мы-то их искали! Если вы что-нибудь потеряете, не делайте генеральную уборку, а вызывайте ГБ. Они сразу найдут! Потом гэбисты, забрав на Лубянку Игоря, отправились к Косте и Артему, у которого я коротала вечер на Пресне. Артем был предупрежден и не боялся. Из квартиры давно убрали все. Гэбисты сделали его ребенку «козу», обшарили напрасно шкафы и удалились. Добыча у Кости была гораздо богаче, ведь он из-за Игоря ничего убрать не успел: машинка, рукописи, журнал, который мы издавали (впрочем, безобидный), кое-какие книги, фотообъективы для копирования. Если бы гэбисты не нашли ничего, они бы Костю не забрали с собой, даже зная о нем все. Отсутствие улик и твердое поведение (не признаваться хотя бы!) обеспечивали безнаказанность, по крайней мере, для новичков.

Против Игоря улики не хватало тоже. Взяли с поличным только меня. Костя держался стоически (какой-то апофеоз порядочности) и даже спросил, не надо ли ему взять с собой зубную щетку. Гэбульники посоветовали взять с собой десятку (Костя думал, на тюремный ларек, а оказалось, на обратное такси).

Дальше вся компания стала демонстрировать массовый героизм. Когда мне только заикнулись в форме вопроса, не распространял ли Игорь Царьков листовки на Калужской, я немедленно заявила, что сделала это лично, до Пресни. Игорь Царьков, в свою очередь (а ему велели дома одеться потеплее, потому что решили заранее брать), взял на себя мои листовки на Пресне. Костя Пантуев писал в протоколе, что листовки печатали лично он (когда ему объяснили, что установлено, что они были напечатаны на его машинке). Ведь он не хотел говорить, кому дал машинку. Я утверждала (когда мне показали машинку), что печатала я и брала ее сама, лично

но, а у кого — не скажу. Игорь Царьков признавался в том, что печатал и распространял все листовки. Гэбисты ошалели. Три Дон Кихота сразу для одного дела — это было многовато. Особенно интересно допрашивали Костю. Они никак не могли понять, к какой категории он относится.

«Вы хотите сесть в тюрьму?» — вопрошал гэбист. «Нет», — честно ответствовал Костя. «Так чего же вам нужно?!» — кипялся следователь. Костя добросовестно пытался объяснить: «Видите ли, я хочу знать, что есть истина. Я ее ищу». «Вот-вот,



— радовался гэбист, — мы тоже ищем истину. Поищем вместе. Итак, кому вы дали машинку?»

За весь этот массовый героизм меня мало было убить. За любые срывы отвечает всегда организатор, даже если он лично сделал все правильно. Организатор отвечает и за других, и их ошибки — его ошибки. Мой Сергей Сергеевич очень огорчался. «Ну, если вы настаиваете, допамывайте свою жизнь, а я умываю руки», — сказал он. Это было прощание. Как говорится, до скорого в Лефортове. Валерий Мелехин тоже напутствовал меня: «Ну, Валерия Ильинична, вы сделали все по вере своей и теперь с сознанием выполненного долга можете ехать в тюрьму. Впрочем, вы там уже были». Я, конечно, сохранила о Лефортове самые теплые воспоминания. Но если в 1969–1970 годах стель «Лефортово» был с двумя звездочками, теперь он получил еще одну. Душ устраивали и белье меняли теперь каждую неделю. Душ выложили розовым, белым и голубым кафелем, даже кабинки-камеры для переодевания были все сплошь в кафеле. Получилось лучше, чем в Сандунах. Прогулочные дворики сделали на крыше (перенесли снизу). В камеры выдали красные пластмассовые тазики для стирки. Следователи стали вежливыми и воспитанными до тошноты. Они теперь напоминали мсье Пьера из «Приглашения на казнь» Набокова. Извинялись, что задают вопросы на допросе! Сами записывали нужный ответ: «Отказываюсь отвечать по морально-этическим соображениям». Вопросы звучали так: «Я понимаю, что вы на этот вопрос не ответите. Но я обязан его задать. Я записываю, что вы отказываетесь отвечать по морально-этическим соображениям?» Среди этих Джонни Джентльменов хорошо было быставить пьесы из театра абсурда. Мои воспитательные акции возымели действие и спасли грешную душу следователя Юрьева. Он в конце концов сказал, что ему стыдно вести это дело. Зато полковник Мелехин был непрабиваем. Он мне заявил, что слово — тоже оружие, поэтому отвечать на Слово Делом (арестом) совсем не подло (в чём укоряли его я). И в самом деле, для не владеющих Словом какое остается оружие, кроме автомата и дубинки? Вам это скажет первый встречный питекантроп, разделяющий с КГБ его нравственные принципы. А вообще-то спорить с ГБ неинтересно: в конце концов попадаешь на вечный гранит несходства моральных установок. Это все равно что спорить с марсианами Уэллса о недопустимости их способа питания. Кое-что было прежним. В частности, желание прибавить мне статью 72 (антисоветская организация) на основании памфлета «Возможная программа возможного движения Сопротивления». Я не возражала против статьи (кашу маслом не испортишь), но спросила, не считает ли он (следователь), что слово «возможная» делает версию об организации неубедительной. Ответ меня потряс:

— Ну и что? Главное, что есть программа, а есть организация или нет — это дело десятое.

Здесь у меня возникли подозрения, что за организованных антисоветчиков платят вдвое больше, чем за неорганизованных. А вообще-то мое поведение на следствии сильно раздражает. Его модель — это поведение разбойника (видимо, архангельского партизана) из народной баллады «Не шуми, мати зеленая дубравушка». То есть сначала ты нагло заявляешь, что воровал (бунтовал) и не каешься, а потом на конкретные вопросы о соучастниках несешь полную чепуху: первый товарищ — острый нож, второй — борзый конь и т.д. Кого брать под стражу? Темную ночь, что ли? Здесь и Иван Васильевич, и гэбисты лезут на стенку, особенно последние, потому что первый располагал застенком и Малютой. Желая меня убедить в том, что не я распространяла листовки на Калужской, следователи даже показали мне протокол допроса Игоря Царькова. Он производил сильное впечатление. «Я понимаю, что мой поступок был бесмыслен, но не жалею о нем. Я не мог этого не сделать...» Полк спецвойск КГБ, поднятый по тревоге, обошел весь район Калужской заставы и, запутывая жителей, выловил все листовки. Плюс к этому еще пожелание ветеранов войны в смысле расстрела авторов.

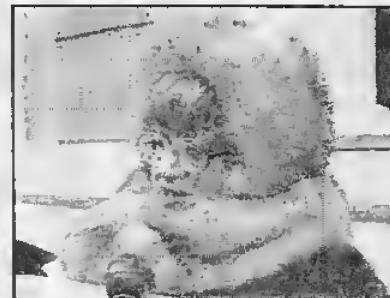
Костя Пантуев успел съездить к Ларисе Богораз и написать отказ от дачи показаний в знак протеста против политического процесса.

Комитет в это время начал уже халтурить. Они спокойно записали, что экспертиза установила, что все листовки были

напечатаны на одной машинке, а они были напечатаны на двух! А Игорь Царьков на очной ставке попросил оставить ему его долю листовок на Калужской. После чего наши показания надо было склеивать: каждый говорил только о своих листовках, полностью игнорируя вопрос о второй половине акции, и получалось, что мы действовали независимо друг от друга. Впрочем, меня очень мало заботило, как гэбисты сведут концы с концами. Это были их трудности.

Допрос утром 10 октябряшел вполне традиционно. До часа дня. Потом гэбисты как-то странно забегали, словно петухи с отрубленной головой. Они задавали вопросы и забывали слушать ответы, противоречили собственным версиям — словом, впали в помешательство на наших глазах. И все время прислушивались, словно ждали марсианского десанта. То хамили, то заискивали. Я заикнулась про книги для научных занятий (из дома), а мне заметили со злобой, что не за что, я же им навстречу не иду. А потом возник монолог на тему: «Мы честные люди, мы защищаем страну. Нас оклеветали, никто нас не любит...» и т.д. И вдруг явился начальник следственного отдела полковник Яковлев и предложил мне свободу! В обмен на отказ от антигосударственной деятельности! Я расхохоталась, как гиена. Он сказал, что не ждал от меня другого ответа, но что есть решение сверху, которого они не понимают. Если бы их воля была, они никогда бы меня не освободили.

Но надо сесть и написать, как я к этому отношусь. Я поняла, что должна написать такое, что исключит саму возможность моей компрометации этим освобождением. Это было хуже Казани. Из-под следствия освобождали только смертельно больных, и то не всегда. Из Лефортова выходили не в лагерь или СПБ только предатели. У меня волосы дыбом встали от ужаса. Я написала, что являюсь убежденным врагом власти и строя, что буду продолжать антигосударственную деятельность, что считаю оправданными теракты против лидеров КПСС и руководства ГБ, что считаю полезной деятельность ЦРУ, что не нуждаюсь в помиловании и сочту его за оскорбление. Словом, я топила себя как могла. Гэбисты сказали, что меня освободят только через их трупы. Их положение было понятно: они проглотили мясо и его вытаскивали обратно заверевочку. Но Яковлев пришел и сказал, что принято безумное решение меня освободить и при таком документе. Это был кошмар. Я сказала, что распространю новые листовки, но бедняги не имели права меня оставить у себя. Они пытались меня успокоить тем, что при таком заявлении в моей к ним вражде никто не усомнится, и просили пожалеть Игоря Царькова, потому что, если я еще что-нибудь устрою, пострадает и он, ведь у нас одно дело. На прощание Яковлев мне сказал: «Валерия Ильинична, не ломитесь вы так к нам. Если будете так стучать, то достучитесь рано или поздно». Он был пророком в нашем отечестве. В конце концов я достучалась, и даже дважды. Но сейчас меня выставляли за ворота. Я серьезно обдумывала, не надо ли мне покончить с собой, чтобы восстановить свою честь. Нельзя выходить из Лефортова. К сожалению, Игорь Царьков не выдержал перегрузок и, как многие диссиденты, написал «ломиловку» с отказом от антигосударственной деятельности. Когда человеку вдруг предлагают свободу, он часто не выдерживает и помается. Ведь Лефортов или лагерь — это могила. А здесь вдруг дается задешево воскресение, и нужно очень много стойкости, чтобы оставаться лежать в могиле. Были даже постыдные случаи, когда одни диссиденты (уже вышедшие) угревали другим, в зоне или в тюрьме, такую помиловку написать. Власть протягивала палец, а бедные загнанные интеллигенты бросались лобызать всю руку. Начиналось мерзкое время великого перестроичного перемирия между палачами и жертвами. Мы вдруг оказались в царствии небесном, где мать прощает убийце сына. Это царствие небесное — удел нищих





духом. Евгения Гинзбург радовалась освобождению, в 70-е годы выходили без радости, но спокойно. Для меня же это была страшная беда. Уже вечером мы узнали от Ларисы Богораз, что распутнякоженская политзаключенная в Мордовии, что Горбачев в

Рейкьявике, что это не наша вина. Игорь Царьков пил холодное пиво, а я понимала, что начинается что-то страшное, и рыдала, глядя на Горбачёва в телевизионном оформлении. Я понимала, что они придумали какую-то новую пакость. Я настаивала на немедленном выпуске листовок более жесткого характера. Но Игорь на это уже не пошел, а я не могла их изготовить одна. Никогда еще ни один путник так не стремился к отчиму дому, как я стремилась обратно в Лефортово. Другие политзаключенные, большинство, продолжали сидеть. А нас выпустили. Значит, мы предали их, значит, мы изменили. Это была западня. Никто из друзей меня не понимал, но я знала, что если что-то «у них» похоже на Добро, то это будет такое Зло, что «царь Иван Васильевич во гробе содрогнётся».

А следствие продолжалось. Амбулаторно, чего не бывало никогда: следствие по 70-й без содержания под стражей. Нас не вызывали. Допрашивали наше окружение. С допросов возвращались и докладывали о ходе следствия нам. Габистам явно было еще больше не по себе, чем мне. Одна зловредная девица, Юлия, которой Царьков чем-то насолил, показала, что он желал победы гитлеровской Германии во второй мировой войне (по крайней мере, на территории СССР). Она сожгла весь наш доверенный ей самиздат и фотопленки и вернула нам ящик пепла. За нами ходили тучами топтуны. Очень выручал верный Костя Пантуев. Он вообще перестал от меня отходить, совершенно не думая о последствиях. Он защищал гонимых. Русская интеллигенция, собиравшая деньги на вооруженное восстание в 1905 году и помогавшая народовольцам, воскресла в нем.

А вот студент Артем с Пресни после повторного вызова на допрос попросил меня ему не звонить и не компрометировать его далее, то есть порвал отношения со страхом. Потом он опомнился. Но я не простила. Я знала, что должна сделать что-то, что покажет и докажет остальным политзаключенным в зонах, что мы их не предали и не собираемся пользоваться свободой, когда они сидят. На работе меня ощущали: не верили, что можно оттуда вернуться, да еще со справкой, что я была три дня в Лефортовской тюрьме. И вот 30 октября, в День политзаключенного СССР, я повесила на работе на доске объявлений следующее сообщение: «Сегодня День политзаключенного СССР. Тех, кто хочет помочь советским политзаключенным или узнать подробнее о нарушении прав человека в СССР, прошу обращаться в отдел библиографии научной библиотеки, к Новодворской В.И.». Объявление сняли. Я повесила его еще раз. Его снова сняли. Я опять повесила. Сняли и отнесли к ректору. Я обошла все отделы и сделала объявление устно. Ректор профессор Ярыгин, автор атласа по патанатомии, не погнушался вызвать КГБ. Они приехали на двух черных «Волгах» и отвезли меня... не в Лефортово, а в отделение милиции. Посадить они уже не могли. Но под занавес хотели взять свое и дать урок на будущее. Габист (как потом выяснилось, куратор Второго Меда) пытался договориться со мной полюбовно. Не вышло, и он вызвал психиатров. «Руководство приняло такое решение», — сказал он. Возвращая мне у дверей Лефортова паспорт, подполковник Мелехин сказал: «Мы с женщинами не воюем». Я ответила: «Я заставлю вас со мной

воевать, как с мужчиной». И заставил! И в 1988 году, и в 1991. Но сейчас они наносили запрещенный удар. Какое злорадство, какая плотоядная улыбка озарили лицо куратора, когда санитары, выламывая мне руки, потащили меня из комнаты! На этот раз я попала в пыточное 28-е отделение. Я была там три недели, но этого мне хватило на всю жизнь. Игорь Царьков очень негодовал на мое нелояльное к ГБ поведение. Он боялся, что его посадят обратно в наказание за мою акцию, он читал мне нотации и очень волновался по поводу того, что теперь скажут в КГБ. И это тоже было страшно. Его сломали всерьез и надолго. Потом кость срослась, но при первой же перегрузке должна была сломаться уже окончательно, что и произошло в 1991 году. Я уже говорила, что я жесткий человек. Мне легче похоронить товарища, чем видеть его падение. Мне давали три раза в день трифтазин без корректора и быстро довели до нейролептического шока. Почему я его принимала? Отказ принимать таблетки влеч за собой инъекции. Сопротивление им означало, что держать, связывать и раздевать тебя будут санитары-мужчины. После одного такого эксперимента я поняла, что, если это повторится, я не буду жить. От трифтазина началась дикая депрессия, полностью исчез аппетит, три недели я не ела. Я все время хотела спать, но спать не могла. Я не могла лежать, сидеть, ходить, стоять. Это был эффект галоперидола (трифтазин послабее, но, когда его много, это почти одно и то же).

Три недели непрерывной пытки запомнились острее и ужаснее, чем бормашина и кислород под кожей. Я не могла ни читать, ни писать. Печерк изменился до неузнаваемости, буквы не выводились. В памяти появились провалы. Чтобы хоть как-то отвлечься, я делала вместе с «психами» ручки на трудотерапии, но не могла долго сидеть. Со мной все было бы кончено, если бы друзья из 26-го отделения не отбили меня, не забрали бы к себе и не сняли бы американскими препаратами нейролептический шок. В январе дело по 70-й закрыли (для того и освободили, чтобы закрыть). Я впервые увидела эту формулировку: «В связи с изменением обстановки в стране». Мы подали протест в прокуратуру (Царьков уже пришел в себя), заявляя, что обстановка в стране не изменилась, что никаких «клеветнических» материалов мы не распространяли, а все это была чистая правда. Игорь взял обратно свое октябрьское отречение. Но протест принят не был. И здесь я стала понимать (из намеков, полунамеков габистов, сопоставления фактов), почему я все еще была жива. Когда Маленький Принц Сент-Экзюпери прилетает на одну планету, судья предлагает ему судить старую крысу и говорит: «Нужно время от времени приговаривать ее к смертной казни. Но потом каждый раз придется ее миловать. Надо беречь старую крысу, ведь она у нас одна». Я была такой старой крысой!

Мои четкие тенденции к 70-й статье, идеи свержения властей, революции, изменения строя — все это было нужно V отделу КГБ. Как же защищать конституционный строй, если его никто не подрывает! Нельзя же вечно врать, что защита прав человека — это подрывная деятельность... Так вот почему я жива! Не потому, что я нужна была своему народу, а потому, что я нужна КГБ, для оправдания штатного расписания! В очередной раз смертный приговор был отменен.

Вот четверть бьют часы опять,
И руки снова стынут.
Вот четверть бьют часы опять,
А смерть, чтоб нас с тобой забрать,
Дождется половины...

Текст и фотографии впервые опубликованы в книге:
Валерия Новодворская
ПО ТУ СТОРОНУ ОТЧАЯНИЯ
Москва, 1993.
Издательство «Новости».
Серия «Время События Люди».



Раиса МОСКВИНА

Функции репрессий в тоталитарном политическом режиме

Основные положения, которые рассматриваются в данной работе, могут быть выражены в виде кратких тезисов.

1. Основным фактором, определяющим механизм репрессий, их причины, направленность, масштабы и т.д., является политический режим. Политический режим — это совокупность методов осуществления власти. По соотношению насилия и ненасилия в методах осуществления власти выделяют демократический, авторитарный и тоталитарный режимы.

2. В 1917 году политический режим Советской России получает тоталитарный вектор развития, формирование которого заканчивается на рубеже 20-30-х годов.

3. Тоталитарный режим отличается от авторитарного по трем существенным параметрам: а) тотальной, всеохватывающей степени контроля поведения подвластных; б) уровню контроля ментальности, т.е. идентичности индивидуального сознания и официальной идеологии (ментальность — система ценностных ориентаций индивида, побуждающая к определенным действиям); в) произвольному характеру репрессий.

4. Основным методом регулирования социальных отношений в тоталитарном режиме является насилие: экономическое, политическое, идеологическое, физическое. Преобладает последнее, поскольку именно массовые репрессии являются основным средством контроля сознания и поведения индивида.

5. Массовые репрессии имеют своей целью: а) достичь полной идентификации (слияния) индивида с политическим режимом и, как результат, — массовой поддержки подвластных; б) гарантировать успех массовой индоктринации населения (внедрение доктрин в сознание индивидов), иными словами, вера в социализм — обратная сторона страха; в) создать новые стимулы к труду (не личный интерес, а общий) и армию труда (ГУЛАГ); г) обеспечить индивидуальное взаимодействие человека и власти методом дробления и атомизации всех связей в обществе: семейных, профессиональных, национальных и прочих, в результате чего индивид оказывается один перед громадой властных структур, что и определяет его неспособность сопротивляться произволу режима.

6. Репрессии усиливаются после того, как режим сформировался, то есть террор 1937 г. — это нормальное функционирование сложившегося режима.

7. Вертикальный террор (со стороны власти) дополняется горизонтальным террором, когда доносчиком являлся сосед, сослуживец, родной сын (феномен Павлика Морозова), получавший за это своеобразную гарантию от репрессий, а порой и часть имущества репрессированного.

8. Для осуществления террора создавалась особая подсистема, включавшая в себя: а) особый, специализирующийся на сборе и обработке информации орган власти (внутри общей сети сплотовых структур), обладающий своими военизированными формированиями и войсками для осуществления массовых репрессий в отношении подвластных; б) сеть специальных наблюдателей-доносчиков, внедренных во все сферы человеческой жизнедеятельности; в) особую структуру пенитенциарной системы (что не исключает для исполнения наказаний и обычная сеть исправительных учреждений); г) научно-исследовательские институты или отделы в «общегражданских» НИИ, специализирующиеся на разработках направленного воздействия на психику как индивида, так и массовых объединений людей, а также наиболее физиологически эффективных методах пыток, д) органы цензуры — для изъятия из печатной продукции всего, что не согласуется с официальной идеологией.

9. Вышеописанную «подсистему страха» дополняла система пропаганды, идеологической обработки населения (СМИ, система образования с дошкольного возраста, творческие союзы и др.).

Рассмотрим подробнее данные тезисы.

В последнее время появилось большое количество работ по репрессиям (1). Отдавая дань мужеству исследователей и признавая большое научное и гуманистическое значение восстановления имен невинно погибших, следует, однако, сказать, что уровень осмысливания причин, следствий, механизма функционирования «подсистемы страха» остается недостаточным.

Массовые репрессии нельзя объяснить из самого факта репрессий, без учета специфики политического режима, осуществляющего террор. Сложность состоит в том, что нет единой точки зрения по вопросу о типе политического режима, сложившегося в СССР в 20-е годы, — авторитарный, тоталитарный? Ответ на этот вопрос методологически очень важен, т.к. именно произвольный характер репрессий отличает тоталитаризм от авторитаризма. На ваш взгляд, с приходом к власти большевиков политический режим получает тоталитарный вектор развития.

Экономические предпосылки такого варианта создавались национализацией средств производства, политические — уничтожением оппозиции и внакомыслия. Утверждение плановой экономики в ходе индустриализации и коллективизации, а также единомыслия и единогласия завершают становление режима к концу 20-х — началу 30-х годов. План уничтожает экономическую свободу индивида, а без экономической свободы нет ни политических прав и свобод, ни личных прав граждан.



36 Функции репрессий в тоталитарном политическом режиме

Любой политический режим осуществляет контроль поведения подвластных. Но только тоталитарный делает этот контроль тотальным, т.е. проникающим во все сферы жизнедеятельности как общества, так и индивида. В 1929 г. в троцкистской листовке тоталитарное государство сравнивалось с Левиафаном, который держит в своих руках ум, желудок, силу своих подданных. Если авторитарный режим определяется, как ие нада себя вести, т.е. границы дозволенного, то тоталитарный — диктует строго определенные нормы поведения и мышления. Кроме того, режим требует постоянной демонстрации преданности и поддержки (крики «Хайль Гитлер!», участие в «пятиминутках ненависти» и др.), т.е. недостаточно даже пассивной лояльности. Именно борьба режима с пассивной лояльностью интеллигентии в конце 20-х годов, произвольный характер репрессий против интеллигентии по принципу «кто не с нами, тот против нас»

служат показателем завершения тоталитарного вектора развития. Репрессии против крестьянства в ходе колективизации носят также произвольный характер.

Контроль ментальности, содержания индивидуального и массового сознания — самая важная отличительная черта режима, которая оборачивается интеллектуальной и творческой несвободой, информационным вакуумом. (Что и приводит, в конечном итоге, к краху тоталитаризма). Именно для утверждения тотального контроля над ментальностью уничтожается оппозиция и инакомыслие (в 20-е годы), а затем в ходе произвольного террора утверждается единомыслие и единогласие.

Тоталитарный террор в отличие от авторитарного носит произвольный характер. При авторитаризме уничтожаются противники режима, реальные или потенциальные, тоталитаризм же уничтожает каждого пятого, восьмого или девятого жителя страны, безотносительно к образу мыслей, образу жизни, т.е. совершение произвольно. Именно произвольность репрессий является питающим фактором, так как никто не застрахован от произвола. Но в страхе долго жить нельзя, страх меняет биохимию организма. И человек, спасаясь от страха, начинает приспособливаться к требованиям режима в мыслях и делах, т.е. сливаться, идентифицироваться с существующей системой. Таким образом, основное назначение репрессий — обеспечить идентификацию, слияние индивида с системой.

Идентификация обеспечивает успех массовой индоктринации, веры в социализм (национал-социализм, фашизм и т.д.). Вера — обратная сторона страха, спасение от него.

Контроль сознания, помимо СМИ, системы образования и др., служит однопартийная система, присущая всем тоталитарным режимам. Функциональность такой системы объясняется следующим: а) программа партии есть некая матрица необходимого для каждого члена тоталитарного общества содержания сознания. Контроль сознания облегчается тем, что нужно только сравнить матрицу с конкретным образом индивидуального или массового сознания; б) членство в партии — это подчинение строгой дисциплине, приучение к безусловной форме подчинения, «вынесение индивида за скобки»; в) партиец постулируется как образец человека, обладающего самыми ценностями качествами в отношении товарищей и непримиримого к врагам. С помощью такого образца-образа можно

было стереотипизировать массовое сознание и поведение, оправдывать систему тем, что строят и поддерживают ее функционирование настоящие люди, образцы людей. Одновременно объявлялось, что эти настоящие люди строят настоящий новый мир, так как в программе любой тоталитарной партии неизменно объявлялось целью построение новой, невиданной прежде цивилизации, называлась ли она коммунизмом, новым порядком или как-нибудь иначе.

Лишний гражданин прав человек может получить их — в суррогатном виде — только через обращение к структурам партии и личности вождя.

Такая функция репрессий, как создание новых стимулов к труду и армии труда (ГУЛАГ) не требует особого пояснения.

Последней и очень важной функцией репрессий является дробление, атомизация общества, разрыв всех связей: а) семейных (сына принуждают отказываться от отца, жену от мужа, родственники боятся привлечь детей репрессированных и т.д.); б) профессиональных (действует принцип «больше трех — не собираться»); в) национальных (этносы перемешиваются в котле репрессий) и др.

Включение индивида в общественные организации (партию, комсомол и др.) носит принудительный характер, и эти объединения не защищают индивида от произвола властей, а, напротив, через них режим пробивает каждую клетку жизнедеятельности общества, контролируя подвластных во всех их проявлениях.

В итоге индивид оказывается один на один с властью, что обуславливает его неспособность сопротивляться данному режиму. Таким образом, тоталитарный режим с помощью террора обеспечивает себе прочную поддержку раздробленной, атомизированной, слившейся с режимом, не способной к сопротивлению массы индивидов.

Екатеринбург

Примечания

(1) — Алексеенко И. И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. ХХ века. — Краснодар, 1993;
Багаутдинов Ф. Н. По закону 1934 года: (Репрессии в Татарии). — Казань, 1990;
Возвращенные имена: (О репрессированных в годы культа личности Сталина в Башкирии) / Сост. Игралин Г. Д., Асабий Е. П. — Уфа, 1991;
Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. — Кемерово, 1997;
ГУЛАГ в Карелии: Сб. док. и материалов, 1930-1941. — Петрозаводск, 1992;
Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала (1920-е — начало 50-х гг.). В 2 ч. — Нижний Тагил, 1996.
Ленинградский мартиролог 1937-1938. — Спб, 1995;
Удмуртия: массовые репрессии 1930-50 годы: Исследования, документы. — Ижевск, М., 1993;
Фойт Л. И. Сталинск. Годы репрессий: По материалам Новокузнецкого городского краеведческого музея. — Новокузнецк, 1994;
Пальванова Б. П. Трагические 30-е. — Ашхабад, 1991;
Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1933-1938: (Сб. док-тов) / Отв. ред. В. П. Данилов, С. А. Красильников. — Новосибирск, 1994;
37-й на Урале: (О жертвах сталинских репрессий) / Ред. сост. Л. Г. Адамова. — Свердловск, 1990;
Шулумов П. М. Горькие судьбы: (О бурятах — жертвах сталинских репрессий). — Улан-Удэ, 1991.

Танки против надежды



Весна и заморозки

Воскресенье на Троицу 1968 года: солнце сияет и вся Прага на ногах. В пивных и на улицах царит оживление. Люди смеются, некоторые даже поют, и я спрашиваю себя: неужели я в Восточном блоке?

Мои соседи по столу пьют за мое здоровье, пытаются завести разговор. Эти очаровательные люди буквально пыщут весельем и оптимизмом, не зря в Прагу пришла весна — Пражская весна.

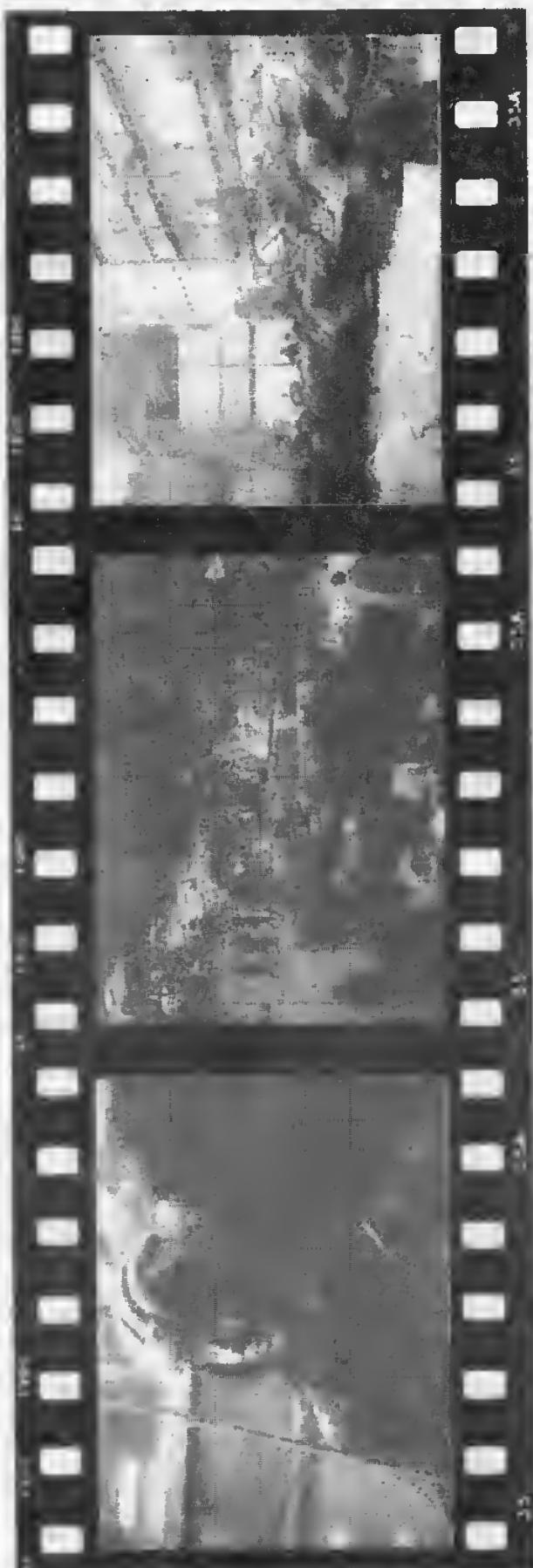
Эта особая весна давала в последние годы неоднократно знать о своем приближении: так, был официально "реабилитирован" объявленный ранее вне закона Франц Кафка, один из фильмов Ежи Менцеля получил Оскара, западные книги, находившиеся под запретом ранее, вдруг появились на магазинных полках, а журнал "Литературные новости" превратился в рупор интеллигентии, атакующей заскорузлую сталинскую систему руководства страной и партией, которой придерживался Новотный.

Еще яростнее критиковалась неповоротливая плановая экономика, чьи слабые места проступали все отчетливей: падало производство, а вместе с ним и зарплаты, появился дефицит товаров. Этот кризис, как объяснял экономист Ота Жик, мог быть преодолен лишь с помощью энергичных реформ — на место плановой экономики должно прийти "социалистическое рыночное хозяйствование". Это означало бы освобождение предприятий от государственного управления и одновременно убирало бы становящуюся ненужной и абсолютно непродуктивной огромную бюрократическую надстройку.

К голосу Ота Жика, говорившему о серьезном экономическом скатывании страны, прислушивались — он руководил Институтом экономики Пражской академии наук и входил в ЦК КПЧ. С другой стороны, его идеи были еретическими для бетонных голов из ЦК: независимость профсоюзов, рабочее самоуправление, кооперация с западными предприятиями, импорт западного ноу-хау, свободное ценообразование, разрешение небольших частных фирм — не есть ли это отказ от социализма? Однако, основных столпов — "народной собственности на средства производства и коллективного сельского хозяйства" — Жик расшатывать не собирался. Он был реформатором, но не революционером.

31 октября 1967 года на улицы Праги вышли студенты, протестуя против невыносимых условий жизни в их общежитиях. Новотный приказал разогнать молодежь с помощью полиции. Эта реакция натолкнулась на массовую критику в самом ЦК, и Новотный обратился в поисках помощи к "старшему брату" в Москве. Однако Брежnev посчитал, что тот сам должен решать свои проблемы. Так как он этого сделать не смог, 4 января 1968 года Новотный выбросил белый флаг и ушел с поста Первого секретаря КПЧ. Его преемником стал Александр Дубcek, коммунист до мозга костей, с отличием окончивший партийную школу в Москве и ставший затем руководителем словацкой КП.

Он попытался сразу же умерить пыл реформаторов и успокоить опасения остальных стран Восточного блока, которые уже видели Чехословакию, идущей в западный лагерь. Ота Жик, чьи реформаторские намерения как раз и были



причиной ширящегося вольнодумства среди рабочих, не был включен ни в Президиум партии, ни допущен к руководству комиссией, работавшей над экономической реформой. Таким образом, проблемы, над которыми в такой спешке работали реформаторы, заботили Дубчека в меньшей степени; главное, к чему он стремился, была новая федеративная конституция, которая должна была дать словакам больше самоуправления. Как сигнал к этому можно было рассматривать отмену цензуры в прессе.

Заморозки в августе

Эти меры еще больше вдохновили и без того давно бурлящую интеллигенцию добиваться скорейшей демократизации страны — именно этими требованиями наполнен "Манифест 2000 слов" писателя Людмила Вакулина. В нем было столько самой жесткой критики, направленной на "лжеизреков социализма", что правительство, партия и парламент сразу же дистанцировались от этого "безответственного заявления". Густав Гусак, будучи заместителем премьер-министра, вел интриги против Дубчека и реформаторов и уже чуял "атмосферу террора". Дубчек говорил позднее об "авантюрных и не имеющих терпения силах", приведших к тому, что соседи по Восточному блоку "обеспокоились дальнейшей судьбой социализма в нашей стране".

Эта обеспокоенность, а также "призывы о помощи" старых коммунистов стали причиной последовавшей военной акции: 21 августа войска Советского Союза, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии вошли в Чехословакию. Дубчека вопреки всем законам переправили самолетом в Москву, где на него надавили и заставили отказаться от власти. Его место занял подобострастный Гусак, поблагодаривший надежающим образом за оказанную "братьскую помощь" и взявшийся за чистку партии от реформаторов.

Находясь в шоковом состоянии от оккупации их страны, около 30 000 человек из числа интеллигенции покинули Чехословакию; почти полмиллиона членов партии были исключены из рядов КПЧ. Установленные во время Пражской весны контакты с Западом были оборваны. Страна, казалось, превратилась в духовную пустыню, карьеру в которой мог сделать лишь тот, кто умел хорошо поддакивать, а массы покорились мрачной неизбежности довольствоваться никудышным уровнем жизни и находиться в постоянной готовности к небольшим актам саботажа: тот, кто воровал у государства, испытывал при этом чувство истинно воровского удовольствия.

Удивительным образом все эти придирики, слежка, угрозы, аресты и высылки не смогли заставить полностью замолчать политическую оппозицию. Так как музыканты одной из рок-групп были "заклеймены" как "асоциальные, приверженные наркотикам и неуправляемые элементы", тысячи людей объединились под флагом созданной ими "Хартии 77", которая апеллировала к правам человека, подтвержденными на Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. При этом ЧССР была среди стран, подписавших ее резолюцию. Одним из самых известных людей, поставивших свою подпись под хартией, был писатель Вацлав Гавел, который тогда не смел и мечтать, что ему впоследствии выпадет руководить этой страной.



В воскресенье, 25 августа 1968 года, через несколько дней после ввода войск Варшавского договора в Чехословакию на Красной площади в Москве, у собора Василия Блаженного, возле Лобного места — исторического места казни противников царизма — восемь человек провели демонстрацию против вторжения. Протест длился всего лишь несколько минут и закончился арестом его участников.

Наталью Горбаневскую и Виктора Файнберга вскоре подвергли принудительному психиатрическому лечению. Другие пятеро участников демонстрации — Лариса Бородина, Павел Литвинов, Вадим Делоне, Константин Бабицкий и Владимир Дремлюга были приговорены к различным срокам заключения и ссылки. Татьяне Баевой удалось избежать ареста.

Горбаневская, как мать двух маленьких детей, дольше всех оставалась на свободе. Успела составить "белую книгу" демонстрации, которая в 1970 году была опубликована на Западе. В книгу вошли воспоминания участников и свидетелей событий, письма протеста, обширная документация судебных процессов, а также материалы, касающиеся злоупотреблений психиатрией в политических целях. Предлагаем вниманию читателей главу из книги Натальи ГОРБАНЕВСКОЙ "Полдень. Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади" (Париж, 1970 г.).

ЧТО ПОМНЮ Я О ДЕМОНСТРАЦИИ

Накануне прошел дождь, но в воскресенье с самого утра было ясно и солнечно. Я шла с коляской вдоль ограды Александровского сада; народу было так много, что пришлось сойти на мостовую. Малыш мирно спал в коляске, в ногах у него стояла сумка с запасом штанов и распашонок, под матрасиком лежали два плаката и чехословацкий флаг. Я решила: если никого не будет, кому отдать плакаты, я прикреплю их по обе стороны коляски, а сама буду держать флаг.

Флаг я сделала еще 21 августа: когда мы ходили гулять, я прицепляла его к коляске — когда были дома, вывешивала в окне. Плакаты я делала рано утром 25-го: писала, зашивала по краям, надевала на палки. Один был написан по-чешски: "Ať žije svobodné a nezávislé Československo!", т.е. "Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!" На втором был мой любимый призыв: "За вашу и нашу свободу" — для меня, много лет влюбленной в Польшу, особенно нестерпимым в эти дни было то, что вместе

с пашими войсками на территорию Чехословакии вступили и солдаты Войска Польского, солдаты страны, которая вскаки боролась за вольность и независимость против велиодержавных угнетателей — прежде всего, против России.

"За вашу и нашу свободу" — это лозунг польских повстанцев, сражавшихся за освобождение отчизны, и польских эмигрантов, погибших во всем мире за свободу других народов. Это лозунг тех русских демократов прошлого века, которые поняли, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы.

Преезд между Александровским садом и Историческим музеем был перекрыт милицией: там стояла очередь в мавзолей. Когда я увидела эту толпу, мне представилось, что вся площадь, до самого Василия Блаженного, запружена народом. Но когда я обошла музей с другой стороны и вышла на площадь, она открылась передо мной просторная, почти пустынная, с одноко белеющим Лобным местом. Проходя мимо ГУМа, я встретила знакомых, улыбнулась им и прошла дальше не останавливаясь.



Владимир Дремлюга
Фото из архива "Экспресс-Хроники", Москва.

Владимир Дремлюга (1940 г.р.) — электрик. За участие в демонстрации на Красной площади приговорен к трем годам лагерей. В лазере получил новый трехлетний срок. Живет в США.



Наталья Горбаневская
Фото из архива "Экспресс-Хроники", Москва.

Наталья Горбаневская (1936 г.р.) — поэт, переводчик и публицист. Основатель и первый редактор "Хроники текущих событий". За участие в демонстрации на Красной площади была признана невменяемой. Арестована в декабре 1970 г. С января 1971 по февраль 1972 находилась на принудительном лечении в Казанской специальном больнице и в институте им. Сербского в Москве. В 1975 году вместе с двумя детьми эмигрировала, в 1976 году живет в Париже. Занималась переводами и редакторской деятельностью, входила в состав редакции журнала "Континент", сотрудничала с Радио Свобода, с 1981 года работает в еженедельнике "Русская мысль". За переводы с польского стала лауреатом премии парижского журнала "Культура" и польского паб-клуба. Издано несколько сборников стихов, переведена на русский стихи польских и украинских поэтов.



Вадим Делоне
Фото из архива
"Мемориала", Москва.

Вадим Делоне (1947-1983) — поэт, эссеист. Был исключен из Московского педагогического института. В 1967 году арестован за участие в демонстрации против ареста Гинсбурга, Галенкова, Добропольского и Лашковой, получил срок с отсрочкой исполнения приговора. За участие в демонстрации на Красной площади приговорен к 2,5 годам лагеря. С 1975 года жил во Франции, активно участвовал в политической и литературной жизни. Посмертно в Париже вышел сборник стихов В. Делоне, написанных в 1965-83 годах, а в Лондоне издана книга "Портреты в колючей раме" — литературный образ лагерных впечатлений.

поднялись над нами, и до мгновения, как они затрещали. Вокруг нас только начал собираться народ, а из дальних концов площади, опережая ближайших любопытных, мчались те, кто поставил себе немедленной целью ликвидировать демонстрацию. Они налетали и рвали плакаты, даже не глядя, что там написано. Никогда не забуду треска материи.

Я увидела, как сразу двое — мужчина и женщина, портфелем и тяжелой сумкой — были Павлика. Крепкая рука схватила мой флагок. "Что?" — сказала я. — Вы хотите отнять у меня чехословацкий государственный флаг?" Рука поколебалась и разжалась. На мгновение я обернулась и увидела, как бьют Витя Файнберга. Плакатов уже не было, и только флагок мне еще удалось защитить. Но тут на помощь нерешительному товарищу пришел высокий гладкомощный мужчина в черном костюме — из тех, кто рвал лозунги и бил ребят, — и злобно рванул флагок. Флагок переломился, у меня в руке остался обломок древка.

Еще на бегу эти люди начали выкрикивать различные фразы, которые не столько выражали их несдержанные эмоции, сколько должны были провоцировать толпу последовать их примеру. Я расслышала только две фразы, их я и привела в своем письме: "Это все жиды!" и "Бей анти советчиков!" Они выражались и более нецензурно: на суде во время допроса Бабицкого судья сделала ему

Я подошла к Лобному месту со стороны ГУМа, с площади подошли Павел, Лариса, еще несколько человек. Начали бить часы. Не на первом и не на роковом последнем, а на каком-то случайном из двенадцати ударов, а может быть, и между ударами, демонстрация началась. В несколько секунд были развернуты все четыре плаката (я вынула свои и отдала ребятам, а сама взяла флагок) и сонсем в одно и то же мгновение мы сели на тротуар.

Справа от меня сидела Лара, у нее в руках было белое полотнище, и на нем резкими черными буквами — "Руки прочь от ЧССР!". За нею был Павлик. Доставая плакаты, я сознательно протянула ему "За вашу и нашу свободу": когда-то мы много говорили о глубокой мысли, заключенной в этом призывае, и я знала, как он ему дорог. За Павликом были Вадим Делоне и Володя Дремлюга, но их я видела плохо: мы все сидели дугой на краешке тротуара, повторяющего своими очертаниями Лобное место. Чтобы увидеть конец этой дуги, надо было бы специально поворачиваться. Потому-то я потом и не заметила, как были Вадима. Позади коляски сидел Костя Бабицкий, с которым я до тех пор не была знакома, за ним — Витя Файнберг, приехавший на днях из Ленинграда. Всё это я увидела одним быстрым взглядом, но, по-моему, на то, чтобы записать эту картину, ушло больше времени, чем то, что прошло от мгновения, как плакаты



Павел Литвинов
Фото из архива "Мемориала", Москва.

Павел Литвинов (1940 г.) — выпускник физического факультета МГУ. Преподавал в Московском химико-технологическом институте. С 1967 года принимал активное участие в движении защиты прав человека. В 1968 году уволен с работы, а звучавшее в демонстрации на Красной площади приговорен к пяти годам ссылки. В 1974 году был вытолкнут в эмиграцию. Живет в США. Публикации: "Правосудие или расправа? Сборник документов по делу демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1976 г. (1968); Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галенкова, Гинсбурга, Добропольского и Лашковой (1971); О движении за права человека в СССР в сборнике "Самосознание" (1976).

замечание за то, что он повторил одно из адресованных нам оскорблений.

Тем не менее собравшаяся толпа не реагировала на призывы "бить антисоветчиков" и стояла вокруг нас, как всякая любопытная толпа.

Почти все, кто был ребят и отнимал плакаты, на короткое время исчезли. Стоящие вокруг больше молчали, иногда подавали неприязненные или недоуменные реплики. Два-три оратора, оставшиеся от той же компании, произносили пылкие филиппики, основанные на двух тезисах: "мы их освобождали" и "мы их кормим" — "их" это чехов и словаков. Подходили новые любопытные, спрашивали: — Что здесь? — Это сидячая демонстрация в знак протesta против оккупации Чехословакии, — объясняли мы. — Какой оккупации? — искренне удивлялись некоторые. Всё те же 2-3 оратора опять кричали: — Мы их освобождали, 200 тысяч солдат погибли, а они контрреволюцию устраивают. Или же: — Мы их спасаем от Западной Германии. Или еще лучше: — Что же мы, должны отдать Чехословакию американцам? И — весь набор великоледжавных аргументов, вплоть до ссылки на то, что "они сами попросили ввести войска".

За этими ораторами трудно было слышать, кто из ребят что говорил, помню, кто-то объяснял, что "письмо группы членов ЦК КПЧ" с просьбой о вводе войск — фальшивка, недаром оно никем не подписано. Я на слова "Как вам не стыдно!" сказала: "Да, мне стыдно — мне стыдно, что наши танки в Праге".

Через несколько минут подошла первая машина. После мне рассказывали люди, бывшие на площади, как растерянно металлись в поисках машин те, кто отнял у нас лозунги. Найти машину в летнее воскресенье на Красной площади, по которой нет проезда, трудно, даже учитывая право работников КГБ останавливать любую служебную машину. Постепенно они ловили редкие машины, выезжавшие с улицы Куйбышева в сторону Москворецкого моста, и подгоняли их к Лобному месту.

Ребят поднимали и уносили в машины. За толпой мне не было видно, как их сажали, кто с кем вместе ехал. Последним взяли Бабицкого. он сидел позади коляски, и ему достался упрек из толпы: "Ребенком прикрываешься!" Я осталась одна.

Малыши проснулся от шума, но лежал тихо. Я переодела его, мне помогла незнакомая женщина, стоявшая рядом. Толпа стояла плотно, проталкивались не видевшие начала, спрашивали в чем дело. Я объясняла, что это демонстрация против вторжения в Чехословакию. "Моих товарищей увезли, у меня сломали чехословацкий флаг", — я приподнимала обломочек древка. "Они что, чехи?" — спрашивал один другого в толпе — "Ну, и ехали бы к себе в Чехословакию, там бы демонстрировали". (Говорят, вечером того же дня в Москве рассказывали, что на Красной площади "демонстрировала чешка с ребенком".)

В ответ на проповедь одного из оставшихся на месте присяжных ораторов я сказала, что свобода демонстраций гарантирована Конституцией. "А что?" — протянул кто-то в стороне. — Это она правильно говорит. Нет, я не знаю, что тут сначала было, но это она правильно говорит". Толпа молчит и ждет, что будет. Я тоже жду. — Девушка, уходите, — упорно твердил кто-то. Я оставалась



Виктор Файнберг
Фото из архива "Мемориала", Москва.

Виктор Файнберг (1931 г.р.) — работал слесарем. В 1968 году закончил институт (английский язык). Во время разгона демонстрации на Красной площади был избит. Был признан несменяемым и направлен на принудительное психиатрическое лечение. В 1974 году эмигрировал на Запад. Опубликовал очерк "Мое пребывание и "лечебение" в советской психиатрической тюрьме". Живет во Франции. Активно участвует в правозащитных акциях (ездил в Чечню во время российско-чеченского вооруженного конфликта).



Константин Бабицкий
Фото из архива "Мемориала", Москва.

Константин Бабицкий (1929-1993) — имел два высших образования — техническое и филологическое. Кроме того, работал столяром, лисал стихи, играл на гитаре и исполнял песни на стихи Юлия Даниэля, однако прозванием его жизни была лингвистика. До 1968 года работал в Институте русского языка АН СССР. После 3-летней ссылки за участие в демонстрации на Красной площади ему запретили работать по профессии.



Лариса Богораз
Фото из архива "Мемориала", Москва.

Лариса Богораз (1929 г.р.) — закончила филологический факультет Харьковского университета. В 1950-1964 гг. работала в школах в Москве и Калужской области. С 1961 по 1964 г. училась в аспирантуре Института русского языка АН СССР. Закончив аспирантуру по специальности «структурная лингвистика», в 1964-65 гг. преподавала в Новосибирском университете. В 1965 году получила учченую степень кандидата филологических наук. В 1965 г. пишет письмо Генеральному прокурору СССР — протест против ареста Андрея Синявского и Юлия Даниэля. В последующие годы ее подпись стоит под многими письмами и другими документами в защиту прав человека. В начале 1968 г. вместе с С. Питинином пишет обращение "К мировой общественности" по поводу "процесса четырех" (Ю. Галанков, А. Гинбург, А. Доброловский, В. Лашков). В августе 1988 года участвует в демонстрации на Красной площади против введения войск в Чехословакию. За участие в демонстрации приговорена к четырем годам ссылки. Ссылку отбывала в пос. Чунский Иркутской области. Там работала на деревообрабатывающем комбинате разнорабочей. По возвращении из ссылки приняла участие в издании "Хроники текущих событий". В 1975 году написала открытое письмо Андропову с требованием открыть архивы КГБ. Принимала участие в составлении самиздатовского исторического сборника "Память". В 1976 году в журнале "Континент" в соавторстве с А. Марченко, опубликовала статью "Третье дано". В конце 1986 года пишет обращение к деятелям советской культуры с призывом поддержать требование освободить политзаключенных. Осенью 1989 года, когда была восстановлена Московская хельсинкская группа, Л. Богораз входит в ее состав. С 1991 года руководит просветительским семинаром по правам человека для общественных организаций. С 1993 года — член правления Российско-Американской группы по правам человека. Автор ряда статей по истории и теории прав человека.

Биографические справки К. Бабицкого, Т. Баевой, Н. Горбаневской, В. Делоне, В. Дремлюги, П. Литвинова, В. Файнбера, а также фотографии из архива московского "Мемориала" опубликованы в журнале "Карта" №22, Варшава.

Восьмая участница демонстрации Татьяна Баева, 21-летняя студентка-историк, дочь известного биолога, профессора, действительного члена Академии наук СССР Александра Баева. После ареста, уже находясь в отделении милиции, демонстранты сумели убедить ее сказать, что она случайно оказалась на площади. КГБ приняло эту версию и Баеву отпустили. Ее много раз допрашивали, однако вскоре следствие было прекращено. В качестве свидетеля по делу о демонстрации Татьяна Баева не привлекалась.

Татьяна Баева
Фото из архива
"Мемориала", Москва.



на месте. Я подумала: если вдруг меня решили не забирать, я останусь тут до часа дня и потом уйду.

Но вот раздалось требование дать проход, и впереди подъезжающей "Волги" через толпу двинулись мужчина и та самая женщина, что была Павла сумкой, а после, стоя в толпе, ругала (и, вероятно, запомнила) тех, кто выражал нам сочувствие. "Ну, что собрались? Не видите: больной человек..." — говорил мужчина. Меня подняли на руки, — женщины рядом со мной едва успели подать мне на руки малыша, — сунули в машину, — я встретилась взглядом с расширенными от ужаса глазами рыжего француза, стоявшего совсем близко, и подумала: "Вот последнее, что я запомню с воли". — и мужчина, указывая всё на ту же женщину, плотную, крепкую, сказал: "Садитесь — вы будете свидетелем". "Возьмите еще свидетеля", — воскликнула я, указывая на ближайших в толпе. "Хватит", — сказал он, и "свидетельница", которая, кстати, никогда потом в качестве свидетеля не фигурировала, уселилась рядом со мной. Я кинулась к окну, открутила его и крикнула: "Да здравствует свободная Чехословакия!" Посреди фразы "свидетельница" с размаху ударила меня по губам. Мужчина сел рядом с шофером: "В 50-е отделение милиции". Я снова открыла окно и попыталась крикнуть: "Меня везут в 50-е отделение милиции", но она опять дала мне по губам. Это было и оскорбительно, и больно.

— Как вы смеете меня бить! — вскрикивала я оба раза она, оскалившись, отвечающая:

— А кто вас бил? Вас никто не бил.

Машину шла на Пушкинскую улицу через улицу Куйбышева и мимо Лубянки. Потом я узнала, что первые машины ехали прямо на Лубянку, но там их не приняли и послали в 50-е отделение милиции. Мужчина по дороге сказал шоферу: "Какое счастье, что вы нам попались". А когда доехали, шофер сказал этому "случайному представителю разгневанной толпы": "Вы мне путевочку-то отметьте, а то я опаздываю".

— Как ваша фамилия? — спросила я женщину в машине.

— Иванова, — сказала она с той же наглой улыбкой, с которой говорила "Вас никто не бил".

— Ну, конечно, Ивановой называться легче всего.

— Конечно, — с той же улыбкой.

Редакция сердечно благодарит за помощь
при подготовке материала:
Бориса Беленкина, Ларису Богораз,
Александра Подрабинека, Сергея Смирнова.



"Идите домой!" Прага 1968

Фотографии с выставки "Идите домой!" Прага 1968" были опубликованы в польском журнале "Karta" № 22 в 1997 году. Выставка была организована по инициативе лидера Фонда Польско-Чешско-Словацкой солидарности Мирослава Ясинского. Выставка, приуроченная к 20-летию ввода войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году, была показана в костеле св. Кшиштофа и ксендза Канторского под Варшавой в 1988 году и в университете г. Вроцлава в 1989 г.









Чехословакия, 1968 год.

Фотографии из книги Яцека Курона и Яцека Жаковского «ПНР для начинающих»
(Jacek Kuroń, Jacek Żakowski «PRL dla początkujących»)





Никита ПЕТРОВ

Почему они сегодня празднуют?

Я работаю в НИПЦ «Мемориала» и занимаюсь историей карательных органов СССР — ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ, ФСБ. Как вы понимаете, в своей работе я постоянно сталкиваюсь как с сотрудниками ФСБ, так и со служащими архивов, которые являются хранителями документов вышеперечисленных организаций. Мое сообщение будет посвящено теме «ФСБ и архивы спецслужб Советского Союза».

Очень печально сознавать, что сегодня, когда исполнилось 80 лет со дня создания советской карательной службы (Декрет об образовании ВЧК был обнародован 20 декабря 1917 года — ред.), снискавшей себе славу антигуманной, бесчеловечной и очень жестокой организации, мы являемся свидетелями ситуации, когда этой службе послано приветственное послание президента и когда эта служба не стесняется праздновать этот свой юбилей. Ничего удивительного, что это праздновалось в советское время — была прямая преемственность. Но что происходит сегодня, почему они сегодня празднуют?

Мне кажется, надо признать, что этот празднуемый ФСБ юбилей показатель того, что мы — я имею в виду демократические силы — проиграли. Мы проиграли в том противостоянии, которое в августе 91-го казалось победой. Победа, на самом деле, была недолгой. Замыслы тех лет не были реализованы, в частности, не были переданы материалы и документы из архивов спецслужб на государственное хранение. Указ президента Ельцина об этом не был выполнен. Не были выполнены и другие законы и указы, о чем я скажу ниже. Можно констатировать, что преодоления прошлого НЕ состоялось.

Сегодня мы видим, что спецслужбы, казалось бы, новой России, на самом деле все те же старые спецслужбы, со старой идеологией и с теми же самыми старыми приемами. Напомню вам историю проведения 1-й конференции «КГБ вчера, сегодня, завтра». Тогда, в 1989 году, Крючков направил Горбачеву большой документ, в котором писал о замыслах устроителей конференции и о том, что они предпринимают, чтобы конференция не состоялась. И Горбачев наложил следующую резолюцию: «Это мероприятие надо просто сорвать». Так отреагировал лидер перестройки, либеральствующий коммунист Горбачев.

Конечно, сегодня ситуация несколько иная. Но в какой-то степени, в каких-то приемах она начинает приближаться к той, тогдашней. Мы видим, что день ото дня в стране набегается шпиономания, что ФСБ цепляется за старые методы и старые приемы, и — самое главное, — что ментальность руководителей этой организации изменилась мало. Об этом свидетельствуют их публичные выступления.

Мне, кажется, понятно, почему мы проиграли. Прежде всего надо говорить о разобщенности демократических сил тогда, в начале 90-х годов, и отом, что власть осталась в руках партийной номенклатуры. Надо признать, что и причина этого ясна: не был принят закон о листрации. Причем, с одной стороны, — это причина, с другой — это следствие. Следствие того, что при

засилии старой партноменклатуры на местах такой закон Верховным Советом не мог быть принят. Но он никогда не будет принят и нынешним составом Государственной Думы. Разумеется, если сохранятся все эти неформальные связи бывших работников спецслужб с депутатами и представителями СМИ. Нынешняя Дума вполне управляема и по сути дела является организацией, которая лобирует интересы ФСБ. Влияние ФСБ сказывается на законотворческой деятельности Думы в прямую.

То же самое можно говорить о проблеме открытия архивов. Поскольку задача эта, в нарушение Указа президента, не была решена сразу, ФСБ сейчас умело и целенаправленно готовит общественное мнение к тому, что архивы должны оставаться в их руках. Кого-то запугивают, кого-то убеждают, что это взрывоопасные материалы. Кивают, конечно, и на западные спецслужбы, которые будут, как они говорят, «пластицы» в этих архивах. И в результате — архивы вообще недоступны. А без архивов, без изучения нашей истории мы не можем говорить о преодолении преступного прошлого. Сейчас мы можем говорить лишь о том, что таким образом это преступное прошлое удобнее всего скрывать. В итоге мы имеем новые законы, принимаемые Госдумой, которые ограничивают наши права.

Например, в законе о государственной тайне в перечень этих тайн попали и сведения о кадровом составе ФСБ. Такого не было даже в советские времена! Тогда это была всего лишь ведомственная тайна — кто является сотрудником КГБ. Причем сотрудники ФСБ и архивов уже толкуют этот закон таким образом, что он распространяется на все советское прошлое и стремятся не выдавать сведений о сталинских папах, с тех кто творил репрессии.

Второй пример — закон об оперативно-розыскной деятельности. Он был принят Думой в 1992 году и выглядел вполне приемлемо. Я бы даже сказал, что это был новаторский закон, ведь впервые не ведомственная инструкция регламентировала оперативно-розыскную деятельность, а общероссийский нормативный акт. Это был безусловный шаг вперед. В этом законе была заложена очень интересная норма. Согласно ей, человек, против которого КГБ вело оперативную разработку (а часто разработка арестом не заканчивалась), мог истребовать эти материалы и получить их для ознакомления. Пускай в формализованном виде, пускай без раскрытия источников чекистской информации, но такие материалы он получить имел право. Представьте себе, что именно это положение закона на слушаниях Думы в 95-м году было изменено. Теперь закон дает право истребовать такую информацию только такому гражданину, против которого было возбуждено уголовное дело и который был оправдан или когда в возбуждении уголовного дела было отказано прокурором. То есть только тем лицам, чья вина была не доказана в установленном законом порядке. Другими словами, подавляющее большинство людей, против которых спецслужбы вели работу, не могут теперь получать материалы своих дел.



Я лично с 1996 года веду переписку с ФСБ Москвы и России и единственное, чего я добился, это подтверждения факта, что в 86-88 годах против меня велось дело, которое, по их утверждению, давно уничтожено. Ни дат, ни причины возбуждения дела, ни причин его прекращения мне не сообщили. Теперь же, ссылаясь на положение измененного закона 95-го года мне, и любому другому, вообще могут отказать в получении любых сведений, хотя все мы понимаем, что это антиконституционно. Я думаю, в скором времени Конституционный суд будет заниматься этой проблемой, ибо он уже принял несколько запросов от граждан по поводу отказов ФСБ давать информацию со ссылкой на новое положение этого закона. А Дума внесла это изменение, как это явствует со всей очевидностью из его сущности, при прямом наложении службы Федеральной безопасности.

Но особенно горько и прискорбно констатировать тот факт, что не исполняются действующие законы. Пример — Указ Ельцина 92-го года о рассекречивании всех актов, имевших отношение к массовым репрессиям и нарушениям прав человека. Им предписывалось в трехмесячный срок рассекретить все такие материалы. Но до сих пор остаются на секретном хранении материалы архивов ФСБ 30-х, 40-х и 50-х годов, непосредственно описывающие беззакония тех лет. Я уж не говорю о том, что Указ президента России не имел хронологических рамок и касался, разумеется, и материалов 60-х, и 70-х, и 80-х годов. В этой временной области вообще ничего не сделано по Указу. Если в государственных архивах, хоть и не в полном объеме, но имеется доступ к информации по 30-м — 40-м годам, то об архивах КГБ этого говорить не приходится.

В госархивах существует другая проблема. Казалось бы, в законе о государственной тайне содержится четкая норма — 30-летний срок давности. То есть по истечении 30 лет, за редким исключением, все должно рассекречиваться. Архивные работники находятся в большой зависимости от экспертов ФСБ, Службы внешней разведки и Министерства иностранных дел, которые должны экспертизовать документы перед их рассекречиванием. Так вот эти эксперты создают такую ситуацию, что архивные работники не в состоянии рассекретить подавляющее большинство документов. Эксперты просто дают отрицательные отзывы. Справедливо ради надо отметить, что наиболее консервативны взгляды у экспертов Службы внешней разведки и МИДа, а вовсе не у ФСБ. В этих организациях стойко главенствует ложное понятие престижа Советского Союза, который они напрямую свя-

зывают с престижем России. Как же, а вдруг рассекреченная бумага нанесет ущерб нашим нынешним отношениям с какой-либо третьей страной? Под таким и тому подобными предлогами рассекречивание документов как система — не работает. Более того, когда их не устраивает, что какие-то массы документов в 1992-93 годах уже были рассекречены, они пытаются вновь закрыть эти коллекции. С таким фактом я столкнулся в 1997 году. Причем, это делается достаточно тонко. Никто впрямую вам этого не скажет, но документы просто перестают выдавать на основании устных распоряжений вышеупомянутых организаций. Иногда эти организации затребывают такие документы к себе «для работы» и держат их месяцами и месяцами. Так произошло совсем недавно, когда я запросил один из рапортов Андропова на имя Брежнева за 68-й год. Я не мог его получить в течение трех месяцев. Когда я спрашивал, почему, мне отвечали, что он отдан в пользование другой организации. Архивные работники боялись даже произносить название этой организации. Я потом выяснил, что это была Служба внешней разведки. Их не устраивало, что этот документ уже рассекречен. Конечно, они ничего не могут поделать с тем фактом, что с ним ознакомились десятки исследователей, в том числе и иностранных, что с него сняты ксерокопии, но... Это параноидальное чувство, что все нужно прятать, все нужно скрепить, что кругом одни враги, но порой кажется мне чуть ли не врожденным свойством, по которому и производится их профитбор.

Я считаю, что это общая тенденция, и понимаю, что дальше может быть еще трудней, еще хуже. А путь противодействия, конечно же, только один — возбуждение последовательных судебных иска. Дело это, безусловно, сложное и крайне хлопотное, но что делать?

Честно говоря, я не испытываю оптимизма в отношении того, что в будущем ФСБ начнет проводить политику, отвечающую интересам граждан и государства в целом. Сегодня, в основном, они заботятся о собственном престиже и о ложно понятом престиже страны. И получается так, что историческая цепь родства периода 1917 — 1998 годов, к сожалению, не прервана. И потому они так радостно празднуют свое 80-летие. Пока, к глубокому сожалению, прав тот, кто сказал: «КГБ нельзя реформировать. Его можно только закрыть и разогнать». Мы очень хорошо это понимаем.

Москва

Фото В. Гостепор

История в документах

**“И начал рассказывать про
идею
коммунизма...”**

При воспроизведении сохранены орфография и пунктуация подлинников. Очевидные описки выделены квадратными скобками. Имена, отчества, фамилии пострадавшей и членов ее семьи по этическим соображениям не приводятся.

ДЕЛО № 32

Рязанский Губернский Революционный Трибунал
«О гр. Павле Лукашине. Обвинение в изнасиловании
женщины и дискредитир. Сов. власти»

Начало 9 марта месяца 1920 г. Кончено 13 апреля
месяца 1920 г.

Документы 1 (рукописный) Протокол Дознания

Согласно личного заявление гр-ке А.А. П-ой, отом
что уполномоченный Губком дезертир тов. Лукашин

во время ареста за дезертирство мужа, ее изнасиловал на основании этого я член Губкомдезертир Канаев снял с нее ар-ке П-ой настоящее дознание в катором она и показала следующее.

18 февраля 1920 к нам в дом прибыл Лукашин с отрядом в 7 человек и спросил где мой муж, я ответила где находится не знаю где то служить, на мой ответ приказал мне одеваться и арестовал нас вместе с диверсом А. А. П-ым, это было 3 часа утра, после чего отправил в сельсовет причем при аресте в присутствии всей семьи красно-армейцев называл меня бл-ю (в тексте — полностью и подчеркнуто, — ред.). Из Сельсовета нас отправили под охраной местных сель понятых в волость куда и прибыли в 9 ч. утра, тов. Лукашин прибыл в волость часа 2 для один отряд остался в нашей дер. Шедеево.

При приходе в волость, он Лукашин при дезертирах опять меня оскарбил называл бл-ю! (в тексте полностью и подчеркнуто, — ред.) потом часов в 6-ть дезертира отправил в Рязань. Я осталась со своим диверсом и мы начали проситься у Лукашина дамой это было в 7 ч. вечера после чего он диверс отпустил дамой, а меня оставил одну. Безовсякой охраны и в волости я уже не выдала не кого, он подсед комне стал спрашивать где ваш муж я сказала что не знаю, после чего он стал на кладывать на меня руки и говорить скажи где муж и я мужа и тебя отпушу, начал обнимать, жать, растешивать кофту и хватать груди я его отталкивала и просила его чтобы он отстал а он меня уговаривал отдать мне и я отпушу и мужа и вас провожу дамой, я все же его отталкивала после чего он стал поднимать мне юбку, и поволил на кровать я кричала а он меня уговаривал что ты боишься, что я тебя начать печатать читали (неразборчиво) я лишь только немнога, после чего начал меня насиловать в это время в помещение втащил служащий Волостполкома Анна фамилие не знаю все это она увидела из (неразборчиво) сказала извиняюсь, а Лукашин тут соскочил с меня со словами нечегоничего. Варышня здесь же ушла, ушел и Лукашин, после чего пришел сторож Иван фамилие не знаю у каторого я стала спрашивать дядя Иван скажи где мне леч он мне указал ложись на лежанку здесь будем спать в это время опять зашел Лукашин и принес огонь и начал рассказывать (неразборчиво) про идею Коммунизма я у него стала проситься начевать на кухне он сказал что отпушу. Здесь Иван ушел я сказала Лукашину что я сейчас уйду с Иваном на кухню а он сказал что я тебя потом (неразборчиво) вожу, и через полчаса он стал меня про (неразборчиво) чтобы я не кому не говорила брат маю (неразборчиво) и целовал и сказал чтобы я к нему через час пришла и я ушла и не пришла.

На другой день 19 февр. Лукашин отпустил меня совсем дамой куда я и пришла 3 час дня и все рассказала своему семейству. В воскресенье 22 февр. явился мой муж каторый служить в Рязани в караульном башльоне каторому я все тоже рассказала после чего мой муж поехал в волость заявить.

Гр-ка П-ва А. А. происходящая из (неразборчиво) Подвязьевской Вол. дер. Шедеево Ряз. Уез.

Ко всему выше изложенному подпись П-ва

Дознание производил член Губкомдезертир Канаев 26/II 20г.

С подленным верно: Делопроизводитель Рязубкомдезертир (подпись неразборчива)

Документ 2 (рукописный)
Протокол Дознания 26 февр. 1920 г.

Я Член Рязубкомдезертир Канаев снял настоящее дознание с уполномоченном Губкомдезертир по рязан-

скому уезду с тов. Лукашина Павла Петровича по поводу заявления гр-ке П-ой отом что он Лукашин ее как арестованную из изнасиловал.

Тов. Лукашин показал следующее. в дер. Шедеево Подвязьевской Вол. с отрядом прибыл в час ночи и приспустил к облаве дезертиров в том числе по указанию дезертира явился к гр-ке П-ой А. А. на предмет поимке ее мужа по сведению у каторого находился оружие, при опросе ее она отказалась и говорила что ее мужа дома не было с осени, тогда как я имел точные сведения что ее муж на конуне был дома по этому в качестве заложников взяли ее как жену дезертира и его брата, при аресте я ее не оскорблял никакими словами.

Через некоторое время она созналась что ее муж дома был но оружие про каторого она сказала что не знает где в настоящем время находится, поэтому я их (их — зачеркнуто) ее арестовал и обоих отправил в волостной полк. Куда сам я при (неразборчиво) часа 2 дня где тоже ее я не оскорблял если и вырожался то это было вырожжение общее всем дезертирам.

Все дезертиры мною были отправлены в Рязань часов в 6-ть вечера, а их я оставил как заложников не выдающих дезертира и оружие. Потом она часов в 7 стала у меня проситься дамой, и брат дезертира А. дал слово к 10ти часам утра на другой день привести брата по этому (неразборчиво) и отпустил ее как не сознавшую (неразборчиво).

На мой вопрос к тов. Лукашину был ли он с ней наедине и пытался ли ее изнасиловать как женщину тов. Лукашин сказал что не было такого момента чтобы мы с ней были наедине так как все время были кто либо из членов или сотрудников.

Больше поклясть нечего не могу виновным себя не считаю и прошу привлечь * к ответственности за клевету.

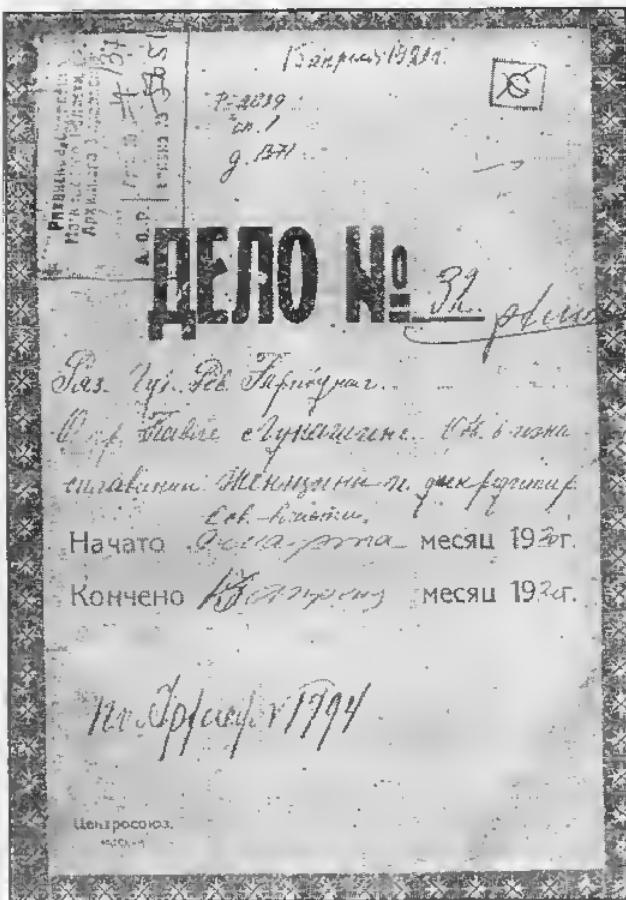
В чем и подпись Павел Лукашин

Дознание производил член Губкомдезертир Канаев
С подленным верно: Делопроизводитель Рязубкомдезертир (подпись неразборчива)

Документ 3 (рукописный)
обстоятельства дела

18-го февраля 1920 года, Член Укомдезертира ЛУКАШИН явился в деревне Б-Шадеево Подвязьевской вол. Рязанского уезда для проверки документов и ловли дезертиров. С этой целью он зашел в дом вдовы А. А. П-ой и стал спрашивать где ее сын, на что она ответила, что сын в Рязани, когда Лукашин приказал застать ее так как это происходило около 5 час. утра и увидав гр. П-а *, рожденного 1901 году, а также гр. А. А. П-ву сноху *. П-ой арестовал их и отправил в ВолСовет, где гр. *. П-ва он освободил, а *. П-ву оставил и стал предлагать ей отдать (отдаться в тексте жирно подчеркнуто от руки — ред.) ему, за что обещал не избивать мужа, но в виду того что *. П-ва указывала Лукашину, что муж ее служил в Красной Армии и катерически отказалась от гнусного предложения тогда Лукашин схватил ее бросил на кровать и произвел насилие. При чем *. П-ва стала кричать и на нее крики вошла служащая ВолСовета Анна Назарчук и застала Лукашину на месте преступления. После этого Лукашин освободил арестованную без всяких предчин *. П-ву и приказал ей под угрозой о случившемся никому не говорить. На основании вышеизложенного гр. Лукашин подлежит суду РевТрибунала по обвинению его в изнасиловании замужней женщины при исполнении служебных обязанностей и дискредитированции Советской власти.

Председатель (подпись неразборчива) Члены: (подпись неразборчива)



ОВВИНЕМЕМЫЕ: 1/ ЛУКАШИН Павел Петрович – Губ Тюрьма

СВИДЕТЕЛИ: 1/ А. А. П-ВА – дер. Б-Шадеева Подвязьевской вол. Ряз. уезд 2/ А. А. П-ВА – тоже 3/ И. П. П-В – тоже 4/ Анна Варфоломеевна НАЗАРЧУК – с. Подвязье Рязанского уезда 5/ Владислав Иосифич ВАЛЬБРУД – там же 6/ Владимир Васильевич КРЮЧКОВ там же 7/ Петр Григорьевич ЛАВРЕНОВ – там же 8/ Георгий Дмитриевич ЛЕВИН – там же 9/ ФЕДОТОВ – Член Волб(неразб.)дела 10/ ПЯТКИН Александр – д. Б-Шадеева Подвязьевской вол. Ряз. у.

(запись от руки) Член Следкома (подпись неразборчива)

Документ 4 (рукописный)
(извлечение из ПОСТАНОВЛЕНИЯ следственной комиссии от 16 марта 1920 г.)

... обвиняемый ЛУКАШИН уличается в изнасиловании замужней женщины при исполнении им служебных обязанностей и дискредитировании Советской власти. ...

Документ 5 (рукописный)

В Ряз. Губ Рев Трибунал
От арестованного с. Пощупово Новосельской волости Рязан. Уезд Лукашина

Заявление

Прошу Рев Трибунал рассмотреть мое заявление в следующем, Я Лукашин обвиняюсь в насилии *. П-ой но я к етому делу сибе виновным не признаю, и прошу Рев

Трибунал отпустить меня до суда на поруки так как я, всетаки поработал для республики по моей силе возможности от 29 июля 1918 г. по 25 февр. 1919 год с 6 октября 1919 года председателем сельского совета и с 25 февр. 1919 год по 6 октября 1919 года по 13 января 1920 года уполномоченным от упразднения рязанского волсовета, с 6 октября 1919 года по 13 января 1920 года уполномоченным от упразднения рязанского волсовета с 13-го янв. 1920 г. до дня моего ареста уполномоченным при Губкомдезертире все возложенные на меня работы я выполнял с полным желанием как мне подсказывала моя революционная совесть а потому и прошу Рев Трибунал обратить внимание на мое заявление и удовлетворить мою просьбу о моей работе можно спрятаться в Рязанском, но всему выше изложенному добавляю за службу мою в советских учреждениях хозяйство мое крестьянское совсем стало подрываться так как я был занят советской работой которая первоначальна в деревне совершено была не настроена и о своем крестьянстве не приходилась думать

11 / III. 20 г. К сему подписуюсь Павел Лукашин

Документ 6 (машинописный)

В РязГубРевТрибунал
от членов Российской Коммунистической Партии/большевиков/ Павла Андреевича ЕЛИСЕЕВА и Николая Михайловича УСЕНКОВА

ЗАЯВЛЕНИЕ

Тов. Лукашина Павла, как лучшаго, чеснаго и энергичаго работника служившаго в Новосельском ВолСовете в качестве Председателя и как (неразборчиво) чайного уполномоченного по изъятию хлебных излишков, исполнившаго (неразборчиво) как лучший партийныи работник, возложенные на него обязанности просим РевТрибунал выпустить его из ГубТюремы, где он находится теперь до суда, дело котораго назначено на 13 Апреля с/з, отдав его нам на поруки. Взяв его на поруки, мы надеемся, что тов. Лукашин, как чесныи (неразборчиво)й работник, явится в суд в срок, а постому, имея ввиду все его вышеизложенные работы, исполненные им честно, мы ручаемся за него и (неразборчиво) его на свою ответственность, что он явится в суд РевТрибунала в срок.

СПРАВКА Декрет СовОбороны о производимых арестах ВЧК ответственных служащих и специалистов Пар. 4 распубликованного в Изв. ЦИК за N 247 от 14-го Декабря 1918 г. разосланного РязГубисполкомом 20-го марта 1920 г. за N 1257

1920 г. «29» Марта

В чём и подписываемся

П. Елисеев (от руки) председатель Ряз уисполкома
Членский билет N 88 2-го района Рязанской группы Р.К.П.Б.
Усенков (от руки) Завед. Информ. Отд Ряз Губкомпартии. Членский билет 2-го Рязанского городск. района N 214.

Документ 7 (машинописный)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ГубРевТрибунал в своем распорядительном заседании от 29 марта с. г. рассмотрев дело по обвинению Председателя Новосельского ВолСовета Лукашина (Лукашина – вписано от руки – ред.) в изнасиловании ар. П-ой ПОСТАНОВИЛИ: освободить гр-на Павла ЛУКАШИНА из под стражи до суда под поручительство Членов коммунистической партии Павла Андреевича Елисеева и Николая Михайловича Усенкова.



Вр. и. д. Председателя (подпись неразборчива)
Члены: (две подписи неразборчива)
Секретарь (без подписи)

Документ 8 (рукописный по стандартному бланку)
ПРИГОВОР

1920 г. апреля 13го дня, ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ И СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ Рязанский Губернский Революционный Трибунал, заслушав дело о (отсюда и далее — рукопись — ред.) гражданине Павле Петрове Лукашине, обвиняемом в изнасиловании, замужней женщины и дискредитировании советской власти

Судебным следствием (неразборчivo) дела факт виновности считать не установленным, и потому Революционный Трибунал руководствуясь(ъ) своей Революционной совестью и обстоятельствами дела постановил: обвиняемого гражданина Павла Лукашина(а) считать(ъ) по суду оправданным.

Председатель(ъ) (подпись неразборчива)
Члены(ъ): (подпись неразборчива) Н. Усенков

ГАРО, Фонд Р—2639,
Опись 1, Дело 1371

**Редакция благодарит Наталью
ДУБЦОВУ, главного архивиста
Государственного архива Рязанской
области (ГАРО), за помощь при
подготовке материалов этой рубрики.**

**Документы ГАРО подготовил к печати
Сергей РОМАНОВ**

1953 год

5 марта — смерть Сталина.
14 марта — назначение Георгия Маленкова на должность председателя Совета Министров СССР.
27 марта — Указ Верховного Совета СССР об амнистии, не распространявшийся на политических заключенных.
26 мая — вспышка бунта в лагере №5 в Норильске, а вскоре — в двух других лагерях.
30 мая — неудачная попытка вооруженного подавления бунта в лагере №5 в Норильске.
1 июня — вспыхивает бунт в лагере №3, а вскоре — в других лагерях Норильска.
Начало июля — подавление восстания в лагере №5 в Норильске (около 60 убитых) и в лагерях №4 и №6 (женский) — без жертв.
10 июля — официальное сообщение об аресте Лаврентия Берия. В последнюю минуту отменено подавление восстания в лагере №3 в Норильске.
14 июля — несколько сот самых активных участников норильских событий вывезены в лагеря Колымы этапом по Енисею.

Ниже приводится текст двух листовок, распространявшихся во время знаменитого восстания в ГорЛАГе (Норильск) в июне 1953 г.

ПОЧЕМУ МЫ БАСТУЕМ

Большинство из нас — верные сыны своего народа, воспитанники Советской власти, вместе со своими

братьями и сестрами проливали кровь на фронтах войны, отстаивая честь, свободу и независимость нашего Великого Советского Отечества в борьбе против озверелого фашизма, но, побывав в плену (без чего не было и не будет войн), по возвращении на родину объявлено изменниками, шпионами, «врагами народа» и осуждено к 25 г. лишения свободы — т.е. пожизненному заключению.

Многие посажены и осуждены ни за что. Значительная часть по своей слабодушности, по ограниченности и направлению воспитания, безусловно, совершили преступление, заслуживающее наказание, но не столь суровое, чтобы отнимало жизнь человека. И если еще, можно сказать, подавляющая часть людей, которые по вышеупомянутым причинам приговорены к срокам до 10 лет ИТЛ, но это все формально. Фактически — эти люди зачислены на всю жизнь в список «неблагонадежных», несчастных — вечных «врагов народа», которым (как подтверждают факты!) нет и не будет места на родной земле! Это касается не только мужчин, но и женщин! Их судьба значительно хуже нашей, несмотря на то, что подавляющее большинство их не являются преступниками, несмотря на то, что многие являются материами и престарелыми людьми — они подвержены таким же суровым наказаниям, как и мы. Но организм женщины это переносит исключительно болезненно и пагубно. Можно только в преувеличительной фантазии представлять женщину-караторжанку в условиях сурового Севера, непосильного труда и тяжелых лишений. И это не фантазия, а сущая истина! Все это явилось результатом действий скрытых врагов народа, авантюристов типа Рюмина, пытавшихся путем лживого «количества» оправдаться свое «качество» и разжечь в чувствах Советского народа, сплоченного духом интернационализма, национальную вражду и ненависть, чтобы подорвать мощь СССР.

В связи с тем тут не будет лишним спросить: Как могло случиться, чтобы в органах МГБ СССР, призванных стоять на страже Советского государства, было сфабриковано провокационное дело, жертвой которого явились честные советские люди, выдающиеся деятели советской науки? /«Правда», 7 апреля 1953 г./ Это не только (добавляем мы) по отношению нескольких человек — это касается целых миллионов им подобных — честных добросовестных тружеников, ученых, храбрых воинов, верных дочек народа и т.д.

Несмотря на все, сбываются сроки заключения, мы несколько лет подряд терпеливо трудимся на благо Советской Родины и народа, честно и исключительно добросовестно, с целью искупить свою вину и возвращаться назад в общество свободных советских граждан. Но в течение продолжительного времени со стороны администрации лагеря и конвоя мы терпим грубые попирательства прав человека и издевательства, как-то: избиения и расстрелы, чему свидетельствуют неоднократные факты. Всему бывает конец, и наше терпение дошло до предела. Мы бросили работу и обращаемся к правительству СССР со следующими ТРЕБОВАНИЯМИ:

1. Пересмотреть наши дела в месячный срок.

2. Особенно щадительно разобраться и гуманно поступить с женщинами, малолетними, многодетными, престарелыми, больными и инвалидами.

3. Ликвидировать ОСОВОЕ СОВЕЩАНИЕ — как вопиющее беззаконие.

4. Невиновных — освободить! Виновным — снизить срока и применить зачеты.

5. Расследовать и привлечь к уголовной ответственности лиц из бывших органов МГБ, ставших на путь обмана правительства, преступного авантюризма, шедших на путь грубейшего нарушения советской законности, вплоть до открытой фальсификации и лжи обвинительных материалов, надругавшись



над неприкосновенностью советских граждан, записанной в нашей Конституции.

6. Гарантировать равноправную во всех отношениях и совершенно свободную жизнь наших семейств, устранимь существующие репрессии и преследования, озлобления со стороны властей на местах как формы методического уничтожения их, дать возможность им возвращаться в родные места.

7. Периодически, как это делается в других странах, правдиво освещать в центральной прессе жизнь политических заключенных в нашей стране.

8. Освободившимся и освобождающимся предоставить более широкие права в смысле поселения, трудоустройства, местожительства, выезда и т. д.

9. Инвалидов (как мужчин, так и женщин) вывезти на материк, рассмотреть их дела и предпринять самые решительные меры во возвращении их домой, относительно спасая жизнь этих живых трупов.

10. Разрешить неограниченную свободную бесцензурную переписку с родными согласно положения, записанного в Конституции СССР. Жалобы принимать и отправлять во все правительственные инстанции и судебные органы.

11. Установить 8-часовой рабочий день, а не 10-12 час. Ликвидировать доработки, как утомленную форму эксплуатации человека.

12. Зарплату выдавать полностью, т.е. все, что заработал человек, разделить на две половины: одну на руки, другую на личевой счет.

13. Находясь в местах заключения, мы терпели и часто терпим издевательства, нас расстреливали невинно и расстреливают. Прекратить издевательства со стороны надзора и оперчасты и администрации лагеря. Виновных в этом привлечь к уголовной ответственности, а не поощрять, как это делалось до сих пор.

14. Улучшить бытовые условия, культурно-воспитательную работу, медобслуживание и уход за больными.

15. Установить определенный порядок проведения обысков, не допускающий посягательств на имущество з/к, зачастую на честь и порядочность человека.

Ни Панюков, ни Зверев, ни работники ГУЛАГа не в силах удовлетворить наши требования. Мы уверены, что наши права свято соблюдаются и охраняются Советским правительством. Поэтому надеемся, что только оно даст положительное решение нашим требованиям. Мы требуем приезда на место К. Е. Ворошилова или авторитетной правительственной комиссии, чтобы им все заболевшее рассказать.

МЫ НЕ ИДЁМ ПРОТИВ ВЛАСТИ! Мы отстаиваем права на жизнь человека на земле, как это делают честные простые люди всего мира!

ДОЛОЙ КАТОРГУ! ДОЛОЙ КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ (культурно называемые Горлаги)!

ДОЛОЙ НОМЕРА! Мы честные люди, труженики, а не враги советской власти и народа!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Хорошенько подумайте и от души отвесьте:

Кто построил 25-й, 3 - 6, БМЗ, Коксохимзавод, ВОФ, Медеплавильный завод, 3-й кирпичный и цементный заводы? Кто проектировал и воздвигал город со всеми особо значительными сооружениями в нем? Кто, в частности, открыл наш ведущий в комбинате рудник - «МЕДВЕЖИЙ РУЧЕЙ»? Кто показал исключительно организованные и самые эффективные методы труда в условиях сурового Заполярья? Кто внес и внедрил в жизнь десятки и сотни рационализаторских предложений, дающих невиданно высокую производительность труда и огромнейшую экономию в стране? Кто выполнял и перевыполнял план комбината на протяжении почти десятка лет? Кто же, наконец, выд-

вигал наш Норильский комбинат на одно из первых мест в МВД и всей стране, обеспечивая ему Переходящее Красное знамя МВД?

И над всем этим везде и повсюду величественно высится наше имя - имя людей с номерами, в закрытых бараках, лишенных всех прав и благ человека. Невольно возникает вопрос: является ли это тем огромным и мощным вкладом в дело построения коммунизма, в дело укрепления мира во всем мире, в дело создания блага для человека на земле? Является ли это тем всеми сильным фактором, который определяет искупление вины перед нашей Родиной? И обеспечивающим свободу человека?

Почему же нас забыли и вычеркнули из списка полезных людей нашей Родины? Почему не внимали и не хотят внимать нашим жалобам и просьбам на протяжении десятков лет? После всего этого - имеем ли мы, наконец, право остановить работу на нужное время и потребовать от местных властей, чтобы они попросили к нам на место в Норильск К. Е. Ворошилова, или же самую авторитетную Правительственную комиссию из Москвы, а не представителей из МВД Красноярского края, как нам суждат наши начальники!!!

Хотят этого или не хотят наши местные власти, они обязаны выполнять справедливые и вполне заслуженные требования трудающей массы!

Довольно задерживать наши жалобы в Норильске и давать нам фиктивные ответы. Наше дело справедливое.

Мы требуем разбора дел на месте с личным опросом каждого заключенного и конкретным решением Московской комиссии на месте.

Верим в достижение цели!

**Редакция выражает признательность
Красноярскому обществу «Мемориал»
за предоставленные документы**



Фото: В. Кованов



**Литовский француз
Ионас Бруксялис —
солдат Армии Крайовой.**

Жила в Рудоминской волости Вильнюсского уезда, имение Ошконишки, литовская семья Бруксялис. Говорили, что предки их были бельгийцы, переселившиеся из Брюсселя в эпоху наполеоновских войн. Работали в имении польского помещика, особого богатства не нажили. Первую мировую войну пережили, но потом стало совсем тяжело. В 1918 году Ионас Бруксялис с женой решили уехать во Францию. Осели в Страсбург. Получили французское подданство, а вместе с ним и новую фамилию — Брузе. Здесь родились сын Ионас (Жан, в 1920 г.) и дочь Геновайте (Жанетта, в 1923 г.).

Когда грянула вторая мировая война, отец и сын ушли сражаться с немцами в рядах французской армии. В 1940 г. оба попали в немецкий плен. В 1943 г. молодой Ионас бежал из плена и попал к польским партизанам. Старый Ионас предпочел остаться в лагере военнопленных. Жена и дочь присыпали посыпки, письма, так что продержаться можно было. Молодой Ионас сражался с фашистами в отряде «Гром и Орлич» Армии Крайовой (АК) на территории Вильнюсского уезда, который был уже в составе Литвы.

24 февраля 1945 г. с группой А Kovцев Ионас попал в лапы спецслужб НКВД СССР. А поскольку участвовал в боях и против Красной армии, 29 октября 1945 г. был вместе с товарищами осужден военным трибуналом войск НКВД Литовской ССР на 7 лет лагерей по статье 58-1 Уголовного кодекса РСФСР. Срок отбывал в Воркутлаге. Работал на шахтах, буровиком в геологическом управлении комбината «Воркутуголь». Освободился весной 1952 г. из Особого лагеря №6 «Речного» (Воркута), вышел на спецпоселение, продолжал работать буровиком, бурил скважины на воду для шахт. Женился на учительнице начальных классов Раисе Александровне Поповой. За то, что вышла замуж за «врага народа», ее исключили из партии, а потом пришлось прощаться и со школой.

С двумя маленькими дочерьми Таней и Галей из Воркуты переехали в Сыктывкар. После смерти Сталина жить стало легче, но клеймо «врага народа» оставалось и часто напоминало о себе. Где отец, что стало с сестрой и матерью — ничего не знал. Писал письма в Страсбург, Париж, Марсель, французское посольство в Москве — без ответа. Умер Ионас Бруксялис, сын Ионаса, в Сыктывкаре в 1990 г., похоронен в селе Палауз Койгородского района Республики Коми — родном селе Р. А. Поповой. В 1992 г. Прокуратура Литовской Республики приспала семье Бруксялис справку о реабилитации их отца — в полном соответствии с Законом Литвы о реабилитации жертв геноцида.

Раиса Александровна Бруксялис живет сейчас трудно, а если говорить без обиняков — бедствует. Я пишу это письмо в надежде, что, будучи напечатанным в «Карте», оно дойдет до Польши. Может быть, откликнутся ребята из отряда «Гром и Орлич» и поддержат вдову своего боевого товарища?

**Николай МОРОЗОВ,
Сыктывкар**

P.S. Но литовский след в судьбе семьи не пропал. Племянник Раисы Александровны Михаил Блохин женат на литовке — Геновайте Сунгалайте, дочь Иона. Ее судьба тоже связана с советским геноцидом. Родители были высланы в Коми АССР на спецпоселение, жили в Троицко-Печорском районе, селе Митрофан-ди-кост. окончила школу, потом естественно-географический фа-

культет Коми педагогического института. По распределению уехала работать в школу села Палауз, где познакомилась с Михаилом. Потом переехали в Ухту, у них родили сына и дочь. Но это уже совсем другая история...



**История репрессий на Урале:
идеология, политика,
практика
(1917—1980-е годы)**

Заметки с научной конференции

10-12 ноября 1997 г. в Нижнем Тагиле состоялась региональная научная конференция «История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е гг.)». Она была подготовлена на историческом факультете Нижнетагильского педагогического проблемной научно-исследовательской лабораторией «Банк данных: Нижнетагильский регион в XX веке» (руководитель — доктор исторических наук, профессор В. М. Кириллов) и проводилась на грант Фонда Форда при поддержке администрации г. Нижнего Тагила.

В работе конференции приняли участие представители научных учреждений, вузов, архивов, общественных организаций — исследователи из Москвы, Твери, Екатеринбурга, Перми, Челябинска, Нижнего Тагила. Среди них нужно отметить имена таких исследователей, как: Е. В. Байда — к.и.н., доцент кафедры архивоведения УрГУ, Екатеринбург; А. В. Бакунин — д.и.н., профессор Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург; А. И. Вольхин — к.и.н., доцент Института переподготовки и повышения квалификации сотрудников ФСБ России, Екатеринбург; М. Е. Главацкий — д.и.н., профессор кафедры архивоведения УрГУ, Екатеринбург; А. И. Делицой — аспирант кафедры УрГУ, Екатеринбург; А. П. Килин — к.и.н., ассистент кафедры архивоведения УрГУ, Екатеринбург; П. Н. Мазур — к.и.н., доцент кафедры архивоведения УрГУ, Екатеринбург; Г. Я. Маламуд — м.н.с. Южноуральского отдела Института истории и археологии УрО РАН, Челябинск; Р. Т. Москвина — к.и.н., докторант Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург; В. П. Мотревич — д.и.н., профессор, зав. лабораторией историко-демографических исследований исторического факультета УрГУ, Екатеринбург; Л. А. Обухов — к.и.н., доцент кафедры отечественной истории Пермского государственного университета (ПГУ), Пермь; Н. Н. Попов — д.и.н., профессор, зав. кафедрой всеобщей истории УрГУ, Екатеринбург; М. В. Рубинов — аспирант ПГУ, Пермь; Ю. А. Русина — к.и.н., доцент кафедры архивоведения УрГУ, Екатеринбург; Т. И. Славко — д.и.н., профессор исторического факультета Тверского государственного университета, Тверь; Н. В. Стручкова — зав. отделом использования документов Государственного архива администрации Свердловской области, Екатеринбург; А. Б. Суслов — к.и.н., доцент кафедры отечественной истории ПГУ, Пермь; В. С. Терехов — аспирант Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Екатеринбург; Л. В. Хохлова — аспирантка кафедры архивоведения УрГУ, Екатеринбург; В. В. Чевардин — историк-краевед, член историко-просветительской группы Н.-Тагильского общества «Мемориал», Н.-Тагил; Е. В. Чупина — архивист отдела реабилитации ИЦ ГУВД Свердловской области, Екатеринбург.

Доклады участников конференции были посвящены актуальным проблемам идеологии, законодательной базы, политики и практики репрессий советского государства.



сопротивления тоталитаризму в СССР в период 1917-80-х гг., создания банка данных по истории репрессий на Урале. Всего было заслушано более двадцати сообщений. По итогам конференции был издан сборник научных работ ее участников.

Открывая конференцию, профессор Кириллов сказал о том, что Нижний Тагил стал научным центром в изучении репрессий по ряду причин: во-первых, в этом городе в 1940—50-х гг. размещалась крупнейшая лагерная система — ТагилЛАГ и значительная часть его жителей — жертвы репрессий и их потомки; во-вторых, с 1989 г. здесь действует историко-просветительское общество «Мемориал» и издан целый ряд книг по истории репрессий; в-третьих, исследовательские работы по этой теме поддерживают руководство города и Нижнетагильского государственного педагогического института (НТГПИ).

Пленарное заседание конференции началось с доклада доктора исторических наук А. В. Бакунина (Екатеринбург) «Основные этапы политических репрессий в СССР». Он же подвел итоги конференции. В заключительном слове А. В. Бакунин отметил безусловный научный интерес всех представленных докладов, так как они основаны на новом документальном материале, который впервые вводится в научный оборот, использовании современных методик обработки информации массовых источников. В то же время необходимы ковые поиски для всестороннего изучения поставленной проблемы. Например, недостаточно исследованы национальные отношения в условиях проведения репрессивной политики, малоизученными остаются проблемы социально-психологического состояния общества. Дальнейшей разработки требует многоаспектная проблематика функционирования экономической системы тоталитарного режима.

В. КИРИЛЛОВ, О. ПОРШНЕВА
Нижнетагильский государственный
педагогический институт



Мартиролог "Покаяние" в республике Коми

Республика Коми была одним из основных регионов СССР, куда ссылали, где содержали в лагерях жертв советского политического террора. Более 100 тысяч ссыльных и спецпереселенцев, трудармейцев, сотни тысяч политзаключенных (мы и сегодня не можем назвать их точное число) строили Воркуту и Ухту, Печорскую железную дорогу, валили лес, добывали уголь и нефть. Сколько их навсегда осталось в северной земле? Нет ответа.

30 октября 1997 года в Сыктывкаре установлен закладной камень памятника жертвам политических репрессий в Республике Коми. А 13 октября был подписан Указ главы Республики Коми «Об издании республиканского мартиролога «Покаяние». Председателем общественной редколлегии стал глава РК Ю. А. Спиридовонов. В составе редакционно-издательской группы, которая и будет непосредственно заниматься подготовкой мартиролога, — семь представителей общества «Мемориал» из Сыктывкара, Ухты, Воркуты, Сосногорска, поселка Абэзь.

Предполагается, что в мартиролог войдут списки с краткими биографическими данными о всех, кто был подвергнут политическим репрессиям, ссыльных, спецпереселенцах. Уже одно составление таких списков — работа грандиозная (по нашим оценкам речь идет не менее чем о миллионе человек). Издание их потребует не менее 20 томов. Но мартиролог будет включать в себя и подрабные

статьи о репрессивной политике, истории политической ссылки и ГУЛАГа в Республике Коми, документальные материалы, фотографии. Предполагается также составление и публикация сведений о всех местах захоронений жертв политических репрессий в Республике Коми. Первый том мартиролога планируется выпустить уже в конце 1998 года.

Работа финансируется правительством Республики Коми. Но сибирский «Мемориал» предполагает взять часть расходов на себя, с тем, чтобы по согласованию с редакционно-издательской группой, обеспечить выполнение ряда работ. «Мемориальцам» придется взять на себя и всю методическую часть, а также организацию поисковой работы, поскольку в этой области у нас накоплен значительный опыт.

Наше общество будет благодарно за любую информацию по мартирологу и финансовую поддержку. Адрес: 167000, Сыктывкар, Орджоникидзе, 33, «Мемориал».

Михаил РОГАЧЕВ,
председатель правления Сыктывкарской
общественной организации «Мемориал».



Памяти Юрия Галанского

Уважаемая редакция!

В моем письме, опубликованном в «Карте» № 19-20, я сообщал о перезахоронении в июле 1991 года праха известного правозащитника Юрия Галанского, моего друга. 4 ноября 1992 года, в 20-ю годовщину смерти Юры, я открыл мемориальную доску в Историко-архивном институте, где он учился перед арестом. В Москве доску сделать побоялись, так как в тексте были слова: «...замучен в концлагере...», испугались и в Ростове, где я живу. В конечном итоге доску я сделал в Батайске (10 км от Ростова). Мраморная доска получилась прекрасная. Но когда текст увидел ректор института «крупный демократ» Ю. Афанасьев, он заколебался. Пришлось использовать для решения вопроса авторитет Буковского. Только тогда Афанасьев дал согласие на размещение доски в институте. Правда, вечер памяти Юры мне провести не дали. Декан сказал, что студентам политика не нужна, что им нужно учиться. Увещевания были бесполезны.

С той поры, приезжая в Москву, я всегда заходил в Историко-архивный и проверял, цела ли доска. Постоянно просил об этом же и московских друзей. Но в декабре 1997 года, приехав в институт с телевизионной группой для съемок фильма о Юрии, обнаружил, что доски — нет. Нет даже и дырок в стене. Я поднял шум. Местные начальники перепугались, забегали, стали нести какую-то чушь, что доска на «реставрации» и т.п. Я поднял на ноги московских «мемориальцев». Они ахали и возмущались, но что сделали, не знаю, потому что вскоре должен был уехать домой. Я написал всем знакомым политзакам, чтобы они сделали запросы ректору Историко-архивного института по поводу исчезновения доски. Нужно возбудить общественное внимание к этому факту, унижающему и оскорбляющему память о жертвах тоталитарной системы. Надо сделать все возможное, чтобы вернуть доску на место.

С уважением
Витольд АБАНЬКИН
Ростов-на-Дону

**HUMAN RIGHTS ONLINE**

Самая полная информация о положении с правами человека в России

<http://www.glasnet.ru/~hronline>**КАРТА ТВОЕЙ ИСТОРИИ**<http://ngo.ryazan.ru/karta>**Centers for Pluralism Newsletter
NGO. Sponsors. Contacts.**<http://ngo.ryazan.ru/idee>**NED**

Этот номер "Карты" выпущен при содействии
фонда National Endowment for Democracy (NED) и
Программы малых грантов Российской-Американской
Проектной Группы по правам человека и Фонда Форда

**Журнал "Карта" поддерживали:**

МП "Декор"
(Рязань)

За гражданское
общество



Фирма "Бриг-Ф"
(Рязань)



OPEN SOCIETY INSTITUTE

Институт "Открытое
Общество" (Москва),
Фонда Джоржа
Сороса



Международное историко-
просветительское и
правозащитное общество
«Мемориал»



Агентство США
по Международному
Развитию



Институт Демократии в
Восточной Европе
(Вашингтон-Варшава)

Посольство
Королевства
Нидерланды

ROYAL
NETHERLANDS
EMBASSY

АО "РОКС"
(Рязань)



Фирма оргтехники
Антониуса Гуттермана
(Германия)



Немецкий Народный Союз
по уходу за могилами
жертв войны и репрессий

Фонд «Евразия»
(Вашингтон)

The Eurasia
Foundation

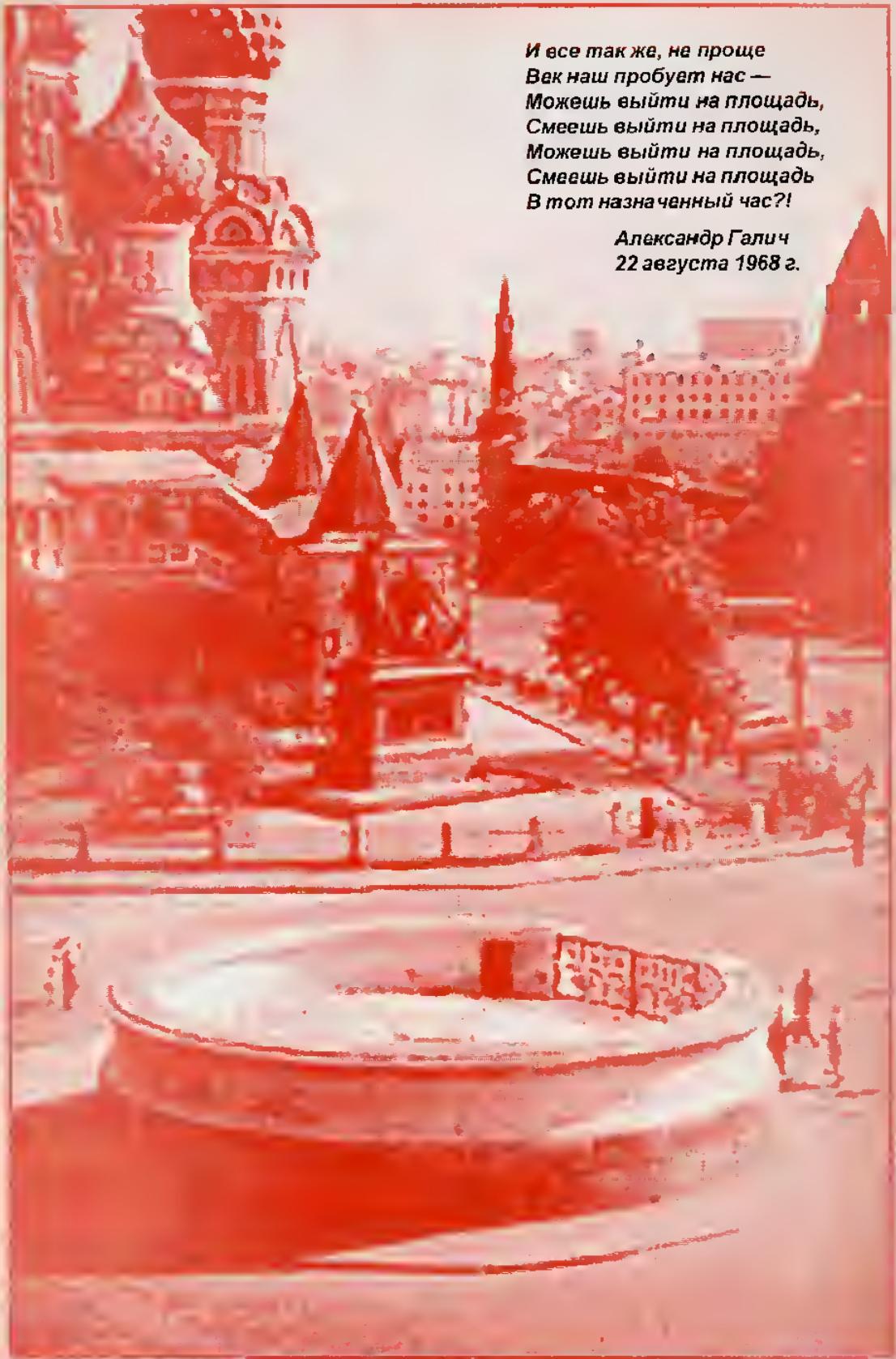
Общественный Центр
(Варшава)

Karta

Полиграфическая фирма
Петера Ломмана
(Германия)



Фонд Польско-Чешско-
Словацкой Солидарности
(Варшава)



И все так же, не проще
Век наш пробует нас —
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В том назначенный час?!

Александр Галич
22 августа 1968 г.